

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

XVII сессия Европейско-Азиатского правового конгресса	6
Дискуссионная панель: «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы»	6
Дискуссионная панель: «Технологии XXI века в юриспруденции»	8
LegalTech платформа ТурбоКонтракт: выжимаем максимум из электронного документооборота	9

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Бозров В. М., Шипкова А. Р. О некоторых проблемах взаимодействия судов и средств массовой информации по обеспечению гласности правосудия	12
Корсаков К. В. Аксиомы, постулаты и основополагающие идеи уголовного наказания в уголовно-правовой доктрине и российском уголовном законодательстве	19
Куц Л. И. К вопросу о правовом обеспечении государственного регулирования инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике в условиях экономической интеграции	25

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Белых В. С., Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: спорные вопросы теории	31
Белых С. В. Законодательство Российской Федерации о предпринимательской деятельности: понятие, состав, особенности	38
Яковенко А. С. Вопросы правового регулирования применения автономных роботизированных технологий в горной промышленности Российской Федерации	45

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Понкин И. В. Медицинские изображения и компьютерное зрение: понятие, проблемы, правовые аспекты	52
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лазутин Л. А. Проблема нераспространения оружия массового поражения (в особенности ядерного) в современном мире	59
Аминов Е. Р. Проблемы применения норм иностранного права арбитражными судами РФ при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц	67
Борисова Н. С. Применение технологий машиночитаемого права: международный опыт	72

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кофанов Л. Л. Обычаи курии как источник конституционного права в Риме эпохи республики	78
--	----

Трибуна молодых ученых

Пашинина Е. О. Холдинг в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли реального сектора экономики	86
Эбергардт С. А. Направления развития машиноисполняемых сделок в условиях цифровизации права	91

CHIEF EDITOR'S COLUMN

DIGITALIZATION OF ECONOMY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

XVII сессия Европейско-Азиатского правового конгресса	6
Дискуссионная панель: «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы»	6
Дискуссионная панель: «Технологии XXI века в юриспруденции»	8
LegalTech платформа ТурбоКонтракт: выжимаем максимум из электронного документооборота	9

PUBLIC LAW

Bozrov Vladimir M., Shipkova Alina R. On Some Problems of interaction between courts and Mass Media to ensure publicity of justice	12
Korsakov Konstantin V. Axioms, postulates and fundamental ideas of criminal punishment in the criminal law doctrine and Russian criminal legislation	19
Kushch Lyubov I. On the issue of legal support of government regulation of investment activities in the Donetsk People'S Republic in terms of economic integration	25

CIVIL AND BUSINESS LAW

Belykh Vladimir S., Rubtsova Natalya V. The mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity: controversial issues of theory	31
Belykh Sergey V. Legislation of the Russian Federation on entrepreneurial activities: concept, composition, features	38
Yakovenko Aleksey S. Development of legal relations using autonomous robotic systems	45

MEDICAL PRAVO

Ponkin Igor V. Medical images and computer vision: concept, problems, legal aspects	52
---	----

INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW

Lazutin Lev A. The non-proliferation of the weapon of mass destruction (specifically the nuclear one) in the modern world	59
Aminov Evgenii R. The problems of application of foreign law by Arbitration Courts of the Russian Federation in considering cases involving foreign legal entities	67
Borisova Nadezhda S. Application of machine-readable law technologies: international experience	72

HISTORY OF THE STATE AND LAW

Kofanov Leonid Lv. The Customs of the Curia as a source of Constitutional Law in Rome during the Republic Era	78
---	----

TRIBUNE OF THE YOUNG RESEARCHERS

Pashinina Elena O. Holding company in the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in the oil and gas industry of the real sector of the economy	86
Ebergardt Semyon A. Directions for development of machine executed transactions in the conditions of digitization of law	91

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Перед Вами второй номер журнала «Бизнес, менеджмент и право». На современном историческом этапе, который проходит Россия, перед юридической наукой стоит основная задача — предлагать решения существующих актуальных проблем развития, вырабатывать эффективные правовые средства, обеспечивающие достижение целей, установленных в указах Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Решение этих целей и задач невозможно представить без публикаций Ваших статей и последующей широкой научной дискуссии. Журнал «Бизнес, менеджмент и право» предоставляет авторам и читателям такую возможность. Очередной номер журнала тому подтверждение!

23–24 мая 2024 г. состоялась очередная XVII сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Правовое сотрудничество и социальный прогресс. К 100-летию С. С. Алексеева» в Екатеринбурге. Соорганизаторы ЕАПК — Ассоциация юристов России и Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. В работе сессии ЕАПК приняли участие более 1700 юристов из 12 стран мира. XVII сессия Конгресса была проведена под знаком 100-летнего юбилея великого правоведа и видного государственного деятеля Сергея Сергеевича Алексеева — доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РСФСР, Лауреата Государственной премии СССР, высшей юридической премии «Юрист года», Демидовской премии, почетного гражданина Свердловской области.

Для целей развития юридической науки, повышения уровня профессиональных компетенций, редакция журнала предлагает Вам высказать свои пожелания и предложения по направлениям научных исследований. Данная информация будет обязательно доведена до авторов. Мы высоко ценим Ваше внимание к журналу и будем благодарны за использование статей, опубликованных на страницах журнала в Ваших работах. Только так мы сможем совместно и успешно развивать юридическую науку и, конечно, получать новые знания.

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает вам крепкого здоровья, новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма! Итак, только вперед!

*С уважением,
главный редактор*

В. С. Белых

БИЗНЕС, МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО

Научно-практический экономико-правовой журнал
№ 2 (62), 30 июня 2024 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УРГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	Белых В. С. — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	Герасимов О. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК	Вагина О. В. — кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева». Гаевская Е. Ю. — кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	Бозров В. М. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева». Винницкий А. В. — доктор юридических наук, проректор по науке, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева». Винницкий Д. В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС. Головина С. Ю. — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева». Губин Е. П. — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». Ершова И. В. — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». Илюшина М. Н. — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». Исаков В. Б. — заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Камышанский В. П. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права». Карелина С. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». Кванина В. В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». Кузнецова О. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Митин А. Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Незнамова З. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права имени М. И. Ковалева, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Нур Джухайда Осман — Университет Саинс Ислам, г. Нилай, Малайзия.

Попондопуло В. Ф. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Салиева Р. Н. — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».

Старилов Ю. Н. — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Тужилова-Орданская Е. М. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

У Дунгао — Яньбеньский университет, юридический факультет, г. Яньцзи, Китайская Народная Республика.

Хазанов С. Д. — кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета Верховного Суда Российской Федерации.

Шевченко Г. Н. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владивостокского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет».

Ярков В. В. — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. — доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).

Беляев К. П. — председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Беседин А. А. — президент Уральской Торгово-промышленной палаты (председатель правления).

Гаджиев Г. А. — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке.

Мамонтов Д. М. — министр природных ресурсов и экологии Свердловской области.

Перевалова И. В. — кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Сидоркин С. В. — кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.

Таранов А. Н. — руководитель Уральского управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Тимофеев А. В. — президент Национальной ассоциации участников фондового рынка.

Тужиков Р. С. — руководитель Уральского межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

Чубаров В. В. — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.

Филиппенков А. А. — президент Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области.

Фурдуй С. В. — начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. — заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

XVII сессия Европейско-Азиатского правового конгресса

24 мая 2024 года в Екатеринбурге в рамках Европейско-Азиатского Правового Конгресса 2024 прошли две дискуссионные панели «Механизм

правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы» и «Технологии XXI века в юриспруденции».

Дискуссионная панель: «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы»

В рамках панели «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы» модераторами выступили: Белых Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Бажина Мария Анатольевна, доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. В дискуссионной панели приняли участие представители органов государственной и муниципальной власти, высших учебных заведений, академических институтов, расположенных не только в России, но и за рубежом, бизнес-сообщества в обсуждении вопросов, связанных с тенденциями развития гражданского права, женского предпринимательства, повышения эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном и финансовом секторах экономики и др.

С приветственными словами к участникам панели выступили: Белых Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева и Есина Екатерина Анатольевна, депутат Законодательного Собрания Свердловской области.

В работе дискуссионной панели приняли участие: Ершова Инна Владимировна, д.ю.н., профессор, первый проректор, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического

университета имени О. Е. Кутафина с докладом «Феномен женского предпринимательства: истоки регуляторной политики»; Богданов Дмитрий Евгеньевич, д.ю.н., советник проректора по научно-исследовательской деятельности, заведующий научно-образовательным центром частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, главный редактор журнала Lex, с докладом «Правовой режим сектора производства (ноу-хау) в российском и зарубежном праве: параллельная реальность или юридическое фэнтези»; Тарасенко Ольга Александровна, д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина с темой доклада «Правовое регулирование банковской деятельности в новых регионах Российской Федерации»; Левушкин Анатолий Николаевич, д.ю.н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина с темой доклада «Механизм правового регулирования семейного предпринимательства: проблемы легализации и баланс интересов»; Кирпичев Александр Евгеньевич, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета с темой доклада «Абонентские договоры в регулировании оказания юридических услуг»; Панова Альбина Сергеевна, д.ю.н., заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова с темой доклада «Правовое регулирование корпоративных стандартов в условиях цифровизации»; Рубцова Наталья Васильев-

на, к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления с темой доклада «Тенденции развития моделей механизма правового регулирования предпринимательской деятельности»; и другие участники.

Особая благодарность за участие в дискуссионной панели и интересные доклады нашим коллегам из Донецка и Луганска: Кучуровой-Шевченко Е. В., к.ю.н., доценту, заведующей кафедрой предпринимательского права и арбитражного процесса Луганского государственного университета имени Владимира Даля; Куц Л. И., к.ю.н., доценту, заведующей отделом экономических исследований Института экономических исследований ДНР.

Дискуссионная панель стала важной площадкой для обмена опытом и выработки новых

подходов при обсуждении таких актуальных вопросов как: механизм правового регулирования банковской деятельности, корпоративных отношений, страховой деятельности, инвестиционной деятельности, интеллектуальной собственности, юридических услуг, цифровой валюты, антимонопольного регулирования, технического регулирования и др. Ее результаты будут способствовать повышению эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности и правоприменения, защиты прав граждан и компаний в условиях стремительного технологического развития.

Выражаем всем экспертам и участникам дискуссионной панели: «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы» огромную благодарность и ждем новых встреч!

*Герасимов О. А., д.ю.н.,
доцент кафедры предпринимательского права имени В. С. Якушева
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева*

Участники дискуссионной панели «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: современные вызовы»

Дискуссионная панель: «Технологии XXI века в юриспруденции»

Организаторы мероприятия — кафедра криминалистики УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, Центр содействия развитию криминалистики «Крим-Либ», Союз криминалистов и криминологов и лаборатория цифрового права при кафедре предпринимательского права им. В. С. Якушева УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

Модераторами панельной дискуссии выступили ведущие ученые Уральского государственного юридического университета в сфере цифровизации экономики и права: Белых Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, Бахтеев Дмитрий Валерьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, Болобонова Мария Олеговна, директор лаборатории цифрового права при кафедре предпринимательского права им. В. С. Якушева УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева.

С приветственным словом к участникам панельной дискуссии обратились представители бизнеса и профессиональных объединений, в том числе Граденко Михаил Сергеевич, директор Департамента технологий искусственного интеллекта РУСАЛ, Ткачев Александр Александрович, генеральный директор IQ300, Ахметшин Радик Гайнуллович, директор Уральского представительства Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР).

В ходе панельной дискуссии были рассмотрены актуальные вопросы применения цифровых технологий в различных отраслях юриспруденции, включая криминалистику, уголовный процесс, гражданское право, налогообложение и другие. Особое внимание было уделено использованию искусственного интеллекта, Больших данных, блокчейна и других инновационных разработок.

Благодарим организаторов и участников панельной дискуссии за плодотворную работу и вклад в развитие юридической науки и практики.

*С. А. Эбергардт,
сотрудник лаборатории цифрового права при кафедре
предпринимательского права им. В. С. Якушева УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева*

Участники конференции «Технологии 21 века в юриспруденции»

Слева направо: Балеевских Федор Валентинович, Бахтеев Дмитрий Валерьевич, Герасимов Олег Анатольевич, Белых Владимир Сергеевич, Болобонова Мария Олеговна, Аминов Евгений Раульевич, Ахметшин Радик Гайнуллович.

Слева направо: Бахтеев Дмитрий Валерьевич, Болобонова Мария Олеговна, Белых Владимир Сергеевич

LegalTech платформа ТурбоКонтракт: выжимаем максимум из электронного документооборота

Одна из важных задач современного бизнеса заключается в сокращении времени и ресурсов, затрачиваемых на выполнение рутинных операций с документами.

Разработчик платформы:

ООО «УМНАЯ АВТОМАТИЗАЦИЯ», год основания — 2014, является аккредитованной Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ИТ-компанией, разработчиком и единственным правообладателем программного продукта «ТурбоКонтракт» (включен в единый реестр отечественного программного обеспечения).

Проблематика и значение темы:

Более 10 лет работы с документами позволили собрать интересную коллекцию «вызовов», почему автоматизация документооборота важна для современного бизнеса и юридической сферы:

- Ручная работа и ошибки, связанные с человеческим фактором;
- Необходимость контроля даже типовых документов высококвалифицированным персоналом;
- Сложность поддержания базы типовых документов в актуальном состоянии;
- Большое число версий документов;
- Последовательная работа, ввиду технологической невозможности работать параллельно;
- Сложность согласования документов, ввиду большого числа участников процесса.

- Высокие стоимостные и временные затраты на процессы подготовки и согласования документов.

Решение:

LegalTech находится на стыке юриспруденции и технологий, и платформа ТурбоКонтракт является одним из ведущих продуктов данного сегмента, представляющая собой **NO-CODE конструктор документов с функцией многопользовательской работы**.

Кейсы:

АО «Центральный научно-испытательный полигон строительно-дорожных машин» (индустриальный парк). Подготовка пакета арендных документов из договора аренды и 19-ти приложений ускорила до 18 раз! (По сравнению с ручным заполнением методом Copy-Paste).

Уральский банк реконструкции и развития (УБРиР), банк топ-25. Настройка более 150 типовых шаблонных форм проведена аналитиками банка без привлечения ИТ-специалистов, в режиме NO-CODE. Что позволило сократить время настройки в 4 раза, а стоимость в 6 раз.

Сибур, юридический департамент. Шаблонизировано до 85% типовых документов. ТурбоКонтракт автоматически отправляет на контроль юристу документы, в которых есть хоть запятая отличий от типового шаблона. Или документ идет сам по «зеленому коридору», если отклонений от шаблона нет.

Группа Черкизово. ТурбоКонтракт интегрирован в систему согласования договоров OpenText (модуль SAP), у юристов появилась возможность из карточки сделки, не выходя из программы, создать пакет документов и отправить его на согласование. Юристы теперь могут управлять массивом шаблонов: гибко контролировать доступ пользователей к шаблонам, оперативно включать и выключать их, одним кликом подключать типовые блоки шаблонов, например форс-мажор или антикоррупционную оговорку;

Группа Черкизово провели серьезную внутреннюю работу по оптимизации процессов, стандартизации документов, что позволило ком-

пании выиграть первое место в конкурсе «Лучшие юридические департаменты России» в 2021 и 2023 гг. в номинации «Эффективная договорная работа».

Сибур, подразделение Капитальные Вложения и Инвестиционные

Проекты. Автоматизация подготовки и согласования технических заданий (ТЗ) на проектно-исследовательские работы (ПИР) и строительномонтажные работы (СМР).

- 10 производственных предприятий.
- 1300 человек работает в подсистеме.
- 20 человек участников одного документа, включая руководителей среднего звена.
- 900–1000 документов в год (капитальное строительство, тех. перевооружение, эксплуатация и пр.)

Достигнуто сокращение среднего жизненного цикла документа с 18-ти до 8-ми рабочих дней. 10 рабочих дней на документ, или более 9000 рабочих дней в год, настолько быстрее объекты капитального строительства будут приносить бизнесу прибыль.

Иновация платформы ТурбоКонтракт:

- Одновременная многопользовательская работа в документе.
- Настройка в режиме NO-CODE вариативных шаблонов, 20 типов переменных позволяют настроить самые сложные документы.
- Управление правами практически на любой элемент интерфейса, есть права внутри документа, на отдельные разделы или даже отдельные слова (разные подразделения не повредят чужие блоки).
- Встроенный в документ контентозависимый workflow — механизм сам динамически включает права на действия, или элементы интерфейса в зависимости от состояния контента, пригласит сотрудников или представителей контрагента в документ в нужный момент.

Технические аспекты:

Установка в периметре Заказчика, индивидуальная настройка под клиента.

Пройдены комитеты по ИТ-архитектуре и информационной безопасности в крупнейших компаниях.

Масштабируемое решение, рассчитано на большую нагрузку и не требовательно к вычислительным ресурсам.

Имеется развитый документированный API, собственная встроенная LOW-CODE библиотека, что позволяет быстро интегрировать решение в любой существующий у Заказчика ИТ-ландшафт.

ТурбоКонтракт не заменяет, а дополняет Системы Электронного Документооборота (СЭД). А в случае их отсутствия может взять на себя их функции.

Развитие технологий:

В настоящее время команда ТурбоКонтракт проводит исследования по внедрению в продукт технологий, связанных с Искусственным Интеллектом (ИИ). Также ведутся работы по функционалу работы с нетиповыми документами, машиночитаемыми доверенностями (МЧД).

Типовые внутренние заказчики системы:

- Руководитель юридического департамента (договорная, претензионная работа, доверенности и др.),
- Коммерческий директор (цепочки документов Заявка-КП-Договор-Приложения),
- Закупки (закупочная документация, тендерная документация),
- Кадры (кадровая документация, охрана труда и пр.),

- Инноваторы, ИТ (импортозамещение, цифровизация, инновации),
- Руководство компании (увеличение производительности труда, снижение затрат, эффективность, оптимизация).

Используют ТурбоКонтракт:

МТС, Сибур, НИПИГАЗ, Магнит, Группа Черкизово, СУЭК, Банк УБРиР, Евраз, ВНИИЖТ и другие.

Заключение:

ТурбоКонтракт является универсальным инструментом и может быть полезен организациям из любой сферы деятельности. Основные критерии применимости технологии — наличие участков с большим числом типовых документов, сложность и длительность согласования документов, ошибки в документах.

За годы работы мы получили опыт работы с ведущими компаниями страны, лидерами инноваций. И мы благодарны им за то, что они развили наш продукт своими высокими требованиями и экспертизой.

Теперь ТурбоКонтракт может предложить не только инновационное программное обеспечение, но и посоветовать «лучшие практики» при его внедрении и автоматизации бизнес-процессов.

Закажите демо решения:

[https://turbocontract.ru/
support@turbocontract.ru](https://turbocontract.ru/support@turbocontract.ru)
8-800-500-02-08

Telegram — канал:

УДК 343

О некоторых проблемах взаимодействия судов и средств массовой информации по обеспечению гласности правосудия

В. М. Бозров, А. Р. Шипкова¹

Аннотация: в настоящей статье затронут ряд актуальных проблем транспарентности в судебной деятельности. В частности, на основе результатов экспресс-анализа работы судов общей юрисдикции Свердловской области авторы обращают внимание на некоторые наиболее важные моменты по совершенствованию деятельности судов, судей и пресс-центров с представителями СМИ по обеспечению гласности судебной деятельности в целом и связанных с этим организационных вопросов.

По мнению авторов, любое без исключения законное решение суда по уголовному делу обладает общей превенцией, а воспитательная роль самого судебного разбирательства, проведенного без отступлений от процессуальной формы, неоспорима. В этой связи, полагают авторы, необходимо взаимодействие судов и средств массовой информации по осуществлению указанных социально-правовых факторов. Иначе говоря, правосудие должно осуществляться строго в соответствии с законом, и при этом оно должно не оставаться «вещью в себе», а становиться настолько информативно общедоступным, насколько позволяет законодательство, регулирующее данное направление взаимодействия судов и СМИ. В то же время авторы статьи предупреждают о возможных злоупотреблениях в этом вопросе как со стороны судей, так и представителей СМИ. Например, априорный подбор дел судьями для рассмотрения в присутствии специально подобранного контингента и тенденциозное освещение СМИ результатов судебного разбирательства недопустимы.

Ключевые слова: суд, правосудие, транспарентность, гласность, средства массовой информации, взаимодействие, выездные судебные заседания.

On Some Problems of interaction between courts and Mass Media to ensure publicity of justice

Vladimir M. Bozrov, Alina R. Shipkova²

Abstract: this article touches on a number of transparency issues in judicial activities. In particular, based on the results of an express analysis of the work of courts of general jurisdiction in the Sverdlovsk region, the authors draw attention to some of the most important points for improving the activities of courts, judges and press centers with media representatives to ensure the transparency of judicial activities in general and related organizational issues.

According to the authors, any lawful court decision in a criminal case, without exception, has a general preventive effect, and the educational role of the trial itself, conducted without deviations from the procedural form, is undeniable. In this regard, the authors believe that interaction between the courts and the media is necessary to implement these social and legal factors. Simply put, justice should be carried out strictly in accordance with the law, and at the same time it should not remain a “thing in itself”, but become as informatively publicly available as the legislation regulating this area of interaction between courts and the media allows. At the same time, the authors of the article warn about possible abuses in this matter by both judges and media representatives. For example, the a priori selection of cases by judges for consideration in the presence of a specially selected contingent and biased media coverage of the results of the trial are unacceptable.

Keywords: court, justice, transparency, publicity, media, interaction, mobile court hearings.

¹ Для цитирования: Бозров В. М., Шипкова А. Р. О некоторых проблемах взаимодействия судов и средств массовой информации по обеспечению гласности правосудия // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 12–18.

² For reference: Bozrov V. M., Shipkova A. R. On Some Problems of interaction between courts and Mass Media to ensure publicity of justice // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 12–18.

Большинство цивилизованных государств декларирует принцип открытости судопроизводства как важнейшую социальную ценность посредством закрепления его на конституционном уровне, поскольку он является неотъемлемой частью системы демократических принципов правосудия, в которых отражаются политико-правовые идеи народа как источника власти и суверенитета.

В этой связи, конечно же, важнейшим проявлением транспарентности является обеспечение доступности граждан к судебным решениям. Ученые, исследовавшие данную проблему в глобальном масштабе, утверждают, что практически во всех европейских, североамериканских, южноамериканских и азиатских государствах граждане имеют доступ к судебным решениям, по их мнению, такая практика берет начало с девятнадцатого века, а с появлением интернета она приобрела максимальное развитие на сегодняшний день и в Российской Федерации¹. Конечно же транспарентность судебной деятельности заключается не только в доступности граждан к решениям судов, но и в доступности к общей информации о конкретном суде, к информации по рассмотрению дел в суде, к информации о кадровом обеспечении деятельности суда, в информированности о порядке и времени приема граждан и т.д.². Для освещения всех перечисленных составляющих транспарентности в деятельности судов потребовалось бы исследование монографического уровня, а поэтому мы ограничились лишь изложением собственного видения некоторых аспектов касательно взаимодействия судов и СМИ по обеспечению гласности правосудия в пределах границ, определенных соответствующими нормативными актами, а также рядом рекомендаций, высказанных в постановлениях Пленума ВС РФ. Изучив практику деятельности судов Свердловской области касательно данной тематики, мы посчитали, что задачи, определенные Концепцией информационной политики судебной системы, утвержденной постановлением Совета судей РФ 16.10.2011 №60, не потеряли своей актуальности и сегодня. Особенно та часть

транспарентности судебной деятельности, которая касается открытости отправления правосудия.

И на самом деле, не требует доказательств тот факт, что открытый характер судопроизводства является средством обеспечения справедливости судебного разбирательства, поэтому общество объективно заинтересовано в независимом и открытом правосудии, в доступности судебных решений, которые не только формально, но и с точки зрения целей правосудия должны отвечать общепризнанным человеческим ценностям³.

Содержание транспарентности судебной системы как социально-правового принципа многогранно, однако основным его предназначением является обеспечение законности через призму открытости информации о деятельности судов

Как было сказано, содержание транспарентности судебной системы как социально-правового принципа многогранно, однако основным его предназначением является обеспечение законности через призму открытости информации о деятельности судов. Неслучайно Пленум Верховного Суда РФ неоднократно акцентировал внимание на том, что данный процессуальный институт (а он таковым является) способствует повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, является гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивает общественный контроль за функционированием судебной власти⁴. От себя добавим, что открытое судебное разбирательство является одним из действенных средств поддержания доверия общества к суду, повышения его авторитета, повышения ответственности судей за процесс и результаты правосудной деятельности и правового воспитания граждан, формирования у них не только правового, но и нравственного созна-

¹ Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. (очень качественный системный анализ практики и нормативных актов). М. 2021.

² Гришина Я. С. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов (постатейный комментарий к ФЗ от 22.12.2008 №262-ФЗ). под ред. Исаенковой. Автор работы: АЙ ПИ Эр Медиа, 2010.

³ Маслеев А. Г. Правосудие как объект общественного интереса // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). Екатеринбург. 2014. С. 46–48.

⁴ Преамбула Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов».

ния. Открытость правосудия способствует повышению культуры судопроизводства и профессионального уровня его участников.

Не следует сбрасывать со счетов и то, что прямо или косвенно эффективность деятельности судов и всей судебной системы, а также нормальное функционирование государства в целом тоже зависят

Открытость правосудия, конечно же, в первую очередь реализуется посредством процессуальных запретов, дозволений и обязанностей

от доверия со стороны общества, которое формируется через гласность судопроизводства. Разумеется, венчает правосудие итоговый документ, который должен быть не просто открыт для ознакомления, важно, чтобы четко и понятно были раскрыты его правовое содержание и основания принятия, чему способствует обоснование применяемых норм.

Открытость правосудия, конечно же, в первую очередь реализуется посредством процессуальных запретов, дозволений и обязанностей. Вместе с тем важнейшим средством информирования граждан о деятельности судов является взаимодействие судебных органов и средств массовой информации. Здесь уместно подчеркнуть, что такое взаимодействие основано не только на принципах судопроизводства, но и на конституционных постулатах о свободе мысли и слова: граждане и организации вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения законодательных требований.

Подчеркивая важность подобного взаимодействия судов и СМИ, напомним, что Консультативный совет европейских судей еще в 2001–2002 годах отмечал в качестве положительного явления тенденцию увеличения внимания к судебным делам со стороны СМИ, одновременно выразив свою озабоченность тем, чтобы данный интерес не привел к оказанию негативного влияния журналистики на поведение судей и принимаемые ими

решения, подчеркнув, что хоть свобода прессы и является важнейшим принципом общественной жизни, однако судебный процесс должен быть защищен от чрезмерного внешнего влияния¹.

В Российской Федерации данная проблема также не осталась без внимания. Например, двумя годами раньше Совет судей РФ обратил внимание на то, что процесс утверждения независимости и самостоятельности правосудия не должен конкурировать с гласностью, а потому для судебной власти должны быть созданы условия, в которых она могла бы системно отстаивать свои интересы и проводить эффективную информационную политику². В этой связи осуществление информационного сопровождения правосудия, как важного вида организационного обеспечения деятельности судов и органов судейского сообщества, Совет судей РФ возложил на Судебный департамент при Верховном Суде РФ. В связи с этими рекомендациями на сегодняшний день сложилась практика, в соответствии с которой обеспечение доступа к информации о деятельности конкретного суда возложено на председателя совместно с руководителем соответствующего органа Судебного Департамента, а также назначаемые ими и подотчетные им пресс-секретари и пресс-службы. Их главной задачей стало актуальное и объективное отражение деятельности того или иного суда через собственные медиа-ресурсы с привлечением СМИ. Прежде всего в обязанность названных должностных лиц входят аккредитация, планирование и организация работы журналистов в судебном заседании, подготовка пресс-релизов и их опубликование, ведение официальных сайтов судов.

Изучив данный аспект в судах Свердловской области, мы обнаружили, что в число мероприятий по взаимодействию со СМИ вошли также выступления судей и пресс-секретарей с лекциями, организация семинаров-совещаний для журналистов, создание совместных проектов и научно-практических семинаров по его совершенствованию. Однако этим направлениям не всегда уделяется достаточного внимания в связи с высокой судебной нагрузкой. По нашим данным, наиболее активное взаимодействие со СМИ организовано

¹ П. 40 Заключения Консультативного совета европейских судей (КСЕС) «О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность», Страсбург, 19 ноября 2002 г. (<https://gm.coe.int/1680747c16>, CCJE (2002) Op. 3).

² Постановление Совета судей РФ от 02 апреля 1999 г. № 7 «О мерах по информационному обеспечению деятельности судов и органов судейского сообщества».

в Свердловском областном суде, Асбестовском городском, Сысертском, Железнодорожном, Орджоникидзевском районных судах.

Вместе с тем общепризнано, что развитию информационной политики судебной системы, гармонизации отношений судебной власти и общества препятствует ряд взаимосвязанных проблем в сфере деятельности прессы.

Во-первых, любому публицистическому слову присуща эмоциональная окраска, ее значение — придание экспрессии для более сильного воздействия на читателя, для повышения его интереса к публикации. От этого фактора напрямую зависит доходность СМИ, спрос, и, как следствие, журналисты порой злоупотребляют собственными оценочными рассуждениями и «кричащими» заголовками. Зачастую тот же читательский спрос порождает «погоню за сенсацией», а именно стремление журналистов и медиа-организаций привлечь внимание аудитории к определенному событию или информации путем ее преувеличения, искажения или представления в более драматичном свете, чем это есть на самом деле. Между тем информация, касающаяся отправления правосудия, должна подаваться объективно, достоверно и не вызывать диссонанса.

Во-вторых, важнейшими свойствами судебных решений выступают неопровержимость и исключительность. А поэтому законный и мотивированный итоговый судебный акт должен презюмироваться как единственно верный и справедливый, что означает недопустимость со стороны прессы формирования у общественности мнения, отличного от мнения суда, выраженного именем Российской Федерации в итоговом решении.

В-третьих, в обществе сформировались элементы привычки к «зрелищу псевдосуда»¹. Иногда судебные телешоу снимаются по далекому от права сценарию, и то, что происходит на экране, практически не имеет ничего общего с настоящим судебным заседанием. Такое явление приобретает определенную опасность, поскольку дискредитирует суды как органы разрешения правовых споров. В последние годы число аналогичных фактов несколько снизилось.

В-четвертых, глобальной проблемой развития современного общества стал пассивный правовой нигилизм. Недостаточный уровень правосознания порой приводит к непониманию законности и справедливости судебных решений, к их полному неприятию. Особенно остро это проявляется в сфере уголовного судопроизводства в части

Между тем информация, касающаяся отправления правосудия, должна подаваться объективно, достоверно и не вызывать диссонанса

определения виновности лица, вида и размера наказания. Публикация резолютивной части приговора по громкому делу зачастую влечет шквал критики — особенности назначения наказания куда шире, чем диспозиция статьи Особенной части Уголовного Кодекса РФ. Даже некоторые дипломированные юристы не всегда верно воспринимают тонкости этого процесса. Схожая ситуация и с оценкой доказательств. Мы полагаем, что нивелировать это отрицательное явление поможет реализация комплекса мер по развитию правосознания граждан. Здесь нельзя впадать в крайности и делать вывод о том, что данная проблема связана исключительно с недостаточностью работы по правовому просвещению граждан. Нельзя сбрасывать со счетов качество пресс-релиза, который непременно должен содержать правовое обоснование решения, сформулированное самим судьей или другим профессиональным юристом и изложенное простым языком.

Как известно, общественный интерес к правосудию неоднороден, он обусловлен системными проблемами политического, экономического, социального или иного свойства². В этой связи мы полагаем очевидным, что повышенный интерес к тому или иному судебному делу следует рассматривать как тревожный сигнал, подсвечивающий угрозы благополучию, стабильности, безопасности и устойчивого развития гражданского общества, требующий изучения и реагирования

¹ Потаненко С. В. Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия при освещении судебной деятельности в СМИ: правовые и этические аспекты. // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 2. Этические вопросы освещения судебной деятельности в СМИ / Под общ. ред. Ю. В. Казакова, М. А. Федотова. — М.: Мозартика, 2011. С. 53–60.

² Бозров В. М. Общественный интерес к уголовному делу // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (— Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). — Екатеринбург, 2014. С. 12–15.

не только со стороны судов, но и всей системы государственной власти, которая должна быть проинформирована об установлении подобного факта.

Организация обеспечения доступа к информации о деятельности судов в развитие конституционного принципа открытости урегулирована соответствующим федеральным законом¹. Можно сказать, что данный закон содержит необходимый минимум мероприятий. В дополнение к нему Концепцией информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы² заложены единые подходы при организации и осуществлении взаимодействия со средствами массовой информации, регламентации и совершенствования работы с информационными ресурсами судебной системы, декларативно определены цели и задачи.

Необходимость пресечения информационного давления на суд со стороны журналистов тоже очевидна, а потому установлена административная ответственность за распространение в СМИ и ИТС «Интернет» заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. Здесь важно подчеркнуть: Пленум Верховного Суда РФ указал, что под информацией, являющейся вмешательством в осуществление правосудия и не подлежащей предоставлению, следует понимать информацию, распространение которой может создать препятствия для осуществления справедливого судебного разбирательства, например, может повлечь нарушение принципов равенства и состязательности сторон, презумпции невиновности, разумных сроков рассмотрения дела и т. д.³

В связи с вышеизложенным можно предположить, что в системе действующего правового регулирования указанных проблем необходима активизация регламентации редакционно-издательской деятельности Судебного департамента, судов, описания стандартов подачи материалов пресс-службами судов, стандартов контроля их работы.

Бесспорно, в нынешний исторический период развития России сфера журналистики стремитель-

но возросла в объеме вместе с развитием и популяризацией социальных сетей и мессенджеров. Чем проще процесс получения информации — тем больше читателей, постепенно уходит время печатных газет и журналов. Чем проще процесс публикации — тем больше медиа-организаций, и не все из них получают требуемую аккредитацию. Контролировать такое «разрастание» СМИ уполномоченным органам затруднительно, а судебной системе и вовсе не предстает возможным, что не может не влиять отрицательно на качество и достоверность релизов.

В качестве дополнения в данном направлении работы полезно активней реализовывать возможность открыто комментировать новостные публикации и статьи в онлайн-режиме. Комментарии являются индикатором общественного сознания, уровня правовой грамотности (тут важно учитывать, кому адресована публикация). Судьям и пресс-секретарям открывается возможность дополнить или корректно опровергнуть опубликованную информацию. Практика показывает, что этой возможностью активно пользуются органы исполнительной власти, они создают интернет-приемные, страницы территориальных подразделений в социальных сетях, не ограничиваясь официальными сайтами. Такой опыт, на наш взгляд, был бы полезен судебной системе, чтобы повлиять на хаотичное Интернет-пространство.

Несколько слов о грамотно выстроенной линии поведения судьи или работника аппарата суда перед представителями СМИ. Некоторые рекомендации в данной связи содержатся в Кодексе судейской этики⁴ и в федеральном законе от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ».

Например, Кодекс судейской этики определяет взаимодействие судьи с представителями СМИ как обязанность, а не право, что резонирует текущей проблематике. Отмечено, что судья должен способствовать профессиональному освещению в СМИ работы суда и судей. Действует запрет на обсуждение существа дел, по которым не принято окончательных судебных актов, а по рассмотренному

¹ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

² Одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.

³ Абз. третий п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"».

⁴ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.)

делу у судьи есть право разъяснить принятый судебный акт. Судья, обладающий правом комментировать правоприменительную практику и решения своих коллег, должен проявлять сдержанность, осмотрительность и корректность и т. д.

Не представляет труда заметить, что приведенные постулаты хотя и представляются необходимыми, однако содержание их довольно общее, то есть существует неопределенность в понимании содержательной стороны расширения открытости в работе судов. Думается, она нуждается в конкретной регламентации как в части правомочий и мероприятий, так и в этическом аспекте. Наверное, было бы правильно заметить, что ситуация требует проявления инициативы со стороны представителей судебной системы. Наше экспресс-исследование освещаемых проблем также показало, что здесь обнаруживаются внутрисистемные недоработки — некоторые судьи и работники аппарата склонны считать, что в комплексной программе внешних связей, активном использовании сетевых и Интернет-ресурсов нет необходимости, а освещение судебной деятельности — задача СМИ, а не судебного сообщества. На наш взгляд, это объясняется сложившимся специфическим восприятием информации от судебных органов, которая порой используется для их же критики¹. Мы полагаем, что исправить ситуацию можно, обеспечив должное просветительское воздействие на граждан. При этом судьям не стоит отказываться от комментариев, необходимо реагировать на любую ситуацию в общении со СМИ спокойно.

Конечно же, многие вопросы поведения интервьюируемого перед камерами урегулировать вряд ли возможно. Не каждый судья имеет способность правильно подавать информацию и уходить от провокационных вопросов. Отсюда, судье необходимо тщательно готовиться к общению с журналистами. Безусловно, судья и пресс-секретарь должны обладать высокими коммуникативными навыками и ораторским искусством, быть хорошими психологами и уметь действовать в конфликтных ситуациях².

Разумеется, в пределах небольшой журнальной статьи вряд ли можно охватить и осветить

все те проблемы, которые связаны с реализацией судами принципа гласности правосудия. Поэтому полагаем уместным продолжить обсуждение темы с учетом видения существа проблем с точки зрения ученых и практиков. А проблемы существуют.

Чтобы не быть голословным, в подтверждение

Судья, обладающий правом комментировать правоприменительную практику и решения своих коллег, должен проявлять сдержанность, осмотрительность и корректность и т. д.

сказанному сошлемся на практику проведения выездных судебных процессов с той целью, «чтобы неповадно было другим», то есть с превентивной значимостью. Нередко такие судебные процессы проводятся в воинских частях в присутствии максимального числа личного состава. Казалось бы, средства оправдывают цель, и данные процессы с признанием подсудимого виновным и назначением ему строгого наказания за совершенное преступление должны сыграть превентивно-воспитательную роль. Без фундаментального социологического исследования отрицать вероятность достижения этой цели вряд ли возможно. В то же время для аналогичных судебных процессов судьей заведомо подбираются такие уголовные дела, которые позволяют ему предположить только лишь обвинительный приговор с наказанием, как правило, связанным с лишением свободы. Тем самым презюмируется, что воспитательная цель процесса будет достигнута³. Однако это одна сторона медали. Что же касается обратной стороны, то она наталкивает на мысль антиправосудности таких процессов, и вот почему: судья идет к личному составу тогда, когда заведомо убежден, что приговор будет обвинительный, а наказание строгое. Без такой заведомой убежденности проведение выездного процесса с целью «другим неповадно было» теряет всякий смысл. По сути, в подобной ситуации судебное разбирательство превращается в спектакль с отрицанием всех принципов право-

¹ Поздняков М. Л. Диалог судов и общества: попытка прогноза // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (— Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). — Екатеринбург, 2014. С. 72–80.

² Лебедева Д. С. Методические рекомендации по взаимодействию судов и СМИ. — СПб.: Астерион. 2021. С. 72.

³ По подбору уголовных дел для рассмотрения в присутствии личного состава были разработаны для судей специальные методические рекомендации.

судия. Высказывая это свое мнение, мы не претендуем на истину в последней инстанции. Наоборот, приведенным примером мы хотели бы вовлечь

коллег в дискуссию касательно проблем транспарентности судебной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бозров В. М. Общественный интерес к уголовному делу // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). — Екатеринбург, 2014. — 104 с.
2. Гришина Я. С. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 22 декабря 2008 г. №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» / Под. ред. О. В. Исаенковой — Саратов: Ай Пи Эр Медиа. — 176 с.
3. Лебедева Д. С. Методические рекомендации по взаимодействию судов и СМИ. — СПб.: Астерион, 2021. — 72 с.
4. Маслеев А. Г. Правосудие как объект общественного интереса // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). — Екатеринбург, 2014. — 104 с.
5. Поздняков М. Л. Диалог судов и общества: попытка прогноза // Суды, СМИ и общественный интерес: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13 декабря 2013 г.). — Екатеринбург, 2014. — 104 с.
6. Потапенко С. В. Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия при освещении судебной деятельности в СМИ: правовые и этические аспекты. // Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 2. Этические вопросы освещения судебной деятельности в СМИ / Под общ. ред. Ю. В. Казакова, М. А. Федотова. — М.: Мозартика, 2011. — 412 с.
7. И. А. Приходько, А. В. Бондаренко, В. М. Столяренко. М. 2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бозров Владимир Маирович

заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: ksd@usla.ru.

Шипкова Алина Романовна

студент 5 курса института юстиции Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: lina.shipkova@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir M. Bozrov

head of the department of judicial activity and criminal procedure named after P. M. Davydov Ural State Law University named after V. F. Yakovleva (Russia, Ekaterinburg). Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Alina R. Shipkova

5th year student at the Institute of Justice of the Ural State Law University named after V. F. Yakovleva (Russia, Ekaterinburg).

УДК 343.272

Аксиомы, постулаты и основополагающие идеи уголовного наказания в уголовно-правовой доктрине и российском уголовном законодательстве

К. В. Корсаков¹

Аннотация: в настоящей публикации произведен научный анализ основополагающих и руководящих идей, постулатов, аксиом и базовых принципов уголовного наказания, которое до сих пор является преобладающим средством общественного реагирования на преступное поведение с целью предупреждения и нейтрализации последствий последнего. Рассмотрены и охарактеризованы как концептуальные идеи, аксиомы и постулаты, содержащиеся в нормах действующего российского уголовного законодательства и напрямую касающиеся института уголовного наказания, так и не помещенные российским законодателем в тексты действующих УК РФ и УИК РФ. Аргументируется и обосновывается важность каждого выделенного постулата, аксиомы и основополагающей идеи как для применения уголовного наказания в современных социально-правовых условиях, так и для дальнейшего его развития и совершенствования. Особое внимание автором уделено недопустимым с его точки зрения расхождениям и коллизиям положений действующего УК РФ и основополагающим идеям и принципам уголовного наказания, в частности, подчеркивается, что отсутствие нижних границ уголовного наказания при фиксации категорий преступлений напрямую влияет на конструирование санкций статей УК РФ, которые оказываются вне какой-либо зависимости от качественно-количественных характеристик преступных деяний, что нарушает базовый уголовно-правовой принцип справедливости уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовая доктрина; пенология; уголовное наказание; основополагающие идеи уголовного наказания; аксиология уголовного права; цели уголовного наказания; уголовная политика России.

Axioms, postulates and fundamental ideas of criminal punishment in the criminal law doctrine and Russian criminal legislation

Konstantin V. Korsakov²

Abstract: this publication provides a scientific analysis of the fundamental and guiding ideas, postulates, axioms and basic principles of criminal punishment, which is still the prevailing means of public response to criminal behavior in order to prevent and neutralize the consequences of the latter. The conceptual ideas, axioms and postulates contained in the norms of the current Russian criminal legislation and directly related to the institution of criminal punishment, and not placed by the Russian legislator in the texts of the current Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, are considered and characterized. The importance of each highlighted postulate, axiom and fundamental idea is argued and justified both for the application of criminal punishment in modern socio-legal conditions and for its further development and improvement. The author pays special attention to the discrepancies and collisions of the provisions of the current Criminal Code of the Russian Federation and the fundamental ideas and principles of criminal punishment, which are unacceptable from his point of view, in particular, it is emphasized that the absence of lower limits of criminal punishment when fixing categories of crimes directly affects the construction of sanctions of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, which turn out to be independent of any dependence on qualitative and quantitative characteristics criminal acts, which violates the basic criminal law principle of the fairness of criminal punishment.

Keywords: criminal law doctrine; penology; criminal punishment; fundamental ideas of criminal punishment; axiology of criminal law; goals of criminal punishment; criminal policy of Russia.

¹ Для цитирования: Корсаков К. В. Аксиомы, постулаты и основополагающие идеи уголовного наказания в уголовно-правовой доктрине и российском уголовном законодательстве // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 19–24.

² For referense: Korsakov K. V. Axioms, postulates and fundamental ideas of criminal punishment in the criminal law doctrine and Russian criminal legislation // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 19–24.

Вопросы, так или иначе связанные с руководящими и основополагающими идеями, постулатами и аксиомами уголовного наказания как преобладающего в настоящее время средства противостояния криминальному феномену, во все времена — особенно в периоды масштабных правовых реформ и коренных преобразований¹ — приковывали к себе исследовательское внимание, так как именно в этой уголовно-правовой области сконцентрированы и отображены как социологические и концептуальные, так и телеологические и эвристические основания всей системы уголовно-правового принуждения. Именно они по большей части определяют его вектор, ориентиры и общую направленность. В последнее время на фоне изменений задач, акцентов и приоритетов в области проводимой российским государством уголовной политики избранная нами научная проблематика особенно обострилась и актуализировалась.

Критическое всестороннее осмысление, «ре-визия» и гибкая настройка современных уголовно-правовых институтов и конструкций, отдельных норм и положений уголовного законодательства производятся в наши дни экспертами, учеными-правоведами и специалистами с учетом и с опорой на всю палитру постулатов, аксиом, основополагающих начал и руководящих идей уголовного наказания, являющегося, как известно, «центром тяжести» и квинтэссенцией всей уголовно-правовой активности.

Юридическая роль и назначение данных аксиом (исходных и начальных истинных положений), постулатов (очевидных утверждений), принципов (основополагающих начал) и руководящих идей заключается не только в определении общих правил, процедур, целей, содержания, сущности и границ применения института уголовного наказания. С ними, как мы убеждены, должны согласовываться и образовывать единую и универсальную систему все общеправовые и узкоотраслевые принципы уголовного права в целом. Так, в частности, из содержащегося в статье 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) принципа законности должно вытекать общее правило, что уголовному наказанию надлежит быть законным, то есть налагаться судами в строгом соответствии с действующим законом, без применения прави-

ла об обратной силе закона, исходя из максим римского права: «не существует преступления без установленного за него наказания» и «не существует наказания за рамками закона».

Закрепленный в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, отражающий известное еще в древности уголовно-правовое правило *non bis in idem* в его проекции на институт уголовного наказания, во-первых, предполагает, что любое определяемое судом уголовное наказание должно соответствовать всем качественно-количественным характеристикам преступного деяния (характеру и степени общественной опасности, размерам причиненного преступлением вреда, личности преступника и жертвы (потерпевшего) и др.), а во-вторых, конкретизируется и находит свое отражение в такой важной современной цели уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, расположенной отечественным законодателем первой в перечне части 2 ст. 43 УК РФ.

Данная цель, на наш взгляд, предполагает не только репрессивные и ретроспективные действия как соразмерный ответ общества на нарушение охраняемого уголовным правом социального порядка, но и утверждение основополагающих идей верховенства и торжества закона путем наложения справедливого, адекватного, соответствующего совершенному преступником деянию уголовного наказания, укрепление нарушенных преступным посягательством общественных связей (социальной солидарности, эгалитарных ценностей) и удовлетворение чувства справедливости как у потерпевшей стороны, так и у представителей народа, являющегося источником власти в нашей стране.

Основополагающая идея равенства всех граждан перед уголовным законом, которую, как мы считаем, следовало бы изложить в ныне действующем Уголовном кодексе как принцип равенства всех людей перед уголовным законодательством (перед которым абсолютно равны и также на равных несут юридическую ответственность не только граждане России, но и иностранные граждане (подданные), не имеющие никакого гражданства (апатриды) и бипатриды), формирует важное концептуальное положение, согласно которому уголовное наказание не может быть избирательным, применяться выборочно, дискриминировать и служить орудием так называемой

¹ См.: Алексеев С. С. Собственность — право — социализм: полемические заметки. М.: Юридическая литература, 1989. С. 8.

«классовой юстиции» (таким его хотели видеть идеологи и разработчики первых советских уголовных кодификаций), быть направленным против отдельных групп и классов людей: иностранных граждан, малоимущих, необеспеченных сословий, трудовых мигрантов (гастарбайтеров), беженцев и переселенцев, политических, этнических, культурных и религиозных меньшинств и пр.

Из базового юридического принципа вины, означающего, что любой человек привлекается к уголовной ответственности только за те социально опасные акты, в отношении которых точно установлена и доказана его вина, а так называемое объективное вменение и уголовная ответственность за казус — невиновное причинение вреда — недопустимы, проистекает такой постулат уголовного наказания как идея автономии личности делинквента (идея личной ответственности нарушителя). Согласно ему уголовное наказание не должно распространяться на родственников и близких правонарушителя, его коллег, друзей, товарищей или иных третьих лиц, как это было в истории уголовного права, знающей доктрину «коллективной ответственности», апологеты которой активно распространяли уголовную кару на индивидов, имевших какое-либо отношение к преступнику (в средневековом Китае, например, казни подлежал не только сам виновный, совершивший преступление против интересов государства, и его родственники, но и абсолютно все люди, жившие с ним в одном доме (друзья, соседи, слуги, наемные рабочие и т. д.), а во многих древних войсках (монгольских, древнеримских и др.) использовался особый обычай децимации (смертной казни каждого десятого воина) за трусость, дезертирство с поля боя и пр.¹).

Отголоски и рудименты такой системы наблюдаются и в современной нам правовой действительности. Если отдельно взять российскую реальность, то они просматриваются в практике ограничений и запретов в приеме на службу (работу) людей, чьи родители или иные близкие родственники привлекались к уголовной ответственности и отбывали уголовное наказание, хотя даже многие советские правоведы и пенологи, разделявшие концепцию «диктатуры пролетариата» и идею нанесения «пре-

вентивных правовых ударов» по неблагонадежным социальным стратам, писали в своих трудах, что «сын за отца не отвечает».

Подчеркнем, что российский законодатель допускает обоснованные с точки зрения руководящих идей гуманизма и рациональности (полезности) изъятия и отступления от данного постулата, например, в случаях привлечения к субсидиарной юридической ответственности в форме штрафа родителей либо законных представителей осуждаемых за правонарушения несовершеннолетних

Важный доктринальный уголовно-правовой принцип вины зиждется на нормах ст. 49 Конституции Российской Федерации. В отечественной теории уголовно-процессуального права этот постулат многими исследователями также называется принципом «общей истины»². Подчеркнем, что российский законодатель допускает обоснованные с точки зрения руководящих идей гуманизма и рациональности (полезности) изъятия и отступления от данного постулата, например, в случаях привлечения к субсидиарной юридической ответственности в форме штрафа родителей либо законных представителей осуждаемых за правонарушения несовершеннолетних.

Часто упоминаемый в современной уголовно-правовой литературе принцип гуманизма (гуманности), прежде всего предполагающий, что законодательство гарантирует и обеспечивает безопасность каждого человека, а уголовное наказание не может ставить целью причинение физических страданий или унижение достоинства человека, в его непосредственном приложении к институту уголовного наказания предполагает, что уголовное наказание должно отвечать общечеловеческим этическим нормативам, а при его назначении судам следует учитывать индивидуаль-

¹ Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. С. 102.

² Азаренок Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. Екатеринбург: УРГЮУ, 2021. С. 89.

ные особенности подсудимого, мотивы, причины, условия и факторы совершения им преступного деяния, а равно влияние избранного вида уголовного наказания на процесс исправления, на семью виновного, его родственников и близких людей, особенно несовершеннолетних и иждивенцев¹. Данная основополагающая идея конкретизирована и отражена во многих статьях уголовного законодательства, например, в ч. 3 ст. 46 УК РФ.

Заметим, что принцип неотвратимости уголовного наказания (уголовной ответственности) присутствовал сразу в нескольких законодательных проектах готовящегося разными коллективами ученых-юристов УК РФ в середине 90-х гг. XX в.

Многими исследователями, начиная с середины 90-х гг. XX в., указывается, что в УК РФ и УПК РФ неоправданно не был включен принцип неотвратимости (неизбежности) уголовной ответственности и наказания, о приоритете которого над собственно уголовной репрессией (карой) писали знаменитые пенологи, философы, политики и юристы Ч. Беккариа, И. Бентам, У. Блэкстон, В. Веннинг, Д. Говард, Э. Жирарден, У. Иден, Ф. Каррара, Э. Ливингстон, Р. Оуэн, С. Ромилли, Д. Селден, Д. Стифен и А. Фейербах. В частности, Ч. Беккариа в своей известной и популярной до сих пор работе «Traite des Delits et des Peines» писал: «Одно из чувствительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости уголовных наказаний, а в их неизбежности... Для достижения цели уголовного наказания достаточно, чтобы зло уголовного наказания превышало выгоду, достигаемую преступлением...»². Безусловно, это один из руководящих, базовых принципов уголовного наказания: в пенологии и криминологии описан и доказан психологический синдром (комплекс) безнаказанности, согласно которому два и более безответно и безнаказанно совершенных человеком преступления приводят его к совершению новых, повторных преступных деяний, даже при отсутствии изначальных или каких-либо других существенных причин, предпосылок и по-

требностей. Заметим, что принцип неотвратимости уголовного наказания (уголовной ответственности) присутствовал сразу в нескольких законодательных проектах готовящегося разными коллективами ученых-юристов УК РФ в середине 90-х гг. XX в.

В тексте действующего российского Уголовного закона также не нашла своего отражения другая важная основополагающая идея, а именно: принцип демократизма, суть и назначение которого заключаются в возможности прямого участия в отправлении уголовного правосудия и разрешении вопроса о вине и видах уголовного наказания представителей общественности (одним из его частных примеров является институт присяжных). Обратим внимание, что на основании именно этого юридического принципа во многих государствах мира судьи по уголовным делам, подобно североамериканским шерифам, не назначаются на должность главой государства или иным властным субъектом, а избираются всем населением соответствующих территорий посредством тайного голосования³. Примечательно, что, в отличие от УК РФ, в УПК РФ был помещен достаточно близкий идеи демократизма принцип гласности (открытости) уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, в ныне действующем уголовном законодательстве следовало бы закрепить часто выделяемый теоретиками в уголовно-правовой доктрине принцип рациональности (оптимальности, утилитарности, экономности) уголовной репрессии, который препятствует ее излишнему использованию и требует соотносить ее с часто меняющимися реалиями социально-экономической и политико-правовой жизни. Из него вытекает отвечающий общеизвестному правилу *lex parsimoniae* постулат о строгой экономии любых мер и средств уголовной репрессии, согласно которому наказывать правонарушителя следует только тогда, когда другие меры воздействия (воспитательные, идеологические и пр.) не достигают цели. По этому поводу классики юридической мысли советского периода писали, что каждого человека нужно прежде всего убедить и только потом, если первое не удалось, принудить... В то же время отдельно взятые элементы и логика вышеуказанного правового принципа прослеживаются в тексте современного российского Уголовного закона, в частности, в ч. 1 ст. 60 УК РФ.

¹ Веллев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. М.: УРСС, 2005. С. 32–33.

² Beccaria C. Traite des Delits et des Peines. Neuchatel, 1797. P. 48–49.

³ См.: Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 366.

К числу аксиом, постулатов и основополагающих идей уголовного наказания как не только карательной, но и профилактической, превентивной (дрессирующей) меры (цель предупреждения преступлений прямо поставлена законодателем перед уголовным наказанием в ч. 2 ст. 43 УК РФ) следует отнести и пеналогическую идею гедонизма (от латинского слова *hedone* — «удовольствие»), разработанную создателем т.н. «паноптикума» — модели идеальной тюрьмы, в которой один охранник одновременно наблюдает за всеми узниками, — философом И. Бентамом. Ее суть состоит в том, что большинство стремится получить максимальное удовлетворение своих нужд, потребностей и желаний, испытывая при этом минимальные трудности, затраты и обременения (с опорой на нее был создан алгоритм для вычисления степени или количества удовольствия, которое может вызвать конкретное действие, известный как *felicific calculus*).

Именно на теоретической идее о том, что всякий человек, стремясь к различным удовольствиям и благам для себя и уклоняясь от лишений и невзгод, каждый раз принимает то или иное волевое решение только после сопоставления и взвешивания на своих личных, внутренних «весах» всех возможных плюсов, преимуществ и выгод и потенциальных проблем, неприятностей и негативных последствий, основывается «классическая» матрица уголовного наказания.

С классической пеналогической моделью «гедонизма» довольно тесно связана получившая распространение в пеналогии идея атараксии, о которой говорили еще древнегреческие философы и законодатели, — то есть стремления людей к спокойствию души, умиротворению и избеганию забот, тревог, отрицательных впечатлений, проблем и негативных переживаний. Основываясь на ней, отец Людвиг Фейербаха немецкий криминолог и правовед Пауль Иоганн Ансельм риттер фон Фейербах писал, что размер уголовного наказания всегда должен быть больше, чем выгода (авантаж, гешефт), которую преступник стремится получить, совершая конкрет-

ное преступление. Эта доктринальная идея в классической уголовно-правовой школе также известна как аксиома «невыгодности» преступного поведения, из которой выводится заключение о том, что «честным (правопослушным) быть выгодно».

Любопытно, что в современном уголовном законодательстве, помимо отсутствия обозначенных нами выше основополагающих и руководящих идей и постулатов, существуют нормы, вступающие с ними в прямое противоречие, что, как мы считаем, требует сегодня нивелировки и устранения. Так, в явный конфликт с принципом справедливости уголовного наказания, понимаемом в доктрине российского уголовного права прежде всего как сообразность, соответствие уголовного наказания его единственно возможному основанию — совершенному виновным преступному деянию, вступают положения Уголовного закона о категориях преступлений, которые не предусматривают нижние границы уголовного наказания для некоторых категорий преступлений, помимо категории особо тяжких и преступных деяний средней тяжести, совершенных по неосторожности.

На практике эти нормы предоставляют российским судам возможность за разные по характеру и степени социальной опасности преступные деяния назначать абсолютно одинаковые уголовные наказания и определять более мягкие наказания за более тяжкие преступления. Отсутствие нижних границ уголовного наказания при фиксации категорий преступлений напрямую влияет на конструирование санкций статей УК РФ, которые оказываются вне какой-либо зависимости от качественно-количественных характеристик преступных деяний, что нарушает уголовно-правовой принцип справедливости наказания. Описанную выше ситуацию нельзя признать нормальной, она требует своего незамедлительного решения путем приведения указанных правоположений в строгое соответствие с описанными нами основополагающими идеями, аксиомами и постулатами уголовного наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азаренок Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. — Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. — 718 с.
2. Алексеев С. С. Собственность — право — социализм: полемические заметки. — М.: Юридическая литература, 1989. — 173 с.
3. Велиев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. — М.: УРСС, 2005. — 214 с.

4. Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г. Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. — 256 с.
5. Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. — Екатеринбург: УрО РАН, 2011. — 644 с.
6. Beccaria C. Traite des Delits et des Peines. — Neuchatel, 1797. — 332 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корсаков Константин Викторович

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург). E-mail: korsakovekb@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2967-9884, Scopus ID: 57200225269.

AUTHOR'S DETAILS

Konstantin V. Korsakov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg). E-mail: korsakovekb@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2967-9884, Scopus ID: 57200225269.

УДК 346.5:336.5:332.135 (477.62)

К вопросу о правовом обеспечении государственного регулирования инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике в условиях экономической интеграции¹

Л. И. Куц²

Аннотация: в данной статье проведен анализ Федерального Закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» и Закона Донецкой Народной Республики от 17 мая 2023 № 444-НС «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике», в результате которого были выявлены некоторые несоответствия регионального законодательства федеральному законодательству по вопросу государственного регулирования инвестиционной деятельности в условиях интеграции Донецкой Народной Республики в экономическое пространство Российской Федерации. С целью устранения такого несоответствия обоснованы предложения, направленные на совершенствование Закона Донецкой Народной Республики «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике» путем: закрепления исчерпывающего перечня полномочий органов государственной власти Республики относительно их участия в государственном регулировании инвестиционной деятельности, которые установлены Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ; четкого разграничения между ними этих полномочий с целью недопущения злоупотребления такими полномочиями, дублирования их различными органами; уточнения полномочия по вовлечению в инвестиционный процесс соответствующих объектов.

Ключевые слова: государственное регулирование, инвестиционная деятельность, экономическая интеграция, полномочия, формы, методы.

On the issue of legal support of government regulation of investment activities in the Donetsk People's Republic in terms of economic integration

Lyubov I. Kushch³

Abstract: the article analyzes the Federal Law «On investment activities in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments» dated 25.02.1999 No. 39-FZ and the Law of the Donetsk People's Republic «On investment policy and state support of investment activities in the Donetsk People's Republic» dated 17.05.2023 No. 444-NS, as a result of which some inconsistencies between regional legislation and federal legislation were identified on the issue of the investment activities government regulation in terms of the integration of the Donetsk People's Republic into the economic space of the Russian Federation. In order to eliminate those inconsistencies, the suggestions aimed at improving the Law of the Donetsk People's Republic «On investment policy and state support of investment activities in the Donetsk People's Republic» are justified as follows: by consolidating an exhaustive list of powers of public authorities of the Republic regarding their participation in government regulation of investment activities, which are established by the Federal Law of February 25, 1999 No. 39-FZ; by clear separation of those powers between them in order to prevent the abuse of such powers and their duplication by various bodies; by clarification of the authority of involving relevant objects in the investment process.

Keywords: government regulation, investment activity, economic integration, powers, forms, methods.

¹ Статья подготовлена в рамках подтемы «В» «Правовое обеспечение экономического роста в контексте интеграционных процессов» темы научных исследований рег. № НИОКР 0122D000048 «Обеспечение экономического роста в контексте интеграционных процессов» ГБУ «Институт экономических исследований»

² Для цитирования: Куц Л. И. К вопросу о правовом обеспечении государственного регулирования инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике в условиях экономической интеграции // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 25–30.

³ For referense: Kushch L. I. On the issue of legal support of government regulation of investment activities in the Donetsk People's Republic in terms of economic integration. 2024. №2. P. 25–30.

Для Донецкой Народной Республики (далее — ДНР) в условиях экономической интеграции как субъекта Российской Федерации (далее — РФ), обеспечение активного развития инвестиционной деятельности является одной из наиболее важных и проблемных задач. При этом обеспечение такого развития в полной мере зависит от активного участия государственных

ганов государственной власти возможно только путем надлежащего урегулирования отношений, возникающих в сфере государственного регулирования инвестиционной деятельности в Республике.

Вместе с тем соблюдение указанных принципов, а также обеспечение активного участия органов государственной власти возможно только путем надлежащего урегулирования отношений, возникающих в сфере государственного регулирования инвестиционной деятельности в Республике

В связи с этим в процессе формирования соответствующего законодательства ДНР особое значение имеет вопрос четкого определения положений о государственном регулировании этой деятельности с учетом федерального законодательства, так как от этого в полной мере зависит создание на территории Республики благоприятных условий для реализации инвестиционных проектов, привлечение в экономику и социальную сферу инвестиций, а также увеличение налоговой базы и доходов консолидированного республиканского бюджета. При этом, как справедливо утверждают другие авторы, актуальность такого четкого определения заключается в том, что наиболее существенной составной частью государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности является правовое регулирование, выступающее механизмом закрепления ключевых параметров деятельности всех субъектов инвестиционных отношений, который реализуется посредством применения нормативных правовых актов¹.

органов власти Республики в инвестиционных процессах, которые обязаны в рамках своих полномочий создавать благоприятный инвестиционный климат посредством использования соответствующих форм и методов регулирования. Именно это определяет неизбежность усиления государственного регулирования инвестиционной деятельности, но при условии соблюдения основных принципов инвестирования, а именно: невмешательства государственных органов непосредственно в инвестиционную деятельность, кроме случаев, предусмотренных законодательством; участия таких органов в упорядочении этой деятельности с целью достижения определенного социально-экономического эффекта.

В юридической и экономической науках проблемные вопросы государственного регулирования исследовали многие авторы, среди которых известные ученые В. С. Белых², О. А. Герасимов³, А. В. Белицкая⁵. Сферу их научных интересов представляют вопросы государственного регулирования предпринимательской деятельности, отдельных секторов экономики, инвестиционной политики и т. д. Кроме того, в научной литературе особое внимание уделяется непосредственно вопросам государственного регулирования инвестиционной деятельности, в том числе на уровне

Вместе с тем соблюдение указанных принципов, а также обеспечение активного участия ор-

¹ Арсланов Ш. Д., Арсланов Д. Э. Основы государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 4. С. 83–89.

² Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2009. С. 267–334.

³ Герасимов О. А. Теоретико-методологическое обоснование правового обеспечения предпринимательской деятельности // Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. С. 43–64.

⁴ Герасимов О. А. Государственное регулирование предпринимательства в горно-металлургическом секторе экономики (постановка проблемы) // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3. С. 96–103.

⁵ Белицкая А. В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 58 с.

субъектов РФ¹²³⁴, что подтверждает актуальность темы.

Однако, с учетом начала процесса формирования инвестиционного законодательства ДНР путем принятия Закона ДНР от 17 мая 2023 № 444-НС «Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике»⁵ (далее — Закон ДНР об инвестиционной политике), который действует менее одного года, вопросы анализа и совершенствования его положений не были предметом научных исследований других авторов. В связи с этим возникает необходимость дополнительного рассмотрения вопроса, касающегося правового обеспечения государственного регулирования инвестиционной деятельности в Республике, с целью обеспечения активной и успешной интеграции ДНР в экономическое пространство РФ.

В настоящее время рассматриваемое законодательство представлено: федеральными, региональными и местными (муниципальными) нормативными правовыми актами. Так, федеральное законодательство включает ряд федеральных законов, содержащих общие и специальные нормы, регулирующие инвестиционную деятельность на территории РФ. Основным законодательным актом, содержащим положения о государственном регулировании инвестиционной деятельности, является Федеральный Закон от 25 февраля 1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»⁶ (далее — ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений), в главе 3 которого определены:

1) субъекты, осуществляющие государственное регулирование инвестиционной деятельности —

органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ (ст. 11);

2) формы и методы, используемые этими субъектами для регулирования инвестиционной деятельности (ст. 11);

3) исключительность применения законодательства РФ при осуществлении инвестиционной деятельности в условиях возникновения на территории РФ чрезвычайных ситуаций (ст. 12);

4) особенности осуществления государственных капитальных вложений, устанавливающие: полномочия органов государственной власти на принятие решения об осуществлении государственных капитальных вложений; условия определения в федеральном бюджете и бюджетах субъектов РФ расходов на финансирование государственных капитальных вложений; полномочия Правительства РФ (органов исполнительной власти субъектов РФ) по определению Порядка финансирования инвестиционных проектов за счет средств федерального (регионального) бюджета в рамках федеральных (региональных) инвестиционных программ; полномочие Счетной палаты РФ, а также уполномоченных федеральных органов (уполномоченных субъектами РФ органов) по контролю за целевым и эффективным использованием средств федерального (регионального) бюджета, направляемых на капитальные вложения (ст. 13);

5) обязанность проведения проверок эффективности инвестиционных проектов, финансируемых полностью или частично за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов, и достоверности их сметной стоимости;

6) полномочия Правительства РФ и органов государственной власти субъектов РФ по разработке нормативных правовых актов, устанавливающих случаи и порядок проведения про-

¹ *Темирова З. У., Бексултанова А. И.* Формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29 (3). С. 332–337.

² *Махова А. В., Стеценко А. А.* Регулирование инвестиционной деятельности на региональном уровне на примере Краснодарского края // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 99–104. DOI:10.24411/2411-0450-2019-11120.

³ *Арсланов Ш. Д., Гаджиева А. Г., Шахтманова Л. Г.* Современные тенденции развития государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Фундаментальные исследования. 2018. № 9. С. 18–24.

⁴ *Белова Л. А.* Государственное регулирование инвестиционной деятельности в системе обеспечения экономической безопасности региона // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27(1). С. 30–35.

⁵ Об инвестиционной политике и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике: Закон ДНР от 17 мая 2023 № 444-НС: принят Постановлением Народного Совета 17 мая 2023 года // Народный Совет Донецкой Народной Республики: официальный сайт. URL: <https://dnrsouvet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-investitsionnoj-politike-i-gosudarstvennoj-podderzhke-investitsionnoj-deyatelnosti-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения: 22.01.2024).

⁶ Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный Закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ: Принят Государственной Думой 15 июля 1998 года // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 22.01.2024).

верок на предмет эффективности использования федеральных бюджетных средств и бюджетных средств субъектов РФ (ст. 14).

Соответственно, исходя из содержания ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, следует, что органы государственной власти субъектов РФ, в том числе ДНР, наделены полномочиями относительно: 1) исполь-

Следовательно, вышеуказанные полномочия должны быть распределены между органами государственной власти ДНР и закреплены в соответствующем законодательном акте

зования определенных форм и методов участия в государственном регулировании этой деятельности; 2) принятия решения об осуществлении государственных капитальных вложений; 3) установления порядка финансирования инвестиционных проектов за счет средств их бюджетов в рамках региональных инвестиционных программ; 4) проведения контроля за целевым и эффективным использованием их бюджетных средств; 5) разработки нормативных правовых актов, устанавливающих случаи и порядок проведения проверок на предмет эффективности использования бюджетных средств субъектов РФ.

Следовательно, вышеуказанные полномочия должны быть распределены между органами государственной власти ДНР и закреплены в соответствующем законодательном акте.

Следует считать, что таким актом является Закон ДНР об инвестиционной политике, который был принят в соответствии со ст. 7 ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, определяющей право субъектов РФ принимать законы и иные нормативные правовые акты, устанавливающие порядок осуществления инвестиционной деятельности.

Анализ этого Закона указывает на отсутствие в нем специальных статей, содержащих положения о государственном регулировании инвестиционной деятельности. В этом случае можно предполагать, что такие положения закреплены в рамках полномочий соответствующих органов государственной власти Республики. А поэтому целесообразно более детально рассмотреть содержание Закона ДНР

об инвестиционной политике, в котором с учетом положений ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, и должны быть закреплены полномочия органов государственной власти Республики по участию в государственном регулировании инвестиционной деятельности.

Статья 4 Закона ДНР об инвестиционной политике содержит перечень полномочий, которыми наделены соответствующие органы государственной власти Республики. Так, к полномочиям Главы ДНР отнесены: 1) определение основных направлений инвестиционной политики в ежегодном послании о состоянии инвестиционного климата в ДНР; 2) утверждение инвестиционной декларации Республики; 3) утверждение положения об Инвестиционном комитете ДНР и определение его состава; 4) издание распоряжения о предоставлении юридическому лицу земельного участка в аренду без торгов для размещения объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения, реализации масштабного инвестиционного проекта; 5) осуществление иных полномочий в сфере государственной инвестиционной политики в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, Конституцией ДНР и законами ДНР. К полномочиям Народного Совета ДНР, согласно Закону, относятся: 1) осуществление законодательного регулирования отношений в сфере инвестиционной деятельности на территории ДНР; 2) осуществление иных полномочий в сфере государственной инвестиционной политики в соответствии с федеральными законами и законами ДНР.

Наиболее широко определен перечень полномочий Правительства ДНР. Вместе с тем в этом перечне содержится лишь полномочие Правительства ДНР по организации вовлечения в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированных объектов строительства, неэффективно используемого имущества (земельных участков) ДНР путем внесения информации о них в реестр инвестиционных площадок. Однако это полномочие по содержанию отличается от полномочия, закрепленного в ст. 11 ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, поскольку:

во-первых, Закон ДНР об инвестиционной политике ограничивает это полномочие «организацией вовлечения» путем внесения информации о них в реестр инвестиционных площадок. В то время как ФЗ об инвестиционной деятельности

в форме капитальных вложений такое полномочие определяет как «вовлечение», то есть это не только внесение информации о них в соответствующий реестр, но и осуществление действий, направленных на обеспечение непосредственного использования таких объектов в инвестиционном процессе. Тогда возникает вопрос, за каким органом власти ДНР должно быть закреплено полномочие по вовлечению в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированных строок и объектов, находящихся в собственности Республики;

во-вторых, в Законе ДНР об инвестиционной политике перечень объектов, которые могут быть вовлечены в инвестиционный процесс в рамках этого полномочия представлен шире по отношению к перечню объектов и формам собственности, а именно — это объекты строительства, неэффективно используемое имущество (земельные участки) ДНР, без указания кому принадлежит право собственности на эти объекты (имущество, земельные участки). В то время как, согласно Федеральному закону, к таким объектам отнесены лишь временно приостановленные и законсервированные стройки, а также объекты, находящиеся в собственности субъектов РФ.

Остальные же полномочия органов государственной власти субъектов РФ, которые были указаны ранее, относительно их участия в государственном регулировании инвестиционной деятельности в Законе ДНР об инвестиционной политике отсутствуют, несмотря на то что они определены в ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений.

Кроме того, в ст. 4 Закона ДНР об инвестиционной политике определяется исчерпывающий перечень полномочий соответствующих органов государственной власти. Такой подход к определению перечня полномочий дает возможность предполагать, что полномочия, определенные в ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, могут быть отнесены именно к иным полномочиям. Однако такой подход вряд ли можно назвать удачным, поскольку: во-первых, каждое полномочие, определенное в этом Федеральном законе должно быть закреплено за конкретным органом власти Республи-

ки с целью недопущения злоупотребления такими полномочиями; во-вторых, каждый орган вправе самостоятельно определять наделение его полномочием по собственному усмотрению, что не исключает дублирование полномочий различными органами; в-третьих, определение исчерпывающего перечня полномочий органов государственной власти является немаловажным фактором риска допущения ими нарушений прав других участников инвестиционных отношений.

Таким образом, в Законе ДНР об инвестиционной политике выявлены недостатки по вопросу государственного регулирования инвестиционной деятельности в условиях экономической интеграции, указывающие на его несоответствие ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений относительно определения полномочий органов государственной власти ДНР как субъекта РФ. Устранение этих недостатков возможно лишь путем совершенствования соответствующего законодательства ДНР для обеспечения интеграции Республики в экономическое пространство РФ.

Кроме того, следует обратить внимание, что в соответствии со ст. 11 ФЗ об инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений в рамках государственного регулирования порядок предоставления государственных гарантий за счет бюджетных средств субъекта РФ должен быть определен исключительно законом соответствующего субъекта РФ. А поэтому целесообразно было бы порядок предоставления государственных гарантий за счет бюджетных средств ДНР определить в законодательном акте с целью недопущения множественности нормативных правовых актов.

Одним из перспективных и целесообразных способов совершенствования законодательства, регулирующего, в том числе отношения, связанные с государственным регулированием инвестиционной деятельности, может быть закрепление соответствующих положений в специальной главе Инвестиционного кодекса ДНР, необходимость разработки которого была обоснована ранее в коллективной монографии «Состояние и перспективы функционирования инвестиционного законодательства Донецкой Народной Республики»¹.

¹ Черкасская Н. В., Куц Л. И. Концепция проекта Закона Донецкой народной республики «Инвестиционный кодекс Донецкой Народной Республики» // Состояние и перспективы функционирования инвестиционного законодательства Донецкой Народной Республики: коллективная монография / ГБУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. Л. И. Куц, Н. В. Черкасской. Донецк, 2022. С. 249–265.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арсланов Ш. Д., Арсланов Д. Э. Основы государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 4. С. 83–89.
2. Арсланов Ш. Д., Гаджиева А. Г., Шахтаманова Л. Г. Современные тенденции развития государственно-правового регулирования инвестиционной деятельности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Фундаментальные исследования. 2018. № 9. С. 18–24.
3. Белицкая А. В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 58 с.
4. Белова Л. А. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в системе обеспечения экономической безопасности региона // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 27(1). С. 30–35.
5. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. Москва: Проспект, 2014. 432 с.
6. Герасимов О. А. Теоретико-методологическое обоснование правового обеспечения предпринимательской деятельности // Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. Москва: Юстицинформ, 2017. С. 43–64.
7. Герасимов О. А. Государственное регулирование предпринимательства в горно-металлургическом секторе экономики (постановка проблемы) // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 3. С. 96–103
8. Махова А. В., Стеценко А. А. Регулирование инвестиционной деятельности на региональном уровне на примере Краснодарского края // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 99–104. DOI:10.24411/2411-0450-2019-11120.
9. Темирова З. У., Бексултанова А. И. Формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29 (3). С. 332–337.
10. Черкасская Н. В., Куш Л. И. Концепция проекта Закона Донецкой Народной Республики «Инвестиционный кодекс Донецкой Народной Республики» // Состояние и перспективы функционирования инвестиционного законодательства Донецкой Народной Республики: коллективная монография / ГБУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. Л. И. Куш, Н. В. Черкасской. Донецк, 2022. С. 249–265.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Куш Любовь Ильинична

кандидат юридических наук, доцент, заведующий отделом экономико-правовых исследований ГБУ «Институт экономических исследований (Россия, ДНР, г. Донецк). E-mail: lyubov-kushh@yandex.ru, ORCID0000-0001-9392-0209.

AUTHOR'S DETAILS

Lyubov I. Kushch

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Economic and Legal Research Department, State-funded Institution "Economic Research Institute" (Russia, DPR, Donetsk). E-mail: lyubov-kushh@yandex.ru, ORCID 0000-0001-9392-0209.

УДК 346.11

Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: спорные вопросы теории

В. С. Белых, Н. В. Рубцова¹

Аннотация: настоящая статья посвящена научному исследованию понятия, а также элементов механизма правового регулирования предпринимательской деятельности с позиции прежде всего динамического подхода. При этом рассматриваются различные концепции механизма правового регулирования. Анализируются динамические элементы механизма через категорию жизненного цикла, который понимается как система правовых средств, которые определяют порядок правового регулирования предпринимательской деятельности. Сделан вывод о том, что термин «жизненный цикл» может использоваться не только по отношению к характеристике непосредственно самой предпринимательской деятельности в целом, но и в описании механизма правового регулирования предпринимательской деятельности. Отмечается, что в последние годы усиливается роль смешанного регулирования предпринимательской деятельности, в котором движущим элементом выступают норма права и автономное правовое средство, которые в совокупности активизируют данную схему правового регулирования. Такая схема наиболее ярко проявляется при обязательном саморегулировании предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, механизм, правовое регулирование, динамика, жизненный цикл, смешанное регулирование.

The mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity: controversial issues of theory

Vladimir S. Belykh, Natalya V. Rubtsova²

Abstract: this article is devoted to the scientific study of the concept, as well as the elements of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity from the standpoint of the dynamic approach. At the same time, this article is devoted to the scientific study of the concept, as well as various concepts of the mechanism of legal regulation. The dynamic elements of the mechanism are analyzed through the category of the life cycle, which is understood as a system of legal means that determine the procedure for legal regulation of entrepreneurial activity. It is concluded that the term “life cycle” can be used not only in relation to the characteristics of the entrepreneurial activity itself as a whole, but also in the description of the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity. It is noted that in recent years, the role of mixed regulation of entrepreneurial activity has been increasing, in which the driving element is the rule of law and the autonomous legal remedy, which together activate this scheme of legal regulation. This scheme is most clearly manifested in the case of mandatory self-regulation of entrepreneurial activity

Keywords: entrepreneurial activity, mechanism, legal regulation, dynamics, life cycle, mixed regulation.

Как известно, механизм правового регулирования характеризует сущность социального регулирования и позволяет оценить эффективность правовых средств в регулировании предпринимательской деятельности. Однако понятие механиз-

ма правового регулирования является предметом оживленной дискуссии в отечественной литературе. В разные годы были высказаны различные точки зрения. Так, С. С. Алексеев определял механизм правового регулирования как совокуп-

¹ Для цитирования: Белых В. С., Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: спорные вопросы теории // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 31–37.

² For reference: Belykh V. S., Rubtsova N. V. The mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity: controversial issues of theory // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 31–37.

ность правовых средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения¹. Как видно, *механизм правового регулирования* — это прежде всего совокупность правовых средств.

С позиции инструментального подхода К. В. Шундиков определяет механизм правового регулирования (МПР) как **систему деятельно-**

В частности, предлагается выразить динамику через стадии механизма правового регулирования, аппарат внутреннего устройства правового регулирования

сти субъектов, связанную с созданием и практическим использованием юридических средств, объединенных в инструментальные комплексы (правовые механизмы), функционирование которой через ряд последовательных стадий приводит к достижению тех или иных юридически значимых целей². То есть МПР представляет собой систему деятельности. Резонно возникает вопрос: какой деятельности?

Как верно отмечает А. А. Абрамова, механизм правового регулирования — это не статическая совокупность средств, а нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь при помощи адекватных правовых средств³. Автор исследует МПР через категорию «эффективность».

На наш взгляд, несмотря на многоаспектность понятия «механизм правового регулирования», главным акцентом в определении служит такой признак как деятельность субъектов, т. е. совокупность действий, направленных на достижение определенных целей при использовании правовых средств⁴.

Наряду с традиционным изучением отдельных элементов механизма, современные исследователи

также обращаются к анализу динамики правового регулирования, поскольку механизм правового регулирования не является статичным. В частности, необходимость выделения динамической составляющей механизма правового регулирования обусловлена тем, что в данном понятии изначально заложена процессуальная составляющая, так как лексическое значение слова «механизм» основано именно на системе функционирования. Понятие «механизм» по смыслу связано не только со статическими явлениями, поскольку оно касается внутреннего устройства, однако оно направлено на порядок функционирования и на осуществление правового регулирования.

Динамика механизма правового регулирования может быть определена с помощью различных лексических средств, для этого требуется оперировать определенной терминологией (понятийным аппаратом), которая в настоящее время еще окончательно не сложилась. В частности, предлагается выразить динамику через стадии механизма правового регулирования, аппарат внутреннего устройства правового регулирования. Например, в этом случае по отношению к *механизму договорного правового регулирования* самостоятельными стадиями будут заключение, изменение, расторжение и исполнение договора. Эти стадии образуют динамику развития договорных правоотношений.

Динамическую сущность механизма правового регулирования подчеркивают А. В. Малько и К. В. Шундиков, однако суть этой динамики указанные авторы раскрывают через систему юридических средств, которые, объединяясь в механизме, образуют целостный организм, назначение которого «заключается в постоянном действии, в непрерывном «прокручивании» правовой энергии»⁵. Действительно, сам по себе синергетический эффект при использовании определенных правовых средств на определенных этапах правового регулирования предпринимательской деятельности вполне может свидетельствовать о динамических составляющих такого регулирования. Однако данная позиция не позволяет изначально отграничить те правовые

¹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Изд-во Юрид. лит., 1966. 188 с.

² Шундиков К. В. Управление и самоорганизация в механизме правового регулирования (теоретико-методологическое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 : Саратов., 2019. С. 17–19.

³ Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 Красноярск., 2006. С. 8.

⁴ Белых В. С., Рубцова Н. В. Концептуальные особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. №3. С. 9–10.

⁵ Малько А. В., Шундиков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. академия права», 2003. С. 98.

средства, которые будут свидетельствовать именно о динамике такого регулирования.

В свою очередь, механизм правового регулирования *предпринимательской деятельности* основывается на его динамической составляющей. Он (механизм) является той основой (базой), которая объединяет все средства правового регулирования предпринимательской деятельности и позволяет сформировать целостную картину такого регулирования. В рамках МПР применяются определенные правовые средства воздействия на общественные отношения.

Особенности осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности определяют специфику использования правовых средств. Правовое регулирование предпринимательства основано на обеспечении свободы этой деятельности и, соответственно, подразумевает в большей степени использование частноправовых средств, в первую очередь, автономных правовых актов. Соответственно, правовые средства приобретают самостоятельное значение не только с позиции инструментального подхода. Не менее важны цели их использования, которые заключаются как в получении определенного результата, так и в решении социально полезных и экономически значимых задач.

По отношению к предпринимательской деятельности МПР имеет внутреннее динамическое устройство, представляет собой единую функционирующую систему последовательно связанных правовых средств (элементов), которые обеспечивают эффективное осуществление предпринимательства самими ее участниками, а также гарантируют охрану публичных интересов.

Динамика механизма правового регулирования предпринимательской деятельности проявляется, в первую очередь, через систему действий, которые выражают деятельность конкретных хозяйствующих субъектов. В рамках указанной деятельности применяются определенные правовые средства.

На наш взгляд, наиболее точным термином, описывающим механизм правового регулирования через его динамику, может выступать новая *правовая категория «жизненного цикла продукции»*, которая до недавнего времени широко использо-

валась лишь представителями экономической науки. Сам термин «цикл» является наиболее удачным, поскольку обращает нас к его динамической составляющей. Так, А. А. Мохов и П. М. Филиппов определяют цикл в самом общем виде как процесс, состоящий из определенной последовательности событий, этапов, закономерно развивающихся, повторяющихся во времени¹. Чаще всего

Динамика механизма правового регулирования предпринимательской деятельности проявляется, в первую очередь, через систему действий, которые выражают деятельность конкретных хозяйствующих субъектов

термин «жизненный цикл» применяется по отношению к организации, товару, продукции, даже территории, при этом в основе понятия жизненного цикла лежит динамическая составляющая. Именно такое понимание цикла соответствует представлениям о жизненном цикле предпринимательской деятельности в контексте механизма правового регулирования.

При этом понятие «жизненного цикла продукции» является интегративным, позволяющим объединить юридические и экономические начала, и в их единстве отражается комплексное системное понимание динамических особенностей определенных экономико-правовых терминов. В экономике жизненный цикл рассматривается традиционно как производственный процесс, цикл, выражающийся в нормо-часах. В российском законодательстве этот термин широко используется в контексте одной из форм государственно-частного партнерства как «контракт жизненного цикла», суть которого заключается в необходимости обеспечения частным партнером жизненного цикла объекта публично-частного партнерства, начиная с его проектирования, строительства до эксплуатации, обслуживания и последующей передачи публичному партнеру². Соответственно, главные особенности государственно-частного партнерства и заключаются как раз в сущности самого жизненного цикла продукции.

¹ Мохов А. А., Филиппов П. М. Жизненный цикл товара: законодательство, доктрина, практика // Юрист. 2016. №7. С.29.

² См.: Дорожкин А. Г., Звездина Т. М. Контракт жизненного цикла: понятие, правовые основы, проблемы практической реализации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. №4. С.52-57. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

По отношению к предпринимательской деятельности жизненный цикл можно рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле жизненный цикл включает всю деятельность хозяйствующего субъекта. Так, О. Н. Лебединец использует понятие «жизненный цикл юридического лица» и определяет его в контексте парадигмы цикличности от создания до ликвидации юридиче-

В узком смысле жизненный цикл предпринимательской деятельности связан с осуществлением отдельных предпринимательских действий

ского лица¹. Такое же широкое понимание можно предложить и к определению цикличности предпринимательской деятельности индивидуального предпринимателя, связывая динамику осуществления его деятельности, начиная с момента его создания и заканчивая прекращением его деятельности.

Через призму правового регулирования жизненного цикла продукции исследуют В. С. Белых и О. А. Герасимов, определяя его как «совокупность производственных, имущественных и других отношений (связей) с момента возникновения потребности в конкретной продукции (работах и услугах) и до момента удовлетворения этих потребностей и утилизации продукции»². Иначе говоря, ЖЦП включает в себя различные стадии: проектирование (например, разработка технического задания, проведение опытно-конструкторских работ); производство; обращение; эксплуатация (потребление). Каждая стадия ЖЦП обладает собственным правовым режимом. Так, с учетом жизненного цикла продукции необходимо выделить производственную, коммерческую (торговую), финансовую, посредническую, консалтинговую предпринимательскую деятельность. Например, в состав посреднической деятельности включены конкретные формы агентирования (брокерство, комиссия, делькредере, индент, консигнация), оптовое купечество (дистрибьюторство, дилерство, тор-

говое маклерство, джобберство), посылторговое посредничество, торговое представительство (коммивояжерство, аукционерство), биржевое предпринимательство, риэлторство. В свою очередь, финансовое предпринимательство осуществляется кредитными организациями, страховыми организациями, инвестиционными фондами (ПИФами), лизинговыми компаниями.

В данном разрезе можно обозначить производственное право; коммерческое право; финансовое право; посредническое право; консалтинговое право и др., и, скажем, не только. В зависимости от деления предпринимательства на производственную, посредническую и финансовую предпринимательскую деятельность все предпринимательские договоры *необходимо подразделить* на: 1) договоры в сфере производственного предпринимательства; 2) договоры в сфере посреднической деятельности; 3) договоры в сфере финансовой деятельности. Используя такой критерий как *направленность договора* на тот результат, который стороны желали бы иметь, вступая в обязательство, можно выделить: а) предпринимательские договоры о передаче товаров в собственность, в хозяйственное ведение или в оперативное управление (поставка товаров, в том числе для государственных нужд, контрактация, энергоснабжение, продажа недвижимости, продажа предприятия); б) предпринимательские договоры по передаче имущества в пользование (прокат, аренда транспортных средств, аренда зданий и сооружений, аренда предприятий, финансовая аренда (лизинг), коммерческая концессия); предпринимательские договоры по выполнению работ (строительный подряд, подряд на выполнение проектных и изыскательских работ, подрядные работы для государственных нужд, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ); в) предпринимательские договоры возмездного оказания услуг (перевозка, хранение, доверительное управление имуществом)³. Надо особо отметить, что указанные виды предпринимательских договоров объединяет общая (единая) сфера применения — *производственное предпринимательство*.

¹ См. Лебединец О. Н. Жизненный цикл юридических лиц: Гражданско-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. С. 9.

² Белых В. С., Герасимов О. А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. 2020. №1. С. 7.

³ См.: Договорное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2020. С.24-25 (автор главы 1 — Белых В. С.).

В узком смысле жизненный цикл предпринимательской деятельности связан с осуществлением отдельных предпринимательских действий. В техническом законодательстве используется понятие «жизненный цикл продукции», который включает «совокупность взаимосвязанных процессов изменения состояния продукции при ее создании, использовании (эксплуатации) и ликвидации (с избавлением от отходов путем их утилизации и/или удаления)»¹. Впервые термин «жизненный цикл качества» стал применяться в законодательстве о стандартизации. С точки зрения производственного цикла можно говорить, например, о качестве продукции на стадиях проектирования, производства (изготовления), обмена (оборота) и эксплуатации (потребления)². Д. В. Грибанов упоминает жизненный цикл по отношению к инновациям³.

Учитывая вышеназванное, можно сделать вывод о том, что *интегративным началом «жизненного цикла продукции»* выступает его понимание как деятельности, процесса, складывающегося из нескольких закономерно повторяющихся четких стадий, этапов, раскрывающих процессы изменения правового регулирования. Такое понимание позволяет системно исследовать комплексные научные экономико-юридические понятия. Соответственно, «жизненный цикл» может использоваться не только по отношению к характеристике непосредственно самой предпринимательской деятельности в целом, но и в описании механизма правового регулирования предпринимательской деятельности.

Суммируя указанные особенности, «жизненный цикл механизма правового регулирования предпринимательской деятельности» может пониматься как система закономерно повторяющихся взаимосвязанных элементов (звеньев), которые определяют порядок правового регулирования предпринимательской деятельности. К таким элементам (стадиям) жизненного цикла правового регулирования предпринимательской деятельности следует отнести все элементы механизма:

нормы права, правоотношения, договоры, а также акты реализации, причем названные элементы повторяются не хаотично, а в определенном порядке. В. Д. Перевалов, анализируя работы С. С. Алексеева, посвященные вопросам механизма правового регулирования, особо подчеркивает необходимость «последовательности набора, «взаимосвязки» и функционирования юридических

Жизненный цикл правового регулирования предпринимательской деятельности как порядок взаимодействия отдельных элементов (стадий жизненного цикла) такой деятельности может включать различные схемы такого взаимодействия

средств, а значит и их бесперебойной «работы», а также последовательность смены стадий с учетом приводящих обстоятельств и обеспечение «живучести» механизма правового регулирования в целом»⁴.

По отношению к предпринимательской деятельности традиционная последовательность отдельных элементов (норма права—правоотношение—акт реализации) может нарушаться: договор, а не норма права, чаще всего служат началом определенного жизненного цикла правового регулирования предпринимательства. В условиях автономного регулирования предпринимательской деятельности особое программирующее значение приобретает договор как самостоятельный элемент механизма правового регулирования. Причем договор характеризует начало не только автономного, но и в определенных случаях нормативного правового регулирования предпринимательства. Соответственно, для того чтобы выбрать наиболее эффективные правовые средства в процессе правового регулирования предпринимательской деятельности, следует учитывать специфику осу-

³ ГОСТ Р 53791-2010 Ресурсосбережение. Стадии жизненного цикла изделий производственно-технического назначения. Общие положения // <http://docs.cntd.ru/document/1200082189> (дата обращения 10.04.2024).

² *Белых В. С.* Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. О. А. Герасимов. Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2007. С. 44–45.

³ *Грибанов Д. В.* Правовые основы национальной инновационной системы: Дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 124–125.

⁴ *Перевалов В. Д.* Механизм правового регулирования как идея и реальность // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. Часть 1. 292 с. С.11.

ществления предпринимательской деятельности на разных этапах жизненного цикла предпринимательской деятельности.

Жизненный цикл правового регулирования предпринимательской деятельности как порядок взаимодействия отдельных элементов (стадий жизненного цикла) такой деятельности может включать различные схемы такого взаимодействия. Однако начало правового регулирования сводится к трем возможностям. **Первая** — правовое регулирование, основанное на нормах права, находит применение в процессе нормативного регулирования предпринимательской деятельности. **Вторая** возможная схема начала правового регулирования предпринимательства связана с использованием частноправового договора (в том числе предпринимательского договора) в рамках

автономного регулирования предпринимательской деятельности. **Наконец**, в последние годы заметно усиливается роль смешанного регулирования предпринимательской деятельности, в котором движущим элементом выступают норма права и автономное правовое средство, которые лишь в совокупности активизируют данную схему правового регулирования. Наиболее ярко такая схема проявляется при обязательном саморегулировании предпринимательской деятельности¹.

Таким образом, механизм правового регулирования предпринимательской деятельности характеризуется не только сочетанием отдельных элементов правового регулирования, но и динамическими особенностями, которые основываются на категории жизненного цикла продукции (производства).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В. С., Герасимов О. А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право. 2020. №1. С. 3–12.
2. Белых В. С. Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. О.А. Герасимов. Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2007. С. 44–45.
3. Белых В. С., Рубцова Н. В. Концептуальные особенности механизма правового регулирования предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. №3. С. 9–13.
4. Грибанов Д. В. Правовые основы национальной инновационной системы: Дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 379 с.
5. Договорное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2020. 720 с.
6. Дорожкин А. Г., Звездина Т. М. Контракт жизненного цикла: понятие, правовые основы, проблемы практической реализации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. №4. С.52–57. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. Лебединец О. Н. Жизненный цикл юридических лиц: Гражданско-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 218 с.
8. Малько А. В., Шундииков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская гос. академия права», 2003. 296 с.
9. Мохов А. А., Филиппов П. М. Жизненный цикл товара: законодательство, доктрина, практика // Юрист. 2016. №7. С. 28–31.
10. Перевалов В. Д. Механизм правового регулирования как идея и реальность // Механизм правового регулирования: история и современность. V Алексеевские чтения / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. Часть 1. С. 5–12.
11. Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: вопросы теории и практики. Монография. М.: Проспект, 2023. 280 с.
12. Широкова Г. В. Жизненный цикл организации: концепции и российская практика 2-е изд. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. 480 с.

¹ Рубцова Н. В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности: вопросы теории и практики. Монография. М.: Проспект, 2023. С. 181–182.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X.

Рубцова Наталья Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Россия, Новосибирск). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh

doctor of Juridical Sciences, professor, Head of Business Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X.

Natalya V. Rubtsova

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of the Novosibirsk State University of Economics and Management (Russia, Novosibirsk). E-mail: rubtsova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1621-8499.

УДК 342.739

Законодательство Российской Федерации о предпринимательской деятельности: понятие, состав, особенности

С. В. Белых¹

Аннотация: в условиях современного развития рыночной экономики в Российской Федерации, наряду с фундаментальными изменениями в политической, социально-экономической и духовной жизни общества, происходит и развитие законодательства о предпринимательской деятельности, направленного на стимулирование предпринимательской активности граждан и их объединений. Однако оно все еще во многом остается пробельным, противоречивым, складывается стихийно, не имеет под собой стройной концептуальной основы, подвержено некритичным заимствованиям зарубежного опыта.

Как известно, в СССР, а затем в Российской Федерации, неоднократно предпринимались попытки по разработке Хозяйственного, Предпринимательского и даже Торгового кодекса. В частности, проект Хозяйственного кодекса СССР был подготовлен в соответствии с решением секции общественных наук Президиума Академии наук СССР № 9 от 04 апреля 1969 г. сектором хозяйственного права и проблем управления промышленностью Института государства и права АН СССР. Позднее в Программе развития реформ и стабилизации экономики, утвержденной постановлением Совета Министров – Правительства РФ 06 августа 1993 г., говорилось о завершении в 1993–1994 г. работы не только над Гражданским, но и Торговым кодексом РФ. В Указе Президента РФ № 848 от 29 апреля 1994 г.² об исследовательской программе «Пути и формы укрепления Российского государства» предусматривается необходимость разработки Предпринимательского кодекса. Однако до сих пор ни один из названных проектов кодексов не был принят высшим законодательным органом страны.

В статье рассматриваются такие категории как законодательство, подходы к данному понятию, причины различного понимания термина «законодательство». Автором предлагается понятие законодательства о предпринимательской деятельности как совокупности комплексных нормативно-правовых актов различной юридической силы, содержащие нормы частного и публичного права, а также раскрывается состав предпринимательского законодательства. Поднимается проблема разграничения компетенции РФ и субъектов РФ в сфере регулирования предпринимательского законодательства по ст. 71–73 Основного закона РФ.

Ключевые слова: законодательство, предпринимательское законодательство, состав, элементы, особенности законодательства о предпринимательской деятельности, разграничение компетенции Российской Федерации и субъектов РФ в сфере предпринимательского законодательства.

Legislation of the Russian Federation on entrepreneurial activities: concept, composition, features

Sergey V. Belykh³

Abstract: in the context of the modern development of a market economy in the Russian Federation, along with fundamental changes in the political, socio-economic and spiritual life of society, there is also the development of legislation on entrepreneurial activity aimed at stimulating the entrepreneurial activity of citizens and their associations. However, it still largely remains empty, contradictory, develops spontaneously, does not have a coherent conceptual basis, and is subject to uncritical borrowing of foreign experience.

As is known in the USSR, and then in the Russian Federation, attempts were made repeatedly to develop an Economic, Entrepreneurial and even Commercial Code. In particular, the draft Economic Code of the USSR was prepared in accordance with the decision of the section of social sciences of the Presidium of the USSR Academy of Sciences No. 9 dated April 4, 1969 by the sector of economic law and problems of industrial management of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences. Later, the Program for the Development of Reforms and Stabilization of the Economy, approved by a resolution of the Council of Ministers - the Government

¹ Для цитирования: Белых С. В. Законодательство Российской Федерации о предпринимательской деятельности: понятие, состав, особенности // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 38–44.

² Российская газета № 85, 1994.

³ For reference: S. V. Belykh. Legislation of the Russian Federation on entrepreneurial activities: concept, composition, features // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 38–44.

of the Russian Federation on August 6, 1993, spoke about the completion in 1993 - 1994 of work not only on the Civil Code, but also on the Commercial Code of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 848 of April 29, 1994 on the research program "Ways and forms of strengthening the Russian state" provides for the need to develop an Entrepreneurial Code. However, so far, not a single one of these draft codes has been adopted by the country's highest legislative body.

The article discusses such categories as legislation, approaches to this concept, reasons for different understandings of the term "legislation". The author proposes the concept of legislation on entrepreneurial activity as a set of complex normative legal acts of varying legal force, containing norms of private and public law, and also reveals the composition of entrepreneurial legislation. The problem of delimiting the competence of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation in the sphere of regulating business legislation under Art. 71-73 of the Basic Law of the Russian Federation.

Keywords: legislation, business legislation, composition, elements, features of legislation on business activities, delimitation of the competence of the Russian Federation and the subject of the Russian Federation in the field of business legislation.

В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75.1 Основного закона РФ).

Все это делает насущным соотнесение законодательства о предпринимательской деятельности, практики его осуществления с конституционной моделью экономических, предпринимательских отношений. Здесь важна проверка законотворческой активности, правоприменительной практики через призму исходных конституционных ценностей, идей, целей, что предполагает анализ конституционных норм, регулирующих экономическую, в том числе предпринимательскую деятельность.

Юридический энциклопедический словарь определяет «законодательство как внешнюю форму выражения объективного права, те акты, в которых воплощается воля господствующего класса (в общенародном государстве — воля всего народа) и формально закрепляется в виде общеобязательных правил. 1) В широком смысле слова законодательство — весь комплекс издаваемых уполномоченными правотворческими органами нормативных актов, важнейшим из которых является закон. В этом смысле законодательство представляет собой единую и слаженную систему, части которой взаимосвязаны и соподчинены. 2) В узком, собственном смысле под ним понимается си-

стема нормативных актов, издаваемых высшими органами государственной власти и управления, то есть законодательные акты и нормативные решения правительства. 3) Под законодательством иногда понимается также деятельность высшего органа государственной власти по принятию законов. Законодательство в этом смысле — основная, наиболее важная форма правотворческой деятельности»¹.

В Конституции РФ понятие «законодательства» встречается в ч. 2 ст. 5, в п. «о» ст. 71, в п. «к» ч. 1 ст. 72, в ч. 3 ст. 128 и в абз. 2 п. 6 разд. 2 «Заключительные и переходные положения», однако его содержание не конкретизировано.

Между тем, анализ законодательства РФ и юридической литературы позволяет выделить два подхода к данному термину: «узкий» и «широкий». *Первый подход* трактует законодательство как систему актов законодательных органов, включая в него, как правило, законы и иные нормативные правовые акты парламента². Одним из примеров претворения узкого подхода являются положения ст. 3 Гражданского кодекса РФ, где понятие «гражданское законодательство» включает Гражданский кодекс РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, что, по мнению Конституционного Суда РФ, изложено в определении от 05.11.1999 г. № 182-О некорректно³, поскольку в ст. 76 Конституции РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном

¹ Юридический энциклопедический словарь. Гл. ред. А. Я. Сухарев; Ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Минковский и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1984. С. 102–103.

² Лившиц Р. З. Теория права. — М.: БЕК, 1994. С. 111–113; Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М.: Новый Юрист, 1998. С. 409; Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. С. 33; Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: Методология и теория. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. С. 55.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 г. № 182-О "По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" // Собрание законодательства РФ. 1999. № 52. ст. 6460.

случае — федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой.

Второй подход понимает законодательство как совокупность всех нормативных правовых ак-

Предпринимательское законодательство образует единую систему нормативных правовых актов, обладающих различной юридической силой

тов, изданных в государстве (включая акты законодательных органов, а также иные нормативные правовые акты)¹.

В юридической литературе высказано и такое мнение, что широкое понимание законодательства способствует подмене закона подзаконными актами и может использоваться как легальное средство умаления значения закона в жизни общества².

Существующие подходы к пониманию термина «законодательство» в научной литературе обусловлены, в том числе и идеологическими предпосылками государства и общества. Так, Т. В. Худойкина указывает, что длительное время и в теории, и на практике в командно-административной системе СССР руководствовались широким подходом к определению законодательства как совокупности законов и подзаконных нормативных актов³.

Выделяются в юридической литературе и иные причины различного понимания термина «законодательство»: это отсутствие единой легально закрепленной дефиниции данного термина; неоднозначность, противоречивость правовых норм, указывающих на содержание термина «законодательство» в различных нормативных правовых

актах и возможность их широкого толкования; это представление сущности законодательства с позиции различных концепций правопонимания; это изменение системы законодательства в результате ее увеличения; предназначение, цель самого законодательства⁴.

Анализ различных подходов к термину «законодательство» позволяет утверждать, что широкое и узкое понимание законодательства не могут применяться одинаково. Вместе с тем, как справедливо отмечает Р. З. Лившиц, каждое понятие законодательства является самодостаточным, и все зависит от тех целей, для которых оно используется⁵. Узкий подход к понятию законодательства приемлем в ходе осуществления нормотворчества, поскольку все нормативные правовые акты обладают разной юридической силой. Напротив, широкое понимание законодательства более уместно для целей систематизации законодательства, где различаются вертикальные и горизонтальные средства классификации нормативных правовых актов по иерархической и отраслевой принадлежности.

Представляется, что все вышеизложенные подходы имеют право на существование. Применительно к законодательству о предпринимательской деятельности более приемлем широкий подход, поскольку позволяет рассматривать законы в единстве и взаимодействии с подзаконными и иными нормативными правовыми актами. Предпринимательское законодательство образует единую систему нормативных правовых актов, обладающих различной юридической силой.

Учитывая широкий подход к пониманию законодательства, сложившийся в советские годы, и отведение роли закону как основы регулирования общественных отношений, большинство ученых под категориями «предпринимательское законодательство» (В. К. Андреев⁶), «законодательство о предпринимательской деятельности» (Л. В. Андрее-

¹ Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 83; Поленина С. В. Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 4-5; Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М.: Юриспруденция, 2009. С. 21; Зивс С. Л. Источники права. М.: Наука, 1981. С. 33.

² Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гошуляк В. В. - М., 2000. С. 9.

³ Худойкина Т. В. Законодательные ошибки: на примере законодательной деятельности субъекта Российской Федерации // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Академия МВД России, 2001. С. 423.

⁴ Курдюк Г. П., Урумов А. В. Законодательство: подходы к пониманию // Общество и право. 2013. №1 (43). С. 32.

⁵ Лившиц Р. З. Указ. соч. С. 112.

⁶ Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки. М., 2008 — 368 с.

ва¹), «нефтегазовое законодательство» (М. И. Клеандров²) либо «акционерное законодательство» (В. В. Лаптев³) понимают все нормативные правовые акты, в том числе и законы.

В науке предпринимательского права существуют и иные понятия законодательства о предпринимательской деятельности. Так, ряд авторов (Ровный В. В., Суханов Е. А. и др.) утверждают, что предпринимательское законодательство представляет собой разновидность гражданского законодательства, поскольку исключительно Гражданский кодекс РФ и сформулировал понятие предпринимательской деятельности, и установил правовой режим предпринимательства⁴. Другой ученый В. Ф. Попондопуло считает, что предпринимательское (коммерческое) законодательство есть совокупность комплексных нормативных правовых актов, содержащих нормы разных отраслей права (частного и публичного), регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности⁵. Предпринимательское законодательство как самостоятельная отрасль российского законодательства рассматривается представителями теории предпринимательского (хозяйственного) права (Анохин В. С., Быков А. Г., Лаптев В. В., Мамутов В. К., Мартемьянов В. В. и др.). По их мнению, предпринимательское (хозяйственное) законодательство обладает предметным единством — это общественные отношения в сфере предпринимательства. Они предлагают разработать и издать предпринимательский (хозяйственный) кодекс. И наконец, еще одна трактовка о том, что предпринимательское законодательство по своей сути есть комплексная отрасль законодательства, гармонично сочетающая публично-правовые и частноправовые начала (административные, гражданские, налоговые и др.)⁶. Именно в этом смысле, как верно отмечает В. С. Белых, понимание предпринимательского законодательства во многом раскрывает содержание данного законодательства.

Таким образом, законодательство о предпринимательской деятельности — это целостная взаимосвязанная комплексная система нормативных правовых актов, содержащая нормативные предписания и регулирующая отношения в сфере предпринимательской и иной экономической

Таким образом, законодательство о предпринимательской деятельности — это целостная взаимосвязанная комплексная система нормативных правовых актов, содержащая нормативные предписания и регулирующая отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности

деятельности. Комплексность обусловлена разнородностью регулируемых отношений, необходимостью государства обеспечивать через нормы права разумный баланс публичных и частных интересов и установлением ограничений предпринимательской деятельности в публичных интересах.

Разными учеными-юристами неоднократно поднимался вопрос об отнесении законодательства о предпринимательской деятельности к исключительной компетенции Российской Федерации либо совместному ведению Федерации и ее субъектов. В частности, В. В. Лаптев считает, что предпринимательское законодательство находится в совместном ведении Федерации и ее субъектов, поскольку многогранность экономики в условиях развития рыночных отношений подпадает под единый федеральный режим предпринимательства с учетом специфики регионов России⁷. К аналогичному выводу приходит и В. К. Андреев, дополнительно обосновывая идею ограничения предпринима-

¹ Андреева Л. В. Современные тенденции развития законодательства о предпринимательской деятельности // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.) : избран. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2014. С. 242–245.

² Клеандров М. И. Нефтегазовое законодательство в системе российского права. Новосибирск, 1999. — 144 с.

³ Лаптев В. В. Акционерное право. М., 1999. С. 14–20.

⁴ Белых В. С. Модернизация российской экономики и проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Экономика региона. 2011. № 2. С. 80.

⁵ Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. С. 60–61.

⁶ Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2014. С. 106.

⁷ Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997. С. 31–32.

тельского законодательства (совместное ведение) от гражданского (исключительно федеральное ведение), при котором именно предпринимательское право регулирует область экономической деятельности¹.

В. С. Белых, учитывая неопределенность в разграничении нормотворческой компетенции Федерации и ее субъектов, настаивает на приня-

Одной из основных проблем, связанных с понятием предпринимательского законодательства, является определение реальных границ законодательства, а также отраслевой принадлежности норм права входящих в его состав

тии специального закона о принципах разграничения предметов ведения и делегирования полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ. Нормотворческая компетенция муниципальных образований вообще не получила закрепления в Конституции РФ. Также автором предлагается уйти от практики заключения федеративных нормативных договоров (соглашений) на предмет нормотворческой компетенции между Россией и субъектами РФ². Между тем подобный закон, закрепляющий возможность передачи полномочий Федерации по предметам ведения РФ, а также полномочий России по предметам совместного ведения, был принят некоторое время назад (см. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ³).

Основной закон РФ (ст. 71, 72) проводит разграничение в нормотворческой компетенции между Россией и субъектами РФ. Вопросы, находящиеся в совместном ведении Федерации и ее

субъектов, содержатся в ст. 72 Конституции РФ. Субъекты Федерации самостоятельно и в полном объеме осуществляют правовое регулирование по предметам, находящимся в их исключительном ведении (ст. 73 Основного закона). Вместе с тем законодательство о предпринимательской деятельности опирается на базовые конституционные принципы и на положения ст. 71 Конституции РФ.

В правовой литературе порой утверждается, что Конституция РФ содержит противоречивые нормы, регулирующие вопросы нормотворческой компетенции⁴. Так, Конституция РФ (ст. 71) исходит из того, что вопросы: установления правовых основ единого рынка; финансового, кредитного, таможенного регулирования; уголовного, гражданского, процессуального законодательства; правового регулирования интеллектуальной собственности относятся в целом к ведению Федерации. При этом, однако, исключается возможность издания Основ законодательства. Напротив, в сфере совместной компетенции (ст. 72) Федерация издает Основы законодательства (в том числе гражданского), а субъекты РФ – нормативные акты в развитие Основ. Несколько неопределенным выглядит словосочетание “установление правовых основ единого рынка”, в буквальном смысле охватывая все правовое регулирование экономики.

Учитывая сказанное выше, представляется более верным относить предпринимательское законодательство к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ.

Одной из основных проблем, связанных с понятием предпринимательского законодательства, является определение реальных границ законодательства, а также отраслевой принадлежности норм права входящих в его состав. Так, И. В. Ершова, наряду с общеизвестными в науке предпринимательского (хозяйственного) права разделами предпринимательского законодательства, включает и такие как налоговое регулирование пред-

¹ Андреев В. К. О Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья. 2010. № 9. С. 20–26.

² Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2014. С. 110.

³ Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ // Российская газета. 2021. № 294.

⁴ Белых В. С. О разграничении компетенции между Федерацией и ее субъектами в области нормотворческой деятельности // Право и экономика: формирование основ законодательства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22-25 апреля 1995 г.) / Ур. гос. юрид. акад. ; [редкол.: доц. Н. И. Масленникова (отв. ред.) и др.]. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. С. 6.

принимательской деятельности, правовые основы учета и отчетности и др.¹.

Таким образом, предпринимательское законодательство — это сверхкомплексная отрасль законодательства, состоящая из отдельных структурных образований, таких как антимонопольное, банковское, биржевое, инвестиционное, инновационное, конкурентное, страховое, транспортное и др. Однако до сих пор, даже в теоретическом формате, не определены его пределы. Отсюда стремление отдельных ученых включить в него многое, что приводит к размыванию границ состава предпринимательского законодательства и предмета предпринимательского права².

Кроме того, отрицательно на формирование предпринимательского законодательства сказывается и отсутствие как в Конституции РФ, в Федеральных законах, так и в подзаконных актах раздела (подраздела) о предпринимательском законодательстве.

Принимая во внимание разностатусный, комплексный характер предпринимательского законодательства, В. С. Белых предложил первоочеред-

ные меры по его совершенствованию, включающие в себя четыре блока (элемента): принятие кодифицированных кодексов, объединяющих крупные сферы (например, валютный кодекс, инвестиционный кодекс, страховой кодекс и др.); принятие специальных законов о субъектах предпринимательства (в том числе закона о холдингах); развитие законодательства о регулировании экономики (в частности, посредством принятия закона об основах управления экономикой России) и совершенствование законодательства об отдельных видах предпринимательских договоров (включая договоры доверительного управления имуществом, финансирования под уступку денежного требования, коммерческой концессии, поставки товаров для государственных нужд и т. д.)³.

Таким образом, предпринимательское законодательство — это совокупность преимущественно комплексных (межотраслевых) нормативных актов различной юридической силы, разной отраслевой принадлежности, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности, обеспечивающих баланс между частноправовыми и публично-правовыми методами регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев В. К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки. М., 2008 — 368 с.
2. Андреев В. К. О Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья. 2010. № 9. С. 20–26.
3. Андреева Л. В. Современные тенденции развития законодательства о предпринимательской деятельности // 20 лет Конституции Российской Федерации: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013 г.) : избран. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2014. С. 242–245.
4. Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. — 712 с.
5. Белых В. С. Модернизация российской экономики и проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Экономика региона. 2011. №2. С.73– 85.
6. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2014. — 432 с.
7. Белых В. С. О разграничении компетенции между Федерацией и ее субъектами в области нормотворческой деятельности // Право и экономика: формирование основ законодательства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (22-25 апреля 1995 г.) / Ур. гос. юрид. акад. ; [редкол.: доц. Н. И. Масленникова (отв. ред.) и др.]. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1995. С. 3–7.
8. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. М.: Новый Юрист, 1998. — 622 с.
9. Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М.: Юриспруденция, 2009. — 160 с.
10. Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гошуляк В. В. - М., 2000. — 45 с.

¹ *Российское предпринимательское право: учебник / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отюникова. М.: Проспект, 2006. — 1064 с.*

² *Белых В. С. Модернизация российской экономики и проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Экономика региона. 2011. № 2. С. 81.*

³ *Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. — М.: Проспект, 2014. С. 118–124.*

11. Зивс С. Л. Источники права. М.: Наука, 1981. — 239 с.
12. Клеандров М. И. Нефтегазовое законодательство в системе российского права. Новосибирск, 1999. — 144 с.
13. Курдюк Г. П., Урумов А. В. Законодательство: подходы к пониманию // Общество и право. 2013. №1 (43). С. 30–33.
14. Лаптев В. В. Акционерное право. М., 1999. — 254 с.
15. Лаптев В. В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997. — 140 с.
16. Лившиц Р. З. Теория права. — М.: БЕК, 1994 — 224 с.
17. Поленина С. В. Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. — 478 с.
18. Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. — 668 с.
19. Российское предпринимательское право: учебник / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отюникова. М.: Простпект, 2006. — 1064 с.
20. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: Методология и теория. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991 — 135 с.
21. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994 — 140 с.
22. Худойкина Т. В. Законодательные ошибки: на примере законодательной деятельности субъекта Российской Федерации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегород. академия МВД России, 2001. — 542 с.
23. Юридический энциклопедический словарь. Гл. ред. А. Я. Сухарев; Ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Минковский и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1984. — 415 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Владимирович Бельх

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: belykhs@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6132-9465

AUTHOR'S DETAILS

Sergey V. Belykh

Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg), PhD (Law). E-mail: belykhs@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6132-9465.

УДК 622

Вопросы правового регулирования применения автономных роботизированных технологий в горной промышленности Российской Федерации

А. С. Яковенко¹

Аннотация: в статье описываются проблемы применения автономных технологий для безлюдной добычи полезных ископаемых в Российской Федерации. Вопросы наращивания производства отдельных видов полезных ископаемых, всероссийская нехватка компетентных специалистов, защита технологического суверенитета, экономики и благополучия граждан ставят перед промышленностью в России сложнейшие вызовы. И один из ответов на эти вызовы — применение самых передовых роботизированных автономных технологий в разведке, добыче и переработке полезных ископаемых.

Горная промышленность — это локомотив российской науки и техники, а безлюдные технологии добычи объединяют в себе науку поиска, разведки и добычи полезных ископаемых, транспортные технологии, машиностроение, приборостроение и электронику, компьютерную науку, в частности применение искусственного интеллекта и кибернетику. Но наряду с применением новых технологий появляются пробелы в регулировании безопасного использования таких технологий и новые правоотношения, требующие новых подходов или значительного уточнения существующих норм.

В статье делается обзор актуальных методов регулирования искусственного интеллекта в России, роботизированных и беспилотных автономных транспортных средств, описываются проблемные вопросы их использования в горной промышленности, отличия от ранее существовавших беспилотных дистанционно-управляемых средств, рассматриваются коллизии с ключевыми нормативно-правовыми актами, в частности регулирующих вопросы промышленной безопасности и ответственности в случаях возникновения аварий и предлагаются пути решения. Отдельного внимания заслуживает взаимосвязь, разграничение и правильное определение терминов «беспилотные», «автономные», «автономные беспилотные», «роботизированные технологии» и связь с понятием «искусственный интеллект». В нашей работе мы дадим обзор современных определений и их взаимосвязи.

Ключевые слова: автономный, робот, транспортное средство, искусственный интеллект, высокоавтоматизированное транспортное средство, автономные технологии, безлюдная добыча полезных ископаемых.

Development of legal relations using autonomous robotic systems

Aleksey S. Yakovenko²

Abstract: the article describes the problems of application of autonomous technologies for unmanned mining of minerals in the Russian Federation. The issues of increasing production of certain types of minerals, all-Russian shortage of competent specialists, protection of technological sovereignty, economy and well-being of citizens pose the most difficult challenges to the industry in Russia. And one of the answers to these challenges is the application of the most advanced robotic autonomous technologies in exploration, mining and processing of minerals.

Mining is the locomotive of Russian science and technology, and unmanned mining technologies combine the science of prospecting, exploration and extraction of minerals, transportation technologies, mechanical engineering, instrumentation and electronics, computer science, in particular the application of artificial intelligence and cybernetics. But along with the application of new technologies there are gaps in the regulation of safe use of such technologies and new legal relations that require new approaches or significant clarification of existing norms.

The article reviews the current methods of regulation of artificial intelligence in Russia, robotic and unmanned autonomous vehicles, describes the problematic issues of their use in the mining industry, the differences from the previously existing unmanned remote-controlled vehicles, considers conflicts with key regulatory acts, in particular those governing industrial safety and liability in cases of accidents and suggests solutions. Special attention should be paid to the relationship, distinction and correct definition of the terms “unmanned”, “autonomous”, “autonomous unmanned”, “robotic technologies” and the connection with the concept of “artificial intelligence”. Our paper will give an overview of the current definitions and their relationship.

Keywords: autonomous, robot, vehicle, artificial intelligence, highly automated vehicle, autonomous technologies, unmanned mining.

¹ Для цитирования: Яковенко А. С. Вопросы правового регулирования применения автономных роботизированных технологий в горной промышленности Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 45–51.

² For referense: Yakovenko A. S. Development of legal relations using autonomous robotic systems // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 45–51.

По статистике Национальной Ассоциации участников рынка робототехники (НАУРР) 56 компаний за 2022 год реализовали 655 проектов с интеграцией 764 промышленных и коллаборативных роботов на предприятиях России, ближнего и дальнего зарубежья. А по состоянию на май 2023 года «в работе» было уже 989 проектов — на 50% больше, чем за весь 2022 год.

По отраслям роботизированные системы применяют:

- 44,43% в металлообработке и сварке;
- На машиностроение приходится — 15,42%;
- В образовании, науке и исследованиях — 5,8%;
- Пищевая отрасль занимает 11,45%;
- 3,66% приходится на нефтегазовую отрасль;
- 19,24% в прочих категориях.

Горная промышленность пока не входит в ТОП по применению роботов¹, однако, на взгляд автора, роботизированные автономные технологии — ключевой фактор опережающего развития отрасли, особенно в районах Крайнего Севера, и отсутствие регулирования приводит к опасениям реальных потребителей применять технологии. Это тот редкий случай, когда правовая наука может стать необходимым элементом для начала развития технологической отрасли.

Вторая часть технологии, искусственный интеллект (ИИ), активно применяется в медицине, образовании, транспорте, финансах и разработке программного обеспечения. В рамках нашей работы нас интересует возможность ИИ создавать адаптивные системы движения транспорта, которые в перспективе могут водить автомобили более эффективно, чем водители, управлять горным оборудованием лучше человека-оператора.

Существующее нормативное регулирование. Закрепление дефиниций «автономный», «беспилотный», «робот», «искусственный интеллект»

Проблема легитимизации терминологии в сфере применения автономных технологий ранее уже поднималась российскими авторами². Стремительное развитие роботизации и искусственного интеллекта находят отражение в законодательстве и техническом регулировании. В частности, стан-

дарты 2019 года, с терминами и определениями «роботов», заменены на стандарты 2023 года.

С 2020 года был обновлен комплекс стандартов ГОСТ 60-й серии о роботах. В 2022 году появилась серия стандартов о применении искусственного интеллекта на транспорте.

В 2020 году вышел Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 08.12.2020 № 505 «Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности при ведении горных работ и переработке твердых полезных ископаемых», в котором отдельным пунктом оговаривается порядок ведения работ с применением беспилотных технологий — это еще один термин.

Исходя из этих документов, **робот** — программируемый исполнительный механизм, обладающий определенным уровнем автономности и предназначенный для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования. Следуя логическим законам — не каждый робот может быть автономным, и уровни автономности — это квалифицирующий признак.

Автономный режим работы — режим работы, при котором мобильный робот получает задание от оператора или внешней системы управления, с которой взаимодействует, и выполняет его без дальнейшего взаимодействия с оператором или внешней системой.

Мобильный робот — робот, способный передвигаться под своим собственным управлением.

Система искусственного интеллекта для управления движением высокоавтоматизированным транспортным средством (СИИАУД ВАТС) — часть (подсистема) автоматической системы управления движением высокоавтоматизированным транспортным средством, предназначенная для выработки решений на управление им без заранее заданного алгоритма на основе обработки входных данных, обучения в процессе функционирования и использования полученных знаний, и обеспечивающая выполнение в реальном времени задачи управления движением высокоавтоматизированного транспортного средства.

¹ Варнаевский А. Е., Дубинина В. В. Мировые тенденции и направления развития промышленных роботов // MIR (Modernization. Innovation. Research), 2020, Т. 11. № 3. С. 294–319.

² Лопатина Т. М., Ефремова М. А. Правовое регулирование робототехники в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С.278–283.

Высокоавтоматизированное транспортное средство — транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения, которая действует в пределах конкретной среды штатной эксплуатации применительно к некоторым или всем поездкам без необходимости вмешательства человека в качестве запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения.

Исходя из приведенных выше положений, в дальнейшем мы будем говорить об автономных транспортных средствах в горной промышленности как о высокоавтоматизированных транспортных средствах или мобильных колесных роботах, работающих в автономном режиме, то есть без взаимодействия с оператором для выполнения производственных задач.

Для работы в таком режиме подобные технические устройства должны использовать системы искусственного интеллекта и своими действиями могут создавать правовые последствия, что требует урегулирования на правовом уровне.

Здесь стоит упомянуть текущую важную особенность российского подхода к регулированию роботов и искусственного интеллекта — это регулирование через технические акты. Наиболее полные определения даны на уровне ГОСТ, ПНСТ, Приказов регулирующих и надзорных органов. Однако это не в полной мере позволяет решить проблемы применения и ответственности сторон при возникновении аварии.

Помимо указанных технических актов, с 2019 года в России ведется активная работа по разработке НПА, связанных с применением автономных технологий и систем искусственного интеллекта в различных отраслях.

Всего с 2019 года на федеральном уровне было выпущено более 320 нормативно-правовых актов по теме роботизации и искусственного интеллекта. Наиболее важные по мнению автора:

— 10 октября 2019 г. Указом Президента Российской Федерации № 490 была введена в действие Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года

— 17 января 2020 было выпущено Распоряжение Правительства Российской Федерации № 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по реализации Стратегии»

— Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ

— 27 ноября 2021 г. Распоряжением Правительства РФ № 3363-р утверждена Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года

Для работы в таком режиме подобные технические устройства должны использовать системы искусственного интеллекта и своими действиями могут создавать правовые последствия, что требует урегулирования на правовом уровне

— Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств»

— Изменения в действующие федеральные законы «Об информации» и «О персональных данных»

— 11 октября 2023 Постановлением Государственной думы ФС РФ «Об информации Министра экономического развития Российской Федерации М.Г. Решетникова о мерах по обеспечению социально-экономического развития в текущих условиях» было рекомендовано Правительству РФ внести в Государственную Думу проект федерального закона, предусматривающего упрощение доступа предпринимателей к участию в экспериментальном правовом режиме в сфере цифровых инноваций, а также унификацию механизмов страхования ответственности за причинение вреда в результате применения технологий искусственного интеллекта

— Идет обсуждение создания Цифрового кодекса Российской Федерации

Правовые проблемы эксплуатации автономных транспортных средств и существующие противоречия

Необходимо в общих чертах описать существующие проблемы, требующие правового регу-

лирования, и расширить ранее приведенные проблемные вопросы¹.

Исходя из определения СИИАУД ВАТС, такое транспортное средство управляется без заранее заданного алгоритма на основе обработки входных данных, обучения в процессе функционирования, использования полученных знаний и выполнения в реальном времени задач управления движением. В этом случае, при управлении

Важно подчеркнуть, что ключевое отличие автономного робота с искусственным интеллектом как инструмента решения экономических и бизнес-задач от обычного промышленного «неинтеллектуального» робота заключается в возможности первого совершить действия, не заложенные в него производителем

собой, транспортное средство может столкнуться с препятствием, в силу сложности климатических условий, и повредить имущество собственника или третьих лиц, или даже совершить наезд.

Важно подчеркнуть, что ключевое отличие автономного робота с искусственным интеллектом как инструмента решения экономических и бизнес-задач от обычного промышленного «неинтеллектуального» робота заключается в возможности первого совершить действия, не заложенные в него производителем. Равно как родители и педагоги только до определенного времени отвечают за действия детей, так и производители систем искусственного интеллекта могут отвечать за свои системы только до определенного момента развития ИИ.

Не решенной в технических актах и прямо не решенной в российском законодательстве является проблема ответственности стороны в таком случае или ответственного лица при совершении наезда² и гибели человека.

Важно отметить, что на текущий момент на уровне Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (введены Указом Прези-

дента РФ от 15.02.2024 N 124), были сформулированы основные принципы регулирования:

«Не допускается делегирование системам ИИ ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений.

Ответственность за все последствия работы систем ИИ всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством РФ».

Другой нерешенной проблемой является порядок проведения расследований, в которых два и более автономных транспортных средства столкнутся и навредят друг другу. В этом случае также является проблемой выявление ответственного лица.

Неочевидной, но в практике актуальной, является проблема страхования гражданской ответственности.

И для горной отрасли, и для других отраслей промышленности являются большой проблемой противоречия с действующими нормами промышленной безопасности при использовании беспилотных автономных технологий. На сегодняшний день эти нормы являются наибольшим препятствием в применении автономных технологий в горной отрасли.

Например, в Приказе Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 08.12.2020 № 505 Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности при ведении горных работ и переработке твердых полезных ископаемых» указано, что горная техника должна иметь бортовой журнал, который должен находиться у машиниста. Однако если машиниста нет — как быть? Можно применить аналогию, держать бортовой журнал у оператора автономной горной техники и ему вменить обязанности машиниста по осмотру техники, однако это прямо не предусмотрено, и в силу строгости норм промышленной безопасности ответственные лица могут отказать брать на себя ответственность и риски нарушения норм надзорных органов, когда

¹ Грунвальд А., Железняк В. Н., Середкина Е. В. Беспилотный автомобиль в свете социальной оценки техники // Технологос. 2019. №2. С. 41–51.

² Степанян А. З. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. С. 169–174.

нарушение или ненарушение зависит от толкования нормы специалистом надзорной инстанции.

Для решения этих вопросов ряд авторов предлагал определить новый правовой статус искусственного интеллекта и роботов. Высказывались мнения относительно ограниченной правосубъектности¹, специальной правоспособности, создания режима робот-агент², введение понятия «электронное лицо»³ и другие. Несмотря на высказанную выше позицию об ответственности за действия системы ИИ, этот вопрос не решен и не может быть решен путем простого возложения ответственности на создателя или эксплуатанта подобной системы. Одна из причин такой невозможности — сложность в интерпретации действий истинно интеллектуальной системы, согласно определению уровня автономности, которое приводилось выше. Кроме того, такой подход приведет к искусственному сдерживанию развития систем ИИ по причинам нежелания принимать ответственность за действия системы, которые сложно прогнозируются. Поэтому вопросы правосубъектности необходимо прояснить. Альтернативным сценарием будет признание систем с ИИ просто техническими системами и отказ от дополнительного регулирования, и, как следствие, невозможность всеобъемлющей конкуренции РФ в развитии подобных систем.

Отдельной проблемой является определение противоправности действий роботов. Робот в исключительных случаях сейчас может выйти за границы предписаний, однако он может за них выйти даже если его действия укладываются в границы предписаний, и могут возникнуть ситуации, когда действие окажется противоправным. Преступное бездействие, когда робот не помог человеку, одна из таких возможностей.

Разглашение конфиденциальных данных или использование конфиденциальных данных для выгоды третьего лица, кража (в том числе несознательная) чужого творчества, в частности для обучения самого искусственного интеллекта. Использование образа человека для наполнения системы обучения и последующего обучения си-

стемы распознавания и реагирования на препятствия также будет противоречить положениям ФЗ о персональных данных. Более того, уже сейчас не в полной мере можно контролировать, что и как сохраняет ИИ в своей нейросети, и в будущем эта проблема только усугубится.

Это накладывает на законодателя необходимость однозначного определения границ уровня зрелости технологии, а не простое определение уровня автономности.

Направления развития законодательства в сфере использования автономных и роботизированных технологий

По мнению автора, проблемы и препятствия, связанные с несовершенным на данный момент нормативным и техническим регулированием, окупаются преимуществами автономных технологий, однако применение этих технологий требует тщательного планирования и анализа.

Можно посоветовать:

— Разработать четкие правила и руководства для обеспечения безопасного и этичного использования беспилотных технологий. На данный момент эта работа активно ведется, как в области права и технологий, так и в области этики и науки.

— Инвестировать в передовые сенсорные технологии для повышения точности и надежности сбора данных. В частности, на государственном и корпоративном уровне выстраивать академическое и научное сотрудничество в сфере развития технологий восприятия окружения.

— Провести анализ и внести поправки в ряд нормативных актов в сфере промышленной безопасности. При этом не требуется на текущем этапе значимо перерабатывать все акты. Достаточно прямо исключить из-под их влияния производственные ситуации, в которых вместо человека стал применяться автономный механизм.

— На следующем этапе требуется разработка отдельного нормативного акта, регулирующего ответственность, порядок и условия применения автономных технологий⁴.

¹ Данилов И. Б. Основные подходы к правовому регулированию отношений с участием роботов // Юридические исследования. 2019. Т. 6. С. 7–15

² Лопатина Т. М., Ефремова М. А. Правовое регулирование робототехники в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С. 278–283.

³ Морхат П. М. Концепт «Электронного Лица» в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // Пермский Юридический Альманах. 2019. № 2. С. 273–282.

⁴ Бегишев И. Р. Проект Федерального Закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 379–390.

— На уровне технического регулирования необходимо разработать требования к системам безопасности, таким как системы предотвращения столкновений и резервные источники питания, резервные каналы связи и пр.

— Требуется разработка принципиально новых правил безопасного взаимодействия автономных роботов и человека. С одной стороны, автономный робот — объект повышенной опасности. Однако в системе «автономный робот — человек» наименее предсказуемым поведением обладает человек. И как следствие, по мнению автора, наибольшему регулированию необходимо подвергнуть именно поведение человека в среде работы автономных роботов, а не наоборот. Как предлагает автор в работе¹ «*деятельность по выработ-*

ке юридико-технических норм должна осуществляться при активном участии профессионального отраслевого сообщества, поскольку происходит регулирование отношений типа «человек — техническое средство».

— Решение проблем конфиденциальности путем введения строгих правил использования автономных технологий в целях наблюдения за окружающей средой. В частности видеокамеры, как часть системы робота, могут сканировать людей и получать данные об их внешности, настроении, биометрических параметрах и использовать в своих целях. Эта проблема связана также с последующим использованием собранных сведений и проблематизируется авторами в работах².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов П. П., Мамичев А. Я., Мордовцев А. Я. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // BALTIC HUMANITARIAN JOURNAL. 2019. Т.8, HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE DIGITAL AGE. № 29.
2. Бегишев И. Р. Проект Федерального Закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С.379–390.
3. Варнавский А. Е., Дубинина В. В. Мировые тенденции и направления развития промышленных роботов // MIR (Modernization. Innovation. Research), 2020. Т. 11. № 3. С. 294–319.
4. Воронин В. Н. Вопросы стратегического правового регулирования внедрения цифровых технологий на транспорте // Сибирское Юридическое Обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 128–137.
5. Грунвальд А., Железняк В. Н., Середкина Е. В. Беспилотный автомобиль в свете социальной оценки техники // Технологос. 2019. №2. С. 41–51.
6. Данилов И. Б. Основные подходы к правовому регулированию отношений с участием роботов // Юридические исследования. 2019. Т.6. С. 7–15.
7. Землин А. И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал Российского Права. 2022. Т.26. №12. С. 58–69.
8. Морхат П. М. Концепт «Электронного Лица» В Классификации Субъектного Составы Лиц В Гражданском Праве / П. М. Морхат // Пермский Юридический Альманах. 2019. № 2. С. 273–282.
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №2. С.79-101.
10. Лопатина Т. М., Ефремова М. А. Правовое регулирование робототехники в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 2(44). С.278–283.
11. Степанян А. З. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №4 (56). С. 169–174.

¹ Воронин В. Н. Вопросы стратегического правового регулирования внедрения цифровых технологий на транспорте // Сибирское Юридическое Обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 128–137.

² Баранов П. П., Мамичев А. Я., Мордовцев А. Я. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // BALTIC HUMANITARIAN JOURNAL, 2019, Т.8, HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE DIGITAL AGE, № 29.

Aher, G. Using Large Language Models to Simulate Multiple Humans and Replicate Human Subject Studies / G. Aher, R. I. Arriaga, A. T. Kalai arXiv:2208.10264 [cs]. — arXiv, 2023. — URL: <http://arxiv.org/abs/2208.10264> (дата обращения: 26.11.2023). — Текст: электронный.

Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples / L. P. Argyle, E. C. Busby, N. Fulda [и др.]. — Текст: электронный // Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers) / arXiv:2209.06899 [cs]. — 2022. — Out of One, Many. — С. 819-862. — URL: <http://arxiv.org/abs/2209.06899> (дата обращения: 26.11.2023).

12. Aher, G. Using Large Language Models to Simulate Multiple Humans and Replicate Human Subject Studies / G. Aher, R. I. Arriaga, A. T. Kalai arXiv:2208.10264 [cs]. — arXiv, 2023. — URL: <http://arxiv.org/abs/2208.10264> (дата обращения: 26.11.2023). — Текст: электронный.

13. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples / L. P. Argyle, E. C. Busby, N. Fulda [и др.]. — Текст: электронный // Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers) / arXiv:2209.06899 [cs]. 2022. С. 819–862. — URL: <http://arxiv.org/abs/2209.06899> (дата обращения: 26.11.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковенко Алексей Сергеевич

Вице-президент по цифровизации предприятий АО «РМК»
(Россия, Екатеринбург). E-mail: y@akovenko.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Alexey S. Yakovenko

Vice President for Enterprise Digitalization of the joint stock company «RMC» (Russia, Ekaterinburg). E-mail: y@akovenko.ru.

УДК 614:340; 342; 347; 349; 342.9; 34.03; 340.130.5; 340.14.

Медицинские изображения и компьютерное зрение: понятие, проблемы, правовые аспекты

И. В. Понкин¹

Аннотация: статья посвящена теме применения компьютерного зрения в медицине и сопряженных с этим правовых вопросов. Сегодня к числу наиболее распространенных причин дефектов оказания медицинской помощи относятся: недостаточность клинических данных, неадекватность диагностических тестов, дефектность чтения медицинских изображений. Решение проблем борьбы с пропусками и дефектами диагнозов, повышения точности диагностики и безопасности оказания медицинской помощи может быть найдено в сфере применения медицинского компьютерного зрения. В статье объяснено общее понятие компьютерного зрения. Автор дает объяснение понятия и сути медицинского компьютерного зрения. В статье изложены и объяснены основные функционалы и сферы применимости медицинского компьютерного зрения. Автор артикулирует существенные проблемы проектирования и реализации медицинского компьютерного зрения — более серьезные, чем при реализации компьютерного зрения в других сферах (например, автономного транспорта). Эти проблемы определяются визуальными анатомическими особенностями человеческих внутренних органов и тканей. С ростом интеграции искусственного интеллекта и машинного обучения в медицину (в том числе технологий компьютерного зрения) возникают все более обоснованные опасения, что неточности и сбои компьютерных алгоритмов могут привести к причинению вреда здоровью пациентов и, соответственно, к ответственности врачей. Совместная работа медицинских работников и модулей искусственного интеллекта с компьютерным зрением становится важнейшей характеристикой клинического ландшафта. Эта проблема рассматривается в статье. Автор показывает различные точки зрения на решение указанной проблемы. С другой стороны, технические модули компьютерного зрения, сопряженные с искусственным интеллектом, имеют большой потенциал по снижению рисков врачебных ошибок и иных дефектов оказания медицинской помощи в будущем.

Ключевые слова: медицинское изображение, медицинское компьютерное зрение, дефект оказания медицинской помощи, кибер-мета-вселенная, цифровая модель-двойник пациента, пациент, медицинское право.

Medical images and computer vision: concept, problems, legal aspects

Igor V. Ponkin²

Annotation: the article is devoted to the application of computer vision in medicine and related legal issues. Today, the most common causes of defects in medical care include: insufficient clinical data, inadequate diagnostic tests, defective reading of medical images. The solution to the problems of combating omissions and defects in diagnoses, increasing the accuracy of diagnosis and safety of medical care can be found in the sphere of application of medical computer vision. The paper explains the general concept of computer vision. The author gives an explanation of the concept and essence of medical computer vision. The article outlines and explains the main functionalities and areas of applicability of medical computer vision. The author articulates the essential problems of design and implementation of medical computer vision - more serious than in the implementation of computer vision in other fields (for example, autonomous transportation). These challenges are defined by the visual anatomical features of human internal organs and tissues. With the growing integration of artificial intelligence and machine learning into medicine (including computer vision technologies), there are more and more reasonable concerns that inaccuracies and failures of computer algorithms can lead to harm to the health of patients and, consequently, to the liability of doctors. Collaborative work between healthcare providers and computer vision artificial intelligence modules is becoming a critical feature of the clinical landscape. This problem is addressed in the article. The author shows different points of view to solve the mentioned problem. On the other hand, technical computer vision modules paired with artificial intelligence have a great potential to reduce the risks of medical errors and other defects of medical care in the future.

Keywords: medical image, medical computer vision, medical care defect, meta-universe, digital twin-model of patient, patient, medical law.

¹ Для цитирования: Понкин И. В. Медицинские изображения и компьютерное зрение: понятие, проблемы, правовые аспекты // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 52–58.

² For referense: Ponkin I. V. Medical images and computer vision: concept, problems, legal aspects // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 52–58.

Делать УЗИ много кто из врачей способен, а вот правильно читать и с должным качеством видеть результаты УЗИ — на это способны лишь единицы.

Неизвестный врач

Введение

По сообщениям СМИ, в ноябре 2023 года Росздравнадзор приостановил применение одной из медицинских систем с искусственным интеллектом — «в связи с угрозой причинения вреда жизни и здоровью граждан»¹. Недоработанность тех или иных систем (юнитов) искусственного интеллекта² в сфере медицины или вообще откровенно дефектные и даже мошеннические проекты в этой сфере не обесценивают уже работоспособных или перспективных моделей, не предопределяют необходимости и возможности отказа от искусственного интеллекта в названной сфере как ассистента-компаньона врача.

Сферы применения искусственного интеллекта в медицине (в этом качестве) быстро расширяются. И по большей части в таких приложениях многие функционалы замкнуты на технологии и модули компьютерного зрения — для медицинской визуализации, для работы с медицинскими изображениями, оперирования ими. Но все это порождает новые сложные медико-юридические и биоэтические вопросы.

Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Общее понятие компьютерного зрения

Компьютерное зрение — это, условно, не столько про «смотреть», сколько про «распознавать, разграничивать, идентифицировать».

Как указывают Андре Эстева, Кэтрин Чоу и др., компьютерное зрение имеет богатую историю, насчитывающую многие десятилетия³, в течение которых предпринимались усилия, чтобы дать компьютерам возможность осмысленно воспринимать визуальные стимулы. Машинное восприятие охватывает целый ряд уровней, от низкоуровневых задач (таких, как определение краев)

до высокоуровневых задач (таких, как понимание целостных сцен). Успехи последнего десятилетия во многом обусловлены тремя факторами: 1) развитием глубинного обучения — типа машинного

Сферы применения искусственного интеллекта в медицине (в этом качестве) быстро расширяются

обучения, позволяющего осуществлять сквозное обучение в рамках очень сложных функций на основе исходных данных; 2) увеличением локализованных вычислительных мощностей и развитием технологий графических процессоров и 3) открытием доступа к большим наборам данных с метками для обучения этих алгоритмов. Сочетание этих трех элементов позволило получить доступ к ресурсам, необходимым для развития данной области⁴.

Согласно нашему с коллегами определению, **компьютерное зрение** — осуществление (как способность, функционал и процесс) компьютерно-программными моделями оперирования цифровыми статическими или динамическими (видео) изображениями и/или их последовательностями посредством их автоматического выявления (обнаружения), распознавания и идентификации (рекогнитивной обработки посредством вероятностных методов или геометрической информации, в т. ч. сопоставления с искусственно созданными / заложенными трехмерными и двухмерными объектами), отслеживания (трекинга), сопоставления (сравнения, аналогизации) и упорядочения, интеграции (соединения) или разграничения (вычленения, сегментации) таких изображений

¹ Патологически беспомощный интеллект. Росздравнадзор приостановил применение медицинской системы с ИИ // Коммерсантъ. 21.11.2023.

² См.: Морхат П. М. Право и искусственный интеллект / Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М.: Юнити-Дана, 2018. 544 с.

³ Szeliski R. Computer Vision: Algorithms and Applications [Компьютерное зрение: Алгоритмы и приложения]. New York: Springer, 2011. 833 p.

⁴ Esteva A., Chou K., Yeung S. et al. Deep learning-enabled medical computer vision [Медицинское компьютерное зрение на основе глубокого обучения] // Digital Medicine. 2021. Vol. 4. Article 5. P. 1.

и / или их частей (деталей изображений), воспроизведения и дотраивания (в том числе восстанавливающего или моделирующего) изображений — в целях извлечения из них структурированных символических данных (включая буквы, цифры, иные символы), образов или моделей, доступных, в свою очередь, для высокоуровневых когнитивных компьютерно-программных восприятия и обработки¹.

Понятие и функционалы компьютерного зрения в сфере медицины («медицинского компьютерного зрения»)

Медицинское компьютерное зрение оперирует медицинскими изображениями, которые составляют наиболее важную часть обеспечения работы практикующего врача.

Для медицинского вмешательства с использованием камер, будь то управление роботом, автономное сканирование или использование сканирования для направления хирурга, чрезвычайно важно знать, где находится ткань и как она движется. То же самое относится и к диагностике: при колоноскопии и бронхоскопии важно локализовать (найти положение) камеры, чтобы обеспечить точный осмотр тканей и направлять биопсию. Это важно для облегчения процесса для клиницистов, а также для улучшения результатов для пациентов (например, для колоноскопии — более раннее выявление рака; для минимально инвазивной хирургии — лучшие границы при резекции опухоли)².

Медицинское изображение (Medical Imaging) (иначе — диагностическое изображение (Diagnostic Imaging)) — это структурно-функциональный образ органов человека, предназначенный для диагностики заболеваний и изучения анатомо-физиологической картины организма³.

Медицинское компьютерное зрение — это функционал (и соответствующие возможности, способности) по отслеживанию и обнаружению, определению и классификации (маркировке), локализации и картографированию, динамическому визуальному сопровождению искомым (заданным) или свободным в поиске и идентификации объектов, состояний и изменений, значимых для меди-

цинских целей, определяя тип объекта на изображении, местоположения присутствующих объектов на изображении, а также одновременно типа и местоположения, тем самым, принимая данные и создавая постоянное базовое представление, которое используется для других компьютерно-программных приложений.

Исходные источники изображений для компьютерного зрения в медицине:

- медицинские изображения, поступающие от оптических приборов визуального спектра (эндоскопов, бронхоскопов, цистоскопов и др.) и инфракрасного спектра;
- медицинские изображения, формируемые техническими системами ультразвукового обследования, магнитно-резонансной томографии, а также компьютерной томографии, прочих рентгеновских обследований;
- загружаемые медицинские фото- и видеоизображения;
- медицинские изображения, создаваемые ресурсами генеративного искусственного интеллекта в рамках цифрового моделирования.

У компьютерного зрения множество применений в сфере медицины, которые можно сгруппировать (классифицировать) следующим образом по основанию функционально-целевого назначения (перечень не является исчерпывающим):

1) применение в сферах клинических исследований, диагностики и мониторинга проблем со здоровьем (с последующей машинной расшифровкой результатов для человека или же под реализацию целевого функционала прибора медицинской техники):

- 1.1) мониторинг и выявление патологий и заболеваний (в т. ч. у клинически бессимптомных либо имеющих минимальные клинические проявления пациентов), либо, напротив, подтверждение здорового состояния органов;
- 1.2) диагностика патологий и заболеваний;
- 1.3) сегментация патологий от органов к клеткам;
- 1.4) прогнозирование будущих результатов предписанного оперативного медицинского вмешательства и иных видов терапии;

¹ Понкин И. В., Куртияновский В. П., Морева С. Л., Лантвева А. И. Компьютерное зрение: концепт, функционально-целевое назначение, структура, регуляторика // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Vol. 12. № 5. С. 62.

² Schmidt A., Mohareri O., DiMaio S. et al. Tracking and mapping in medical computer vision: A review [Отслеживание и картирование в медицинском компьютерном зрении: Обзор] // Medical Image Analysis. 2024, May. Vol. 94. Article 103131. P. 1.

³ Корюлюк И. П. Медицинская информатика: Уч. 2 изд., перераб. и доп. Самара: Офорт; СамГМУ, 2012. С. 184.

1.5) предоставление визуальных рекомендаций с помощью предоперационного сканирования;

1.6) сортировка медицинских изображений пациентов;

2) применение в оперативных медицинских вмешательствах (помощь человеку-врачу — использование сканирования для направления хирурга; автономное сканирование и распознавание для управления медицинским роботом):

2.1) проведение биопсии;

2.2) проведение минимально инвазивных вмешательств и иных хирургических вмешательств — автоматизация движения медицинского прибора и/или инструмента (например, в главной хирургии или нейрохирургии);

2.3) остановка кровотечения.

2.4) динамически корректируемое прогнозирование будущих результатов производимого в текущем времени оперативного медицинского вмешательства и / или иных видов терапии;

3) оперирование изображениями в создаваемой¹ и поддерживаемой медицинской метавселенной¹, в цифровых моделях-двойниках², в иных системах моделирования медицинских объектов и процессов.

Сложности в реализации медицинского компьютерного зрения

Следует сказать, что, в отличие от компьютерного зрения в сфере автономного транспорта, в сфере медицины решение задачи релевантного компьютерного зрения — на порядок сложнее.

Отслеживание и картографирование в медицинском компьютерном зрении сопряжено с весьма существенными проблемами.

Например, многие внутренние органы человека (такие, как толстая кишка) могут иметь очень низкую текстурную выраженность, что затрудняет сопоставление точек между изображениями. Даже если она текстурирована, жидкость на поверхности ее тканей отражает свет. Для эндоскопов с совмещенным световым прибором это создает отражения в случаях, когда ткань становится перпендикулярна объективу видеокамеры.

Это приводит к появлению насыщенных яркостных пятен на изображениях, которые затем необходимо маскировать. Органы деформируются, и их деформация может происходить, когда они находятся вне поля зрения, что затрудняет создание карты изображения. Изменяющаяся окружающая среда требует априорных оценок для оценки того, что происходит за пределами кадра, но моделирование под эти априорные оценки оказывается очень сложным. Кровь и жидкости при эндоскопии могут размывать фокусировку изображения или испачкать объектив видеокамеры и исказить видеоданные. Дым, образующийся во время электрокоагуляции, изменяет задачу оценки глубины с той, в которой есть свободный путь для световых лучей, на ту, в которой объем дыма должен быть удален. Решение этих трудностей важно для создания успешных алгоритмов отслеживания и картографирования, а также может помочь улучшить результаты лечения пациентов, упростить клинические задачи и снизить стоимость лечения³.

Регулирование медицинского компьютерного зрения

Исследование законодательства Российской Федерации и других ведущих технологических держав показывает следующее: притом что целенаправленного регулирования компьютерного зрения не существует ныне в каком-либо государстве.

Вместе с тем в любом развитом крупном государстве действует множество нормативных правовых актов, регулирующих разработку, патентование, тестирование, применение тех или иных цифровых технологий, которые активно используют технологические решения и системы компьютерного зрения — системы видеонаблюдения и распознавания лиц, дроны различного назначения, медицинское применение для распознавания исследуемых медицинских изображений и мн. др. Впрочем, производные вопросы (как раз в обсуждаемой сфере медицины) подпадают под более широкое регулирование.

¹ См.: Понкин И. В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. № 1. С. 118–127. Понкин И. В. Кибер-мета-вселенные в сфере здравоохранения: Понятие и правовой взгляд // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 2. С. 14–20.

² См.: Понкин И. В. Цифровые модели-двойники пациентов: понятие и правовые аспекты // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 2. С. 10–14.

³ Schmidt A., Mohareri O., DiMaio S. et al. Tracking and mapping in medical computer vision: A review [Отслеживание и картирование в медицинском компьютерном зрении: Обзор] // Medical Image Analysis. 2024, May. Vol. 94. Article 103131. P. 1–2.

Правовые проблемы в области применения медицинского компьютерного зрения

Все более активное внедрение и задействование в медицине приложений искусственного интеллекта, связанных с использованием компьютерного зрения для работы с изображениями, начинает создавать существенные детерминанции для изменения правового регулирования в сфере здравоохранения, прежде всего, в части

Существующие перспективные приложения искусственного интеллекта в медицине, связанные с использованием компьютерного зрения, включают в себя сложные программные модели, работа которых порой непрозрачна даже для их разработчиков

обеспечения безопасности оказания медицинской помощи и в части ответственности за ненадлежащее ее оказание, за дефекты медицинской помощи.

Большинство новых медицинских приборов призваны в той или иной мере дополнить врача, в то время как эти приложения машинного зрения призваны имитировать, а в некоторых случаях и полностью взять на себя конкретные задачи врачей-специалистов и узких специалистов. В связи с этим возникают этические, финансовые и нормативные вопросы, которые влекут за собой серьезные юридические проблемы. Внедрение в клиническую практику медицинских организаций устройств, использующих алгоритмы компьютерного зрения для оперирования медицинскими изображениями, поставило вопрос о юридической ответственности в случае сбоев в оказании медицинской помощи. Сложность технологий медицинского компьютерного зрения часто сопровождается сложностью аналитического разбора ответственности, поэтому вопросы дефектной медицинской практики, связанные с медицинским искусственным интеллектом, сами по себе,

являются настолько сложными. Существующие перспективные приложения искусственного интеллекта в медицине, связанные с использованием компьютерного зрения, включают в себя сложные программные модели, работа которых порой непрозрачна даже для их разработчиков. В связи с этим у врачей возникают сомнения, можно ли доверять машине, которую они не до конца понимают, или полагаться на ее решения. Это также может вызвать опасения по поводу возможности предъявления претензий за недобросовестную работу¹. Нести-то ответственность придется потом в случае чего — врачу.

Однако, как указывают Зак Харнед, Мэтью Лунгрен и Пранав Раджпуркар, чем больше эти устройства с искусственным интеллектом будут вести себя как врачи — точно и толково, тем больше вероятность того, что использование таких технологий будет рассматриваться как соответствующее типичной медицинской практике, что поможет свести к минимуму риск ответственности для врачей. Производители юнитов (модулей) искусственного интеллекта с компьютерным зрением также будут стремиться минимизировать свою ответственность за медицинские устройства компьютерного зрения, возможно, используя освобождение от ответственности за программное обеспечение в рамках ответственности за качество продукции, или (более вероятно) заставляя врачей принимать активное участие в использовании этих систем машинного зрения, чтобы предоставить производителям возможность использовать в случае чего линию защиты «обученный посредник». Необходимо тщательно продумать, как правовая система должна относиться к компьютерному зрению и медицинскому искусственному интеллекту в более широком смысле, чтобы обеспечить правильное согласование стимулов и ответственность там, где она должна быть².

Должна быть разработана новая модель ответственности, которая учитывала бы технический прогресс в медицине и подсказывала бы заинтересованным сторонам, как лучше реагировать на небезопасные инновации; правовая система должна сбалансировать ответственность, чтобы способ-

¹ *Harned Z.,Lungren M. P.,Rajpurkar P. Machine Vision, Medical AI, and Malpractice [Машинное зрение, медицинский искусственный интеллект и дефект медицинской помощи] // Harvard Journal of Law & Technology. 2019. № 3. P. 10, 2.*

² *Harned Z.,Lungren M. P.,Rajpurkar P. Machine Vision, Medical AI, and Malpractice [Машинное зрение, медицинский искусственный интеллект и дефект медицинской помощи] // Harvard Journal of Law & Technology. 2019. № 3. P. 10.*

ствовать инновациям, безопасности и ускоренному внедрению этих мощных алгоритмов¹.

С другой стороны, внедрение релевантных технологий медицинского компьютерного зрения позволит лучше расследовать случаи медицинской халатности и, напротив, обеспечить защиту невиновного врача в случае врачебной ошибки.

На сегодня всего лишь только 3–5% всех диагностических медицинских изображений проходят повторное чтение в процессе контролирующей медицинской проверки (второго врачебного мнения)². И компьютерное зрение, соединенное с мощностями искусственного интеллекта) в состоянии поднять этот гигантский груз рутинной работы.

Заключение

Исследования в области медицинского компьютерного зрения развиваются весьма быстрыми темпами, учитывая концепции и прогресс, которые эта сфера разделяет с несколькими пересекающимися областями (отслеживание человека, симулирующая локализация и картирование для

робототехники и беспилотных автомобилей, мозаичные технологии, создание панорам, нейронный рендеринг и отслеживание точек³.

По данным Verified Market Research, рынок медицинской визуализации постоянно растет и достигнет в объеме более 144 миллиардов долларов США к 2028 году⁴.

Как следствие, все более интенсивно внедряются такие технологии в практику деятельности врачей и медицинских организаций, что, в свою очередь, уже влечет всплеск правовых проблем в случаях дефектов оказания медицинской помощи в связи с использованием таких технологий. (См., например, Приказ об удовлетворении ходатайства о вынесении упрощенного судебного решения Округного суда США Восточного округа Калифорнии по делу «Джеральдин Дарден против Скотта Дрисколла» от 16.12.2016⁵).

Законодательная база медицинского права явно не поспевает за развитием и применением технологий медицинского компьютерного зрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Королюк И. П. Медицинская информатика: Уч. 2 изд., перераб. и доп. Самара: Офорт; СамГМУ, 2012. 244 с.
2. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект / Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М.: Юнити-Дана, 2018. 544 с.
3. Патологически беспомощный интеллект. Росздравнадзор приостановил применение медицинской системы с ИИ // Коммерсантъ. 21.11.2023.
4. Понкин И. В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. № 1. С. 118–127.
5. Понкин И. В. Кибер-мета-вселенные в сфере здравоохранения: Понятие и правовой взгляд // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 2. С. 14–20.
6. Понкин И. В. Цифровые модели-двойники пациентов: понятие и правовые аспекты // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 2. С. 10–14.
7. Понкин И. В., Куприяновский В. П., Морева С. Л., Лаптева А. И. Компьютерное зрение: концепт, функционально-целевое назначение, структура, регуляторика // International Journal of Open Information Technologies. 2024. Vol. 12. № 5. С. 57–66.

¹ *Maliha G. Gerke S., Cohen G., Parikh R. B. Artificial Intelligence and Liability in Medicine: Balancing Safety and Innovation [Искусственный интеллект и ответственность в медицине: баланс безопасности и инноваций] // The Milbank Quarterly. 2021, Sep. Vol. 99. № 3. P. 629.*

² *How AI Is Solving Medical Errors [Как искусственный интеллект решает проблему медицинских ошибок] // URL: <https://ferrumhealth.com/ai-solving-medical-errors/>. (Дата обращения: 23.04.2024).*

³ *Schmid A., Mohareeri O., Di Maio S. et al. Tracking and mapping in medical computer vision: A review [Отслеживание и картирование в медицинском компьютерном зрении: Обзор] // Medical Image Analysis. 2024, May. Vol. 94. Article 103131. P. 2.*

⁴ *Broshkov D. Medical image analysis: how computer vision helps diagnosticians [Анализ медицинских изображений: как компьютерное зрение помогает диагностам] // URL: <https://zenbit.tech/blog/medical-image-analysis-how-computer-vision-helps-diagnosticians/>. (Дата обращения: 23.04.2024).*

⁵ *Order granting motion for summary Judgment by defendant Scott H. Driscoll (ECF № 84) / «Geraldine Darden, Plaintiff, v. Scott H. Driscoll, Defendant» / United States District Court of Eastern District of California, Dec 16, 2016 // URL: <https://www.casemine.com/>. (Дата обращения: 23.04.2024).*

8. Broshkov D. Medical image analysis: how computer vision helps diagnosticians [Анализ медицинских изображений: как компьютерное зрение помогает диагностам] // URL: <https://zenbit.tech/blog/medical-image-analysis-how-computer-vision-helps-diagnosticians/>. (Дата обращения: 23.04.2024).
9. Esteva A., Chou K., Yeung S. et al. Deep learning enabled medical computer vision [Медицинское компьютерное зрение на основе глубокого обучения] // Digital Medicine. 2021. Vol. 4. Article 5. 9 p.
10. Harned Z., Lungren M. P., Rajpurkar P. Machine Vision, Medical AI, and Malpractice [Машинное зрение, медицинский искусственный интеллект и дефект медицинской помощи] // Harvard Journal of Law & Technology. 2019. № 3. P. 2–10.
11. How AI Is Solving Medical Errors [Как искусственный интеллект решает проблему медицинских ошибок] // URL: <https://ferrumhealth.com/ai-solving-medical-errors/>. (Дата обращения: 23.04.2024).
12. Maliha G. Gerke S., Cohen G., Parikh R. B. Artificial Intelligence and Liability in Medicine: Balancing Safety and Innovation [Искусственный интеллект и ответственность в медицине: баланс безопасности и инноваций] // The Milbank Quarterly. 2021, Sep. Vol. 99. № 3. P. 629–647.
13. Schmidt A., Mohareri O., DiMaio S. et al. Tracking and mapping in medical computer vision: A review [Отслеживание и картирование в медицинском компьютерном зрении: Обзор] // Medical Image Analysis. 2024, May. Vol. 94. Article 103131.
14. Szeliski R. Computer Vision: Algorithms and Applications [Компьютерное зрение: Алгоритмы и приложения]. New York: Springer, 2011. 833 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Понкин Игорь Владиславович

доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, Москва), профессор. E-mail: ponkin-iv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-4438-6649, WoS ResearcherID is: D-3414-2016.

AUTHOR'S DETAILS

Igor V. Ponkin

Doctor of science (Law), professor of the Department of the state and municipal administration of the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (IPACS, RANEPa) (Moscow, Russia), State Professor. E-mail: ponkin-iv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-4438-6649, WoS ResearcherID is: D-3414-2016.

УДК: 341.22

Проблема нераспространения оружия массового поражения (в особенности ядерного) в современном мире

А. А. Лазутин¹

Аннотация: современная международная обстановка характеризуется резким обострением противоречий между государствами, находящимися на грани развязывания мировой войны. При этом все отчетливее высказываются о применении ядерного оружия и оружия массового поражения. Несмотря на принятый на универсальном уровне договор о нераспространении ядерного оружия, ряд государств и в первую очередь США проводят политику «коммерсализации» ядерных технологий, тем самым нарушая взятые на себя обязательства. В настоящее время наблюдается трансформация стратегии нераспространения ядерного оружия из оборонительной в стратегию «контрраспространения», которая ориентирует на активное противодействие распространения всем средствам и методам, направленным на распространение любых технологий, связанных с противодействием распространению расщепляющихся материалов ядерного топливного цикла. При этом нормой считается применение силы при помощи превентивных действий по потенциальному противнику. Позиции транснациональных корпораций, связанных с атомной проблематикой, направлены на получение бизнеса, а не предотвращение распространения ядерного оружия, что представляет на современном этапе международную безопасность.

Ключевые слова: оружие массового поражения, ядерное оружие, расщепляющие ядерные материалы, нераспространение, контрраспространение, МАГАТЭ, международный контроль, ответственность.

The non-proliferation of the weapon of mass destruction (specifically the nuclear one) in the modern world

Lev A. Lazutin²

Abstract: the current international situation is characterized by a sharp aggravation of contradictions between States on the verge of unleashing a world war. At the same time, they are increasingly speaking out about the use of nuclear weapons and weapons of mass destruction. Despite the universally accepted treaty on the non-proliferation of nuclear weapons, a number of States, and, first of all, the United States, are pursuing a policy of “commercialization” of nuclear technologies, thereby violating their obligations. Currently, there is a transformation of the nuclear nonproliferation strategy from a defensive one into a “counter-proliferation” strategy, which focuses on actively countering proliferation by all means and methods aimed at spreading any technologies related to countering the proliferation of fissile materials of the nuclear fuel cycle. At the same time, the use of force through preventive actions against a potential enemy is considered the norm. The positions of multinational corporations related to nuclear issues are aimed at getting business, rather than preventing the proliferation of nuclear weapons, which represents international security at the present stage.

Keyword: Weapon of mass destruction; nuclear weapon; fissile nuclear material; non-proliferation; counter-proliferation; IAEA; international control; responsibility

На современном этапе межгосударственных отношений, когда резко обострились проблемы противостояния коллективного Запада во главе с США против Российской Федерации в связи с событиями на Украине, вопрос о нераспространении оружия массового уничтожения, особен-

но ядерного, приобретает особую актуальность. На сегодняшний день остается много аспектов, требующих упорядочивания нового эмпирического знания, полученного в последние десятилетия о неприменении сил «превентивного» применения ядерного оружия³.

¹ Для цитирования: Лазутин Л. А. Проблема нераспространения оружия массового поражения (в особенности ядерного) в современном мире // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 59–66.

² For referense: Lazutin L. A. The non-proliferation of the weapon of mass destruction (specifically the nuclear one) in the modern world // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 59-66.

³ См.: Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-пресс, 2003; Ядерное сдерживание и нераспространение / Под.ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М: Московский центр Карнеги, 2005. Стр. 56–63.

Важно отметить, что, в понимании западных экспертов, термин «нераспространение ядерного оружия» тождественен «nuclear non-proliferation», поскольку он включает в себя контроль над оборотом не только ядерных боезарядов и их носителей, но и расщепляющихся материалов и ядерных технологий. Речь идет о комплексе мер, предусмотренных в целях нераспространения ядерного

Применение силы становится не последним резервным средством, а рядовым инструментом воздействия на потенциальных (или формально потенциальных) государств-нарушителей

оружия и соответствующих комплектности самого ядерного топливного цикла. Вот почему в западной терминологии словосочетание «нераспространение ядерного оружия» (non-proliferation) связывалось с понятием стратегии нераспространения (non-proliferation strategy), цель которой заключалась в укреплении международно-правовых режимов ядерных держав и в том, чтобы не дать возможность государствам, стремящимся к обладанию технологиями по производству ядерного оружия, это сделать¹. Более того, она отвечала духу универсального договора «О нераспространении ядерного оружия» (1968 г.), одобренного XXII сессией Генеральной Ассамблеи ООН. В нем четко разграничиваются обязательства государств, обладающих ядерным оружием, и обязательства государств, не обладающих им. Государство, обладающее ядерным оружием и участвующее в данном Договоре, «обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно». Государства, не обладающие ядерным оружием, обязуются не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрыв-

ные устройства, а также не принимать какой-либо помощи в производстве такого оружия (ст. I, II Договора)². В случае нарушения государствами взятых на себя обязательств, Договор предусматривал санкции. Но для запуска механизма подобных репрессалий требовалось наличие убедительной базы свидетельств о нарушениях режима нераспространения, а сами санкции фактически ограничивались рамками политико-экономического и морально-политического давления. В целом, оценивая стратегию «нераспространения ядерного оружия» в конце XX – начале XXI века, можно отметить, что она носила больше оборонительный характер. В последнее десятилетие мы наблюдаем некоторую трансформацию, и, как отмечают Ю. В. Боровский и А. В. Фоненко, на смену политике нераспространения приходит стратегия контрраспространения (counter-proliferation strategy)³. Эта политика ориентирует на активное противодействие утечки всем средствам и методам, направленным на распространение любых технологий, связанных с противодействием распространению расщепляющихся материалов ядерного топливного цикла. При этом нормой считается применение силы при помощи превентивных действий в виде упреждающих ударов по предполагаемому государству-нарушителю. Применение силы становится не последним резервным средством, а рядовым инструментом воздействия на потенциальных (или формально потенциальных) государств-нарушителей.

Как отмечает Ю. В. Боровский: «Противодействие распространению больше не рассматривается как набор правовых норм, полугласных правил, дипломатических инициатив и технологических ограничений, на зыбкой основе которых держался режим нераспространения ядерного оружия. В нем начинают видеть силовые действия — разоружение потенциально опасных субъектов или борьбу с транснациональными криминально-террористическими сетями. Применение силы начинает рассматриваться как приемлемый инструмент разоружения нарушителей режимов

¹ См.: Levite A. E. Never Say, Never Again: Nuclear Reversal. Revisited // International Security. 2002-2003. Winter. Vol. 27. №3. P. 59–88.

² Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

³ Боровский Ю. В. Стратегия нераспространения и международный бизнес // Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатурова. — М. Аспект Пресс., 2009, с. 293; Фоненко А. В. Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. с. 47.

нераспространения ядерного оружия и всего оружия массового поражения (ОМП)»¹. Но в связи с этим возникает вопрос: а в интересах кого применяется данная доктрина? На первый взгляд, как бы очевидным является ответ — в интересах международного сообщества. Но это только на первый взгляд, а в основном цель данной доктрины заключается в предоставлении оснований для агрессивных действий США и их союзников. Важно в однополярном мире не допустить конкурентов в ядерном превосходстве и контролировать процессы, происходящие в мире. Позиция отдельных государств (Северная Корея, Индия, Иран и др.) очевидна: защитить свой суверенитет любыми средствами, в том числе наличием ядерного оружия.

На сегодняшний день нет единого подхода к стратегии контрраспределения ни в зарубежной, ни в отечественной науке международного права и политологии. Некоторые рассматривают контрраспределение как военно-силовую составляющую традиционной стратегии нераспространения. Об этом свидетельствуют документы Центра Военно-воздушных сил США по изучению проблем контрраспределения (Air Force Counterproliferation Center) и Национального университета обороны (National Defense University)². В рамках данного подхода контрраспространение выступает как комплекс превентивных мер для предотвращения угрозы распространения (ОМП). Есть более широкое понимание стратегии нераспространения, а именно как новый элемент системы сдерживания в целом, смысл которого заключается не просто в модернизации и расширении инструментария дипломатии, а прежде всего выделении нового, силового направления в политике ядерного сдерживания³. По сути дела, речь идет о принудительной денуклеаризации, которая предусматривает нанесение незамедлительного удара по опорным пунктам или ядерным центрам государства, которое допустило утечку технологии или расщепляющихся ядерных материалов в руки террористиче-

ских формирований или неблагополучных стран. Доктрина упреждающей войны (ударов для нейтрализации прямой, реально надвигающейся конкретной опасности) сменяется концепцией войны превентивной, которая предполагает устранение потенциальной или гипотетической угрозы.

В современных условиях важную роль в понимании системы сдерживания играет политико-

На сегодняшний день нет единого подхода к стратегии контрраспределения ни в зарубежной, ни в отечественной науке международного права и политологии

психологический фактор, который разрушает сложившееся с 1960-х годов представление о ядерной катастрофе, основанной на страхе общего уничтожения, и навязывает убежденность в возможности ограниченной войны с потенциально-ядерным измерением как о «нормальном» элементе межгосударственного взаимодействия⁴.

Таким образом, мы видим, что американские аналитики рассматривают контрраспределение как систему открыто принудительных мер по разоружению недружественных с США субъектов и/или пресечению попыток приобретения ими ОМП. Эта система строилась не на пустом месте, а была подкреплена соответствующими документами. Так, в сентябре 2002 года была принята «Стратегия национальной безопасности США», а в декабре 2002 года «Национальная стратегия борьбы с распространением ОМП». А в результате принятия новой «Национальной стратегии борьбы с распространением ОМП (февраль 2006 г.)» несколько поменялся смысл термина «контрраспространения». Если до принятия данного документа акцент делался на возможность нанесения «разрушающих» ударов по Ирану и КНДР, то теперь акцент сместился на противодействие транснациональным криминальным сетям и усилению кон-

¹ Там же. С. 294.

² См.: The Origin of U.S. Counterproliferation Policy. Air Force Counterproliferation Center. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.au.af.mil>; Ellist. D. The Best Defense: Counterproliferation and U.S. National Security // The Washington Quarterly. 2003. Vol. 26. №2. P. 115–133.

³ См.: *Perkovich G., Methews J.T., Cirincione J., Goetemoeller R., Wolfstall J. B.* Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security / Carnegie Endowment for International Peace. 2005. March. P. 71–78.

⁴ См.: Schlesinger A. M. War and the American Presidency. New York: London: W.W. Norton S. Company, 2004. P. 21–29.

троля за оборотом расщепляющихся материалов¹. В результате которого предусматривались:

а) «выкуп» ядерной программы у потенциально опасного государства;

б) установление контроля над ядерными объектами «проблемных» (с точки зрения США) стран;

в) принудительное разоружение посредством комбинации дипломатического давления и применения силы;

г) воздействие на крупнейшие уранодобывающие компании и страны-поставщики уранового сырья;

д) частичное признание ядерного статуса нарушителя в обмен на соблюдение им некоторых соглашений в пользу США.

Таким образом, стало очевидным, что основной замысел новой стратегии «контраспространения» был направлен на закрепление такой политики, которая лишает любые страны возможности приобщения к «ядерным державам» любыми средствами, включая и применение военной силы.

Российская Федерация придерживается принципиально другой стратегии в области нераспространения ядерного оружия и государственной политики в области ядерного сдерживания.

Как государство-участник Договора «О нераспространении ядерного оружия» (1968 г.) Россия строго придерживается взятых на себя обязательств без каких-либо оговорок в порядке их применения.

Что касается государственной политики России в области ядерного сдерживания, она изложена в «Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», утвержденной Указом Президента РФ от 2 июня 2010 г. № 355. В этом документе говорится: «Настоящие Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения обороны и отражают официальные взгляды на сущность ядерного сдерживания, определяют военные опасности и угрозы, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, принципы ядерного сдерживания, а также условия перехода Российской Федерации к применению ядерного оружия»².

Следует подчеркнуть, что государственная политика России в области ядерного сдерживания носит оборонительный характер и представляет собой совокупность скоординированных, объединенных общим замыслом политических, военных, военно-технических, дипломатических, экономических, информационных и иных мер, осуществляемых с опорой на силы и средства ядерного сдерживания, по предотвращению агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников. В этом принципиальное отличие политики России от политики США, о которой говорилось выше. Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой, и предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные (п.5.). Следует особо отметить, что в государственной политике Российской Федерации по ядерному сдерживанию нет положений принудительных мер по разоружению любых (дружественных или недружественных) стран и по пресечению попыток ими приобретения ОМП. Мы считаем внутренним делом государства быть или не быть участниками того или иного договора, в том числе и «О нераспространении ядерного оружия», но при условии, если это государство не угрожает Российской Федерации.

Стремление развивающихся государств добиться военного паритета особо остро ощущалось в конце XX – начале XXI веков. Учитывая особую значимость ядерного оружия как фактора сдерживания, ряд государств (Алжир, Бразилия, Аргентина, ЮАР, Израиль, Иран, КНДР и др.) стремились получить технологию производства ядерного оружия для, так называемой, самообороны. Именно в этот период администрация У. Клинтона выдвинула идею «выкупа» военных ядерных программ у «опасных» государств. Первым объектом такой политики стал Алжир. Он в то время не являлся участником Договора нераспространения ядерного оружия и его атомные объекты не находились под контролем МАГАТЭ. В таких условиях Вашингтон с мая

¹ См.: President Announces New Measures to Counter the Threat of NMO [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov>.

² См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2020 г. №355. СПС Консультант Плюс.

1991 года добивался от Алжира присоединения к международным договорам в сфере нераспространения ядерного оружия. В 1995 году Алжир в обмен на финансовую поддержку и беспрепятственное развитие мирной атомной энергетики, присоединился к ДНЯО и Договору о создании безъядерной зоны в Африке, а 30 марта 1996 года заключил соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Несколько раньше в Румынии, после свержения режима Николае Чаушеску в 1989 году, появилось сообщение о том, что Румыния осуществляет военную ядерную программу. 17 июня 1992 года страны ЕС призвали Бухарест поставить все ядерные объекты под гарантии МАГАТЭ и уничтожить соответствующее оборудование для производства ядерного оружия на атомных объектах. На реализацию этой деятельности МАГАТЭ выделило финансовую помощь в размере 1,5 миллионов долларов. К апрелю 1994 года правительство Иона Илиеску выполнило все требования, что подтвердила специальная инспекция МАГАТЭ.

Наряду с «выкупом» ядерных программ у государств, США не отказывалось от принудительного разоружения «авторитарных режимов». Наглядным подтверждением являются события в Ливии (2003–2004 гг.) и особенно в Ираке (2002–2006 гг.). Правительство Ливии в тот период испытывало двойное чувство: с одной стороны, боязнь, что США нападут на Ливию, по примеру нападения на Ирак весной 2003 года под предлогом борьбы с распространением ОМП¹, а с другой — давление Евросоюза «интегрировать» Ливию в свои торгово-экономические связи, что было выгодно стране. Это сыграло свою роль, и Триполи заявил о готовности ликвидировать под контролем МАГАТЭ программы создания ОМП². Страны ЕС и США отменили введенные в 1986 г. санкции против Ливии.

После провала идеи «выкупа» у Ирана его ядерной программы, предложенной Францией, Британией и Германией от имени ЕС, в противовес политике нападения, предлагаемой США, начался процесс массированного давления на Тегеран по всем направлениям (дипломатическом, экономическом, гуманитарном), в результате ко-

торого Вашингтон и ЕС попытались заставить Иран отказаться от своей ядерной программы.

Весной 2005 года свою стратегию в иранском вопросе модифицировала и Россия. 27 февраля 2005 года Россия подписала с Ираном договор о строительстве Бушерской АЭС и возвращении в Россию отработанного ядерного топлива с будущей станции. Во время визита в Иерусалим 28 апреля 2005 года В. В. Путин заявил, что Россия выступает за отказ иранской стороны от создания технологий ядерного цикла и постановку под контроль МАГАТЭ атомных объектов Ирана³. 3 ноября 2005 года Россия предложила Ирану создать совместное предприятие по обогащению урана под контролем МАГАТЭ. Возникла перспектива компромисса по иранской проблеме между странами ЕС, США и Россией.

Однако смена власти в Иране не позволила урегулировать иранскую проблему, что привело к принятию санкций на основании резолюций (№1737, 1747, 1803) Совета Безопасности ООН, которые запретили поставлять Ирану материалы, технологии и оборудование для его ядерной программы. Более того, США настаивали на принятии резолюции СБ ООН, допускающей применение силы против Ирана. Россия, КНР и отчасти Франция, как постоянные члены СБ ООН выступали за приостановку санкций в случае прекращения Ираном процесса обогащения урана. Таким образом процесс переговоров о «выкупе» иранской программы обогащения урана оказался парализованным.

Учитывая то обстоятельство, что Пакистан стал де-факто ядерным государством, но пользовался симпатиями США, было сделано все необходимое (моральная и дипломатическая поддержка режима П. Мушаррафа, оказание помощи как материальной, так и финансовой) для сохранения внешнего управления над ядерным потенциалом с целью нераспространения и незаконной передачи пакистанских технологий, оборудования и материалов атомного профиля в другие страны. А попытки такие были. Достаточно вспомнить «Дело Хана» (нелегальные поставки пакистанских технологий в Иран, Ливию и КНДР),

¹ См.: Black C.R. Deterring Libya: The Strategic Culture of Muammar Qaddafi. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.au.af.mil/au.awc/awcgate/crc-pubs/black.htm>. Дата посещения: 01.04.2006.

² См.: Ежегодник СНПРИ — 2004. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2005. С. 673–675.

³ См.: Заявление для прессы и ответы Президента России В. В. Путина на вопросы по итогам переговоров с Президентом Израиля М. Кацавом. Иерусалим, 2005. 28 апреля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ln.mid.ru>

которое показало, что подобные опасения вполне обоснованы¹. Мотив США о возможной помощи Пакистану в охране его ядерных объектов зазвучал в заявлениях Госдепартамента Минобороны и президента США². Вместе с тем «пакистанский вопрос» показал пути возможного использования ядерного оружия транснациональными террористическими сетями. В настоящее время предме-

Острота столкновений вокруг этих громких дел лишь оттеняла сложности установления реального контроля международных организаций и правительств ведущих ядерных держав на рынке ядерного топлива

том анализа становятся сценарии возникновения конфликтов вследствие распада слабых ядерных государств, захвата их ядерного потенциала транснациональными субъектами, а также войн, вызванных сопротивлением попыткам силой установить внешний контроль над ядерными объектами тех или иных государств.

Одной из современных проблем нераспространения ядерного оружия, а также технологий и материалов к нему, являются коммерческие интересы транснациональных и частных компаний, специализирующихся на разработке месторождений атомного сырья и его сбыте. Транснациональные корпорации США, Канады, Австралии, Франции, ЮАР, такие как «Камеко» (Cameco), «Когема» (Cogema), «ЭРА» (ERA), «ВМС» (WMC) в первую очередь руководствуются своими коммерческими интересами, и все меньше интересами своих государств. Речь идет, прежде всего, о тех компаниях, которые стали причиной громких скандалов 2003–2007 годов. Среди них китайская «Шэньян эркрафт корпорейшен» (Shenyang Aircraft Corporation), турецкая «Электроник контрол алет-

лери» (Elektronik Kontrol Aletleri), европейский концерн «Эренко» (Urenco), а также некоторые компании Малайзии и ЮАР и упомянутое ранее «дело Хана» в Пакистане.

Острота столкновений вокруг этих громких дел лишь оттеняла сложности установления реального контроля международных организаций и правительств ведущих ядерных держав на рынке ядерного топлива.

Технологический прогресс в области мирного использования атома поставил ряд ведущих государств к более широкому применению атомных технологий во многих областях экономики. Итогом становится увеличение оборота расщепляющихся материалов, что повышает риск их утечки. Адекватных современной ситуаций на атомном рынке механизмов контроля над ним нет. Существующие международные органы, такие как: «Группа ядерных поставщиков», «Комитет Цангера», «Всемирная ядерная ассоциация» не подкреплены механизмами принуждения. Силы санкции за их нарушение фактически нельзя применить ни к странам, ни, тем более, к независимым международным компаниям.

Действующая Конвенция о ядерной безопасности, принятая в г. Вене 17 июня 1994 г. на дипломатической конференции Международного агентства по атомной энергии³, закрепляет одну из целей: «достичь высокого уровня ядерной безопасности во всем мире на основе укрепления национальных мер и международного сотрудничества, в том числе, в соответствующих случаях, на основе технического сотрудничества в области безопасности и поддерживать такой уровень» (ст. 1). Следует отметить, что в Конвенции особая роль в обеспечении ядерной безопасности отводится национальному законодательству. В статье 4 конкретно закрепляется: «Каждая Договаривающаяся сторона в рамках своих национальных законов принимает законодательные, регулирующие и административные меры и другие шаги, необходи-

¹ См.: «Дело Хана» - по имени ведущего физика Пакистана Абдул Кадыр Хана, директора исследовательской лаборатории при Пакистанском ядерном институте ядерных исследований и технологий. Хан считается «отцом» ядерной программы Пакистана. Он с середины 1990-х годов организовал целую систему нелегальных поставок ядерных материалов и технологий в Иран, Ливию и КНДР. В начале 2004 года разоблачение этой сети вызвало международный скандал и показало, что «сетевое распространение» ядерных материалов уже тало реальностью.

² Powell N. J. Ambassador to Pakistan. U.S. Foreign Policy Towards Pakistan. 2004. August 20. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.state.gov>; Secretary Colin L. Powell. Interview With the USA Today Editorial Board. October 18, 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.state.gov>.

³ См.: Конвенция вступила в силу 24 октября 1996 г. Россия подписала Конвенцию 20 сентября 1994 г. на основании Постановления Правительства РФ №1069 и принята 12 июля 1996 г. на основании Постановления Правительства РФ от 3 апреля 1996 г. №377. Конвенция вступила в силу для России 34 октября 1996 г. // СПС «Консультант плюс».

мые для осуществления своих обязательств, вытекающих из настоящей Конвенции». Российская Федерация выполняет все взятые на себя обязательства по обеспечению безопасности на объектах атомной энергетики, а также по безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами¹. За грубое нарушение положений Конвенции предусмотрена уголовная ответственность².

Нераспространение ядерного оружия и технологии его изготовления тесно связано с реализацией Конвенции о физической защите ядерного материала. Конвенция была принята на Межправительственной конференции в Вене 26 октября 1979 года. Она вступила в силу 8 февраля 1987 года³. В преамбуле говорится, что: «Государства-участники настоящей Конвенции, признавая право всех государств на развитие и применение атомной энергии в мирных целях и их законную заинтересованность в получении возможной пользы в результате применения атомной энергии в мирных целях, желая предотвратить потенциальную опасность в результате незаконного захвата и использования ядерного материала, признавая важность эффективной защиты ядерного материала, используемого для военных целей, и понимая, что такой материал находится, и будет по-прежнему находиться под строгой физической защитой» «договорились» о том, что «Каждое государство-участник в рамках своего национального законодательства и в соответствии с международным правом принимает надлежащие меры для обеспечения, по мере возможности, того, чтобы во время международной перевозки ядерный материал, находящийся в пределах его территории или на борту корабля или самолета, действующих под его юрисдикцией, если такой корабль или самолет участвует в перевозке в это государство или из него, защищался на уровнях, описанных в Приложении I (ст. 3.)». Данное Приложение определяет уровни физической защиты, применя-

емой при международной перевозке ядерного материала (I, II и III категории) с целью предотвращения утраты, хищения или иных обстоятельств утечки материала, представляющих особую опасность.

В соответствии с данной Конвенцией, некоторые положения, такие как незаконное обращение с радиоактивными материалами, вошли в Модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (ст.192). Уголовный кодекс РФ содержит статью 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (в ред. Федерального закона от 9 февраля 1999 г. № 26-ФЗ).

Несмотря на активность заинтересованных государств в нераспространении ядерного оружия, технологии и элементов ядерных материалов, ситуация на рынке расщепляющихся материалов привела к развитию силовых механизмов в рамках стратегии контрраспространения. США и их союзники продвигают программу проведения силовых мер по предотвращению попадания ОМП в руки «агрессивных режимов».

Таким образом, стратегия контрраспространения складывается как доктрина превентивного изъятия ОМП у потенциально опасных государств и режимов. По сути, речь идет о «принудительном разоружении» государств, которые стремятся получить доступ к ядерным, химическим и биологическим технологиям. Контрраспространение превратилось в широкий комплекс мер, в число которых входят и военно-силовые акции, и дипломатическое принуждение к отказу от ядерных программ, и контроль над поставщиками расщепляющихся материалов, и борьба с криминальными сетями «черного рынка» ядерных технологий. Все это означает очень серьезную трансформацию традиционной системы нераспространения ядерного оружия, если понимать под таковой совокупность международных режимов второй половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами // принята в г. Вене 5 сентября 1997 г. на дипломатической конференции МАГАТЭ. Россия подписала Конвенцию 27 января 1999 г. Ратифицировала 4 ноября 2005 г. Конвенция вступила в силу для России 19 апреля 2006. // Собрание законодательства РФ. — 2006. — №18. — Ст. 1908.
- ² Уголовный кодекс РФ. Ст. 215.
- ³ См.: СССР подписал Конвенцию 22 мая 1980 г., ратифицировал с оговоркой Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1983 г. №9236 — X. Россия сняла оговорку по п.2. ст. 17 Федеральным законом от 3 марта 2007 г. №28-ФЗ. Конвенция вступила в силу для СССР 8 февраля 1987 г. // Ведомость Верховного Совета СССР. — 1987. — №18. — Ст. 239.

1. Арбатов А. Г. Ядерное сдерживание и распространение: Диалектика «оружия судного дня» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. №1. С. 3–15.
2. Кокошин А. А. *Стратегическое управление* // М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
3. Фененко А. В. Проблематика ядерной стабильности в современной зарубежной политологии // *Международные процессы*. 2004. №3. С. 40–53.
4. *Мировая политика: Теория, методология, прикладной анализ* / Отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М.: УРСС, 2005. 432 с.
5. Балув Д. Г. *Личностная безопасность: Международно-политическое измерение* // Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 157 с.
6. Кокошин А. А. *Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники)*. М.: Медиа-Пресс, 2003. 144 с.
7. *Системная история международных отношений. 1918–2003: В 4 т.* / Под ред. А. Д. Богатунова. М.: НОФМО, 2003. С. 334–335.
8. Фененко А. В. *Теория и практика контрраспределения во внешнеполитической стратегии США*. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 248 с.
9. International Counterproliferation Program. Официальный сайт: <http://www.nti.org>; Feinmain L., Slaughter S. — M. A Duty to Prevent // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 84. No 1. P. 136–150.
10. Deutch J. A Nuclear Posture for Today // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. No 1. P. 49–60; The Origin of U.S. Counterproliferation Policy. Air Force Counterproliferation Center. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.au.af.mil>; Ellist. D. The Best Defense: Counterproliferation and U.S. National Security // *The Washington Quarterly*. 2003. Vol. 26. No 2. P.115–133.
11. McColl A. Is Counterproliferation Compatible with Nonproliferation? Rethinking the Defense Counterproliferation Initiative // *Aerospace Power Journal*. 1997. Spring. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.airpower.maxwell.af.mil>; Roberts B. Proliferation and Nonproliferation in the 1990s: Looking for the Right Lessons // *Nonproliferation Review*. Vol. 6. No 4 (Fall 1999). P. 70–82.
12. Albright D. Preventing Illegal Exports: Learning from Case Studies. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.isis-online.org>; Etzioni A. Enforcing Nuclear Disarmament // *National Interest*. 2004/2005. Winter. Issue 78. P.81–89.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазутин Лев Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург), действительный член Академии военных наук РФ. E-mail: mp@usla.ru, ORCID 0000-0002-3479-6612.

AUTHOR'S DETAILS

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department of the Ural State University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). Full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation. E-mail: mp@usla.ru, ORCID 0000-0002-3479-661

УДК 341.94

Проблемы применения норм иностранного права арбитражными судами РФ при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц

Е. Р. Аминов¹

Аннотация: в статье рассматривается проблема применения в настоящее время норм иностранного права арбитражными судами РФ при рассмотрении дел с участием иностранных лиц. Автор обращает внимание на то, что до недавнего времени ссылка судов на оговорку о публичном порядке в целях ограничения в применении норм иностранного права носила исключительный характер. Исследуя современную практику, по этим причинам сделан вывод о том, что в российском суде в целом складывается негативное отношение к любому применению иностранного права при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц, особенно из недружественных стран, что противоречит институту оговорки о публичном порядке.

Ключевые слова: международное частное право, императивные нормы, оговорка о публичном порядке, иностранные юридические лица, арбитражные суды, санкции.

The problems of application of foreign law by Arbitration Courts of the Russian Federation in considering cases involving foreign legal entities

Evgenii R. Aminov²

Abstract: the article examines the current problem of the application of foreign law by arbitration courts of the Russian Federation in case involving foreign parties. The author notes that until recently, the courts' reliance on the public policy exception to limit the application of foreign law was exceptional in nature. Upon examining contemporary practice, the author concludes that Russian courts have generally developed a negative attitude towards any application of foreign law in cases involving foreign legal entities, particularly those from «unfriendly» countries, that is at odds with the underlying purpose of the public policy exception.

Keywords: international private law, mandatory rules, public policy exception, foreign legal entities, arbitration courts, sanctions

В современных геополитических условиях, безусловно, оказывающих влияние на право, предпринимательскую деятельность и международный бизнес, анализ современной арбитражной практики позволяет выявить определенные проблемы, связанные с ограничением (блокированием) арбитражными судами РФ применения норм иностранного права в спорах с участием иностранных юридических лиц.

Как известно, российский правопорядок защищен от нежелательного применения норм иностран-

ного права на территории РФ двумя институтами — институтом норм непосредственного применения (или сверх императивных норм) и институтом оговорки о публичном порядке. Нормы этих институтов в международном частном праве призваны защищать отечественный правопорядок от нежелательного в каждом конкретном случае применения иностранного права, тем самым в позитивном и негативном смыслах ограничивая такое применение.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1192 Гражданского кодекса РФ коллизионные правила

¹ Для цитирования: Аминов Е. Р. Проблемы применения норм иностранного права арбитражными судами РФ при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 67–71.

² For referense: Aminov E. R. The problems of application of foreign law by Arbitration Courts of the Russian Federation in considering cases involving foreign legal entities // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 67–71.

не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые, вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения). Согласно пункту 5 статьи 1210 ГК РФ, если в момент выбора сторонами договора, подлежащего применению права, все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства.

В силу статьи 1193 ГК РФ норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права. Отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации.

Разъяснения в применении этих норм содержатся, в частности, в пунктах 10 — 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», а также в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорок о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

Между тем анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что, помимо непосредственного влияния императивных норм российского законодательства на иностранное право, в настоящее время возникли проблемы, связанные с действием оговорки о публичном порядке на применение арбитражными судами РФ норм иностранного права при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц, то есть юридических лиц, личным законом которых является право иностранного государства (пункт 1 статьи 1202 ГК РФ).

Необходимо отметить, что в доктрине международного частного права (коллизионного права) последовательно подчеркивалась и отстаивалась позиция о том, что любое ограничение в применении норм иностранного права отечественными судами со ссылкой на его противоречие публичному порядку является исключительным случаем, требующим тщательного обоснования и раскрытия его нарушения (равно как и в международном частном или коллизионном праве иных стран).

Так, еще Л. А. Лунц в своем хрестоматийном трехтомном курсе «Международное частное право» отмечал, что применение оговорки о публичном порядке «может быть лишь исключением, нуждающимся в каждом отдельном случае в серьезном обосновании»¹. Он же писал: «В советской практике категория публичного порядка играет сравнительно небольшую роль. Весьма трудно указать на советские судебные или арбитражные решения, в которых признание действия иностранного права, к которому отсылает советская коллизионная норма, ограничивалось бы или исключалось путем приведения в действие оговорки о публичном порядке...»². Б. М. Гонгало, также указывает на то, что «...отказ в применении нормы иностранного права в связи с тем, что последствия применения противоречили бы публичному порядку РФ, допускается только в исключительных случаях — должны быть установлены некие экстраординарные обстоятельства»³.

Неслучайно, например, в пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного част-

¹ См.: Лунц Л. А. Курс международного частного права: В 3 т. Т. 1. — М.: Спарк, 2002. С. 286.

² Там же. С. 269.

³ Гонгало Б. М. Избранное: В 5 т. — Москва: Статут. 2021. Т. 5 : Семейное право. Наследственное право. Международное частное право. 2021. С. 268. См. также: Канашевский В. А. Международное частное право: Учебник, Изд. 2-е, доп. — М.: Междунар. отношения, 2009. С. 144.

ного права судами Российской Федерации» прямо содержится разъяснение о том, что в исключительных случаях суд не применяет норму иностранного права со ссылкой на оговорку о публичном порядке, а отсутствие в российском праве норм или правовых институтов, аналогичных нормам или правовым институтам применимого иностранного права, само по себе не является основанием для применения оговорки о публичном порядке¹.

Итак, в настоящее время правоприменительная практика свидетельствует о резком увеличении количества дел, в которых арбитражные суды РФ применяют оговорку о публичном порядке и блокируют применение норм иностранного права, источником которого чаще всего являются «недружественные страны»² или санкционное законодательство, например США или Европейского союза. Рост таких судебных дел связан, прежде всего, с принятием Федерального закона от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее — Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ).

Необходимо отметить, что ранее, как правило, нормы о публичном порядке использовались судами применительно к рассмотрению специальной категории дел — признание и принудительное исполнение иностранных судебных или арбитражных решений на территории РФ. Но нужно признать, что теперь применение норм о публичном порядке не ограничивается этой категорией дел — отказ в применении норм иностранного права со ссылкой на статью 1193 ГК РФ встречается в обычных обязательственных спорах между российскими и иностранными юридическими лицами, что блокирует выбор сторонами применимого иностранного права. Это ведет к ограничению действия коллизионной привязки — закон автономии воли сторон в выборе применимого права в обязательственных отношениях (пункт 1 статьи 1210 ГК РФ).

Следующая проблема, которая появилась в правоприменительной практике — это расширение объема понятия «публичный порядок» или «основы публичного порядка».

Ранее судебная практика длительного времени использовала достаточно уже устоявшееся понимание этой категории, сформулированной, в частности, Высшим Арбитражным Судом РФ, который указал на то, что под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (прин-

Следующая проблема, которая появилась в правоприменительной практике — это расширение объема понятия «публичный порядок» или «основы публичного порядка».

ципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства РФ (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц³.

Однако современная арбитражная практика расширяет объем понятия «публичный порядок», вкладывая в него такие элементы, которые до настоящего времени в его содержание не входили, что, безусловно, оправдано в современных геополитических условиях, но до определенного предела и опять же — в исключительных случаях.

Например, с учетом положений норм Федерального закона от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ любые санкции квалифицируются отечественными

¹ Так, например, отличие многих институтов в праве Англии от институтов российского гражданского права автоматически не влечет отказ в применении английского материального права отечественными судами. См.: *Белых В. С.* Применимое английское право в юрисдикции арбитражных судов России // Юрист. 2019. № 1. С. 22–31.

² Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»

³ Пункт 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и при введении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. № 5. 2013. См. также: *Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: В 3 т. Т. 1: Комментарий к части третьей и четвертой — под ред. П. В. Крашенинникова.* М.: Статут. 2014. С. 135–136; *Дмитриева Г. К.* Международное частное право. Ч. 3 ГК РФ. М.: Проспект, 2002. С. 118, 120.

судами как незаконные и лишённые международно-правовых оснований действия на территории РФ именно через понятие публичного порядка в качестве продолжения государственной политики, направленной на непризнание и отрицание их законности недружественных стран против российского государства. Поэтому любое следование иностранными лицами, а также российскими

Следование режиму санкций против РФ, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является РФ, выразившееся в занятой лицом позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение

физическими и юридическими лицами санкционному законодательству недружественных стран расценивается в российском суде, в том числе, с точки зрения доктрины оговорки о публичном порядке, то есть как применение норм иностранного права в противоречии основам публичного порядка и принципу добросовестности как составной его частью. Это влечет отказ в применении санкционного законодательства, а зачастую и любого иностранного материального права недружественных государств, выбранного по соглашению сторон в договорном обязательстве.

Так, например, Конституционный Суд РФ в одном из постановлений сформулировал правовую позицию о том, что в случае недобросовестного поведения, которое может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов, не исключается правомочие суда отказать полностью или частично в защите соответствующего права. Следование режиму санкций против РФ, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо государством вне надлежа-

щей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является РФ, выразившееся в занятой лицом позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение¹.

Так, Верховный Суд РФ указал на то, что исполнение российскими юридическими лицами на территории России ограничений и запретов (эмбарго), введенных Европейским союзом, то есть международной организацией, членом которой Российская Федерация не является, напрямую противоречит основам российского правового порядка (публичного порядка)². Это объясняется тем, что согласно пункту 3 статьи 55 Конституции РФ введение запретов (ограничений) в отношении российских юридических лиц в части реализации ими своих прав на территории Российской Федерации возможно только на основании федерального закона.

Например, по «делу Гугл ЭлЭлСи (Google LLC)» Верховный Суд РФ использовал следующую мотивировку, расширяющую содержание исследуемого понятия: действия по одностороннему отказу от соглашения, выразившиеся в блокировке аккаунта и канала истца, противоречат сверхимперативным нормам и публичному порядку РФ, а также основополагающим нормам международного права в области защиты прав человека.

Также судом было отмечено, что в части 1 статьи 1 Федерального закона от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ экономические санкции в отношении РФ, ее граждан или российских юридических лиц отнесены к числу недружественных действий США, представляющих угрозу территориальной целостности РФ, и направленных на ее экономическую и политическую дестабилизацию. Публичное право не обладает экстерриториальным характером, а потому санкционное законодательство США и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии не порождает прав и не налагает обязанностей на российских граждан и юридических лиц, что соответствует фундаментальным принципам о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и суверенитета государств. Оговорки о применимом праве отсыла-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2018. См. также: Аксенов А. Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 86–100.

² Определение Верховного Суда РФ от 29.10.2018 г. № 305-ЭС18-16459 по делу № А40-171207/2017.

ют к правовым нормам, последствия применения которых противоречат публичному порядку РФ, в связи с чем единственным правом, которое позволяет обеспечить баланс интересов сторон настоящего спора, является российское право. Делая вывод об отсутствии правовых оснований для применения норм иностранного права, суды верно руководствовались положениями статьи 1193 ГК РФ¹.

К числу действий, противоречащих публичному порядку РФ, современная арбитражная практика также относит: удержание денежных средств, подлежащих возврату российским юридическим лицам со ссылкой на санкционные регламенты Европейского союза; применение санкционных норм в судах РФ; следование санкционной политике Европейского союза; отказ от исполнения обязательств со ссылкой на санкции; использование корпоративной структуры с целью соблюдения режима санкций и причинение вреда российским кредиторам; действия по признанию сделки недействительной по основаниям ее противоречия экспортным ограничениям, наложенным Европейским союзом; совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами российского законодательства, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности РФ; не адап-

тация корпоративной структуры к изменившейся геополитической и экономической ситуации; отказ в применении материальных норм иностранного права из недружественной юрисдикции и т. д.

В итоге, в российском суде в целом складывается негативное отношение к любому применению иностранного права при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц, тем более имеющих свою инкорпорацию в недружественных государствах. Между тем необходимо отметить, что сложившаяся ситуация противоречит доктрине международного частного права, где является общепринятым подход к оговорке о публичном порядке как к исключительной мере, блокирующей (ограничивающей) применение иностранного права на территории другого государства, в том числе права, выбранного сторонами.

Таким образом, активное применение арбитражными судами РФ норм об оговорке о публичном порядке в целях ограничения в применении норм иностранного права при рассмотрении дел с участием иностранных юридических лиц на современном этапе развития международного частного права в условиях изменения геополитической и экономической ситуации в мире снова приводит к необходимости подробного исследования этого института.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксенов А. Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5.
2. Бельх В. С. Применимое английское право в юрисдикции арбитражных судов России // Юрист. 2019. № 1.
3. Гонгало Б. М. Избранное: В 5 т. — Москва: Статут. 2021. Т. 5 : Семейное право. Наследственное право. Международное частное право. 2021. — 310 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: В 3 т. Т. 1: Комментарий к части третьей и четвертой — под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут. 2014. — 880 с.
5. Дмитриева Г. К. Международное частное право. Ч. 3 ГК РФ. М.: Проспект, 2002. — 688 с.
6. Канашевский В. А. Международное частное право: Учебник, Изд. 2-е, доп. — М.: Междунар. отношения, 2009. — 752 с.
7. Лунц Л. А. Курс международного частного права: В 3 т. Т. 1. — М.: Спарк, 2002. — 1007 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аминов Евгений Раульевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург), доцент кафедры обязательственного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ. E-mail: aminov@rgp-law.ru, ORCID: 0009-0009-3557-0189.

AUTHOR'S DETAILS

Evgeny R. Aminov

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, V. F. Yakovlev UrGYU (Russia, Ekaterinburg), Associate Professor of the Department of Law of Obligations, Ural Branch of the S. S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation. E-mail: aminov@rgp-law.ru, ORCID: 0009-0009-3557-0189.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № 305-ЭС24-669 по делу № А40-138158/2022.

УДК. 346.21, 347

Применение технологий машиночитаемого права: международный опыт¹

Борисова Н. С.²

Аннотация: автоматизация и алгоритмизация общественных отношений является основным трендом последнего десятилетия, в связи с этим остается актуальным вопрос регулирования данных процессов. В мире активно предпринимаются попытки по автоматизации правовых норм, начиная от создания IT-продуктов, предназначенных для автоматизации юридической функции, до проектирования правовых норм в виде кода и их самоисполнения, применения искусственного интеллекта в праве. Наиболее дискуссионным является вопрос о том, возможно ли использовать описание правоотношений на формальных языках в качестве источника права, и сформирован ли для этого комплекс технологий и инструментов. *Исследования по машинизации норм ведутся во многих исследовательских институтах, лабораториях, научных центрах, государственных и правительственных организациях.* В рамках настоящей статьи будет проанализирован опыт создания машиночитаемых норм разных стран, выделены преимущества и недостатки разных подходов.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация законодательства, автоматизация права, машиночитаемое право, машинопроектируемое право, онтология права, искусственный интеллект.

Application of machine-readable law technologies: international experience

Nadezhda S. Borisova³

Abstract: automation and algorithmization of public relations is the main trend of the last decade, in this regard, the issue of regulating these processes remains relevant. The world is actively trying to automate legal norms, from the creation of IT products designed to automate the legal function, to the design of legal norms in the form of code and their self-execution, the use of artificial intelligence in law. The most debatable question is whether it is possible to use the description of legal relations in formal languages in the form of a source of law and whether a set of technology technologies has been formed for this. Within the framework of this article, the experience of creating machine-readable norms of different countries will be analyzed, the advantages and disadvantages of different approaches will be highlighted.

Keywords: digital technologies, optimization of legal processes, legal services, data processing, legislation as code, automation of law, machine-readable law, ontology of law, legal technology, LegalTech, LawTech, artificial intelligence.

Концепт машиночитаемого права и онтологически более сложный концепт (включающий предыдущий) машиноисполняемого права или «машинопотребляемого» права, как основа и элемент автоматизации обработки правовых норм, правовых комплексов и правовых массивов, яв-

ляются одним из направлений цифровизации и цифровых трансформаций в праве и элементом цифровых регуляторных технологий («RegTech») или «legal technology» («LegalTech»), элементом в целом цифровых технологий (англ. — «digital technology»), а также составной частью

¹ Работа выполнена при поддержке ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» в рамках реализации научного проекта «Концепция машиночитаемого права в сфере правового регулирования экономики и бизнеса: перспективы и риски.»

² Для цитирования: Борисова Н. С. Применение технологий машиночитаемого права: международный опыт // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 72–77.

³ For referense: Borisova N. S. Application of machine-readable law technologies: international experience // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 72–77.

цифровых трансформаций в государственном управлении¹.

Зачастую понятия LegalTech и «машиночитаемое право» отождествляются, однако, как указывалось в прошлом исследовании², машиночитаемое право является онтологически более сложным процессом в сравнении с автоматизацией юридической функции и юридических процессов (LegalTech).

Концепция RaC («Rules as code»), «legislation as code», «Better rules», «transformer la loi encode information atique» именно так характеризуют концепцию машиночитаемого права зарубежом³, это подход к созданию и публикации правовых норм, которые могут быть прочитаны как машиной, так и человеком.

Как отмечает Надия Вебстер из Правительства Новой Зеландии, в долгосрочной перспективе подход предполагает, что все законодательство закодировано и принадлежит соответствующим организациям и правительствам разных стран⁴.

В целях наиболее четкого представления сути машиночитаемого права Мэн Вонг, исследователь Центра вычислительного права Сингапурского университета менеджмента, в своей работе «Rules as code — Seven levels of digitization» выделил 7 уровней автоматизации права: от этапа, когда преимущественно законодательство изложено на бумаге и оцифровано посредством сканирования или публикации в формате HTML, до формирования целостного машиночитаемого законодательства и его автоисполнения⁵.

Согласно приведенной градации механизации права на текущий момент массово преобладает второй уровень (из семи), который предполагает создание отдельных цифровых приложений и продуктов, которые помогают гражданам

соблюдать правовые нормы, например сервисы, предназначенные для подачи налоговых деклараций, регистрации сделок с недвижимостью, автоматизированные системы фиксации нарушений, онлайн оплата штрафов и др. Однако в основе указанных примеров нет машиночитаемых норм, это продукт на базе бизнес-логики, которая основана на творчески переосмысленной норме.

В данном случае законы следует рассматривать как цифровые продукты и услуги с самого начала их создания

Концепция RaC предполагает переосмысление процессов, лежащих в основе правительственного нормотворчества, целью которого является создание официальной машинночитаемой и машиноисполняемой версии закодированных норм и правил, которые могут использоваться третьими лицами. В данном случае законы следует рассматривать как цифровые продукты и услуги с самого начала их создания. При этом подход включает в себя создание правил, которые лучше всего подходят для предоставления цифровых услуг, создания программных инструментов для записи правил в код, а затем использование этого кода в качестве основы для предоставления услуг и принятия решений⁶. Концепция «Rules as code» *способствует созданию по-настоящему цифрового правительства с правилами, созданными как цифровой продукт и услуга, и не являющимися переработкой правил, написанных на естественном языке. Это создает условия для правительства, которое может быть более гибкими инновационным*⁷.

¹ Пошкин И. В., Лантеева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онтоинженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2021. — С. 51.

² Борисова Н. С. Цифровые технологии в праве: LegalTech // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 94–98.

³ Fraser H. What is Better Rules? // Digital.govt.nz, 07.12.2021. URL: <https://www.digital.govt.nz/blog/what-is-better-rules/> GovCMS announces enterprise adoption of Rules as Code // Australian Government, official website, 22 нояб. 2023. URL: <https://www.govcms.gov.au/news-events/news/govcms-announces-enterprise-adoption-rules-code#:~:text=Rules%20as%20Code%20is%20the,better%20citizen%20or%20stakeholder%20experience> (дата обращения: 03.02.2024).

⁴ Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world // GovInsider. 2020. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/four-things-you-should-know-about-rules-as-code> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ Wong, M. W. «Rules as code — Seven levels of digitization», Research Collection School of Law, 2020. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/3093/ (дата обращения: 03.02.2024).

⁶ Fraser H. What is Better Rules? // Digital.govt.nz, 7 дек. 2021. URL: <https://www.digital.govt.nz/blog/what-is-better-rules/> (дата обращения: 03.02.2024).

⁷ Global Trends in Government Innovation 2023, OECD Observatory of Public Sector Innovation (OPSI), 2013. URL: <https://oecd-opsi.org/publications/trends-2023/> (дата обращения: 03.02.2024).

Одной из первых стран, которая предприняла попытки к представлению законов в виде кода, является Новая Зеландия. Команда, возглавляемая Лабораторией инноваций в сфере услуг (LabPlus) провела эксперимент, целью которого было найти способ интеграции цифровых услуг правительства Новой Зеландии, и попробовала представить

При кодировании Закона о налоговых льготах была предпринята попытка создать концептуальную модель, в которой отдельные концепции (например, «налогоплательщик») были бы взаимосвязаны с другими концепциями («ставка», «заявление»).

правовые нормы в форме кода на примере двух законов: Закон о налоговых льготах — для снижения затрат на владение домом для людей с низким доходом и Закон об отпусках, который предписывает предоставлять каждому сотруднику в Новой Зеландии гарантированный четырехнедельный отпуск в году¹.

Законопроекты были составлены как на естественном языке, так и на языке программирования, что позволило прийти к выводу, что кодирование законодательства требует соблюдения более строгой семантики, чем естественный язык. Например, в Законе об отпусках двусмысленность понятия «неделя» преодолевалась постановкой вопросов «С какого дня начинается неделя?», «Может ли неделя включать в себя одновременно 1 декабря и 1 января следующего года», в результате чего были устранены неясности при разработке правил. Аналогичным примером может служить работа², проведенная в Новом Южном Уэльсе по кодированию положения, в котором говорилось, что грант выплачивается родителям детей в возрасте от четырех с половиной до семнадцати лет, что также породило неопределенность — что значит 4 с половиной. Это не означа-

ет, что с момента рождения ребенка прошло ровно 4,5 года, поскольку полугодие составляет 182,5 дня (кроме високосного года) и полгода, отсчитываемые от фактического часа, минуты и секунды рождения ребенка, истекнут через 12 часов в соответствующий день (ребенок, родившийся в 07:00 данного дня, проживет ровно половину в год в 19:00 любого дня, который наступит через 182 дня). Таким образом, подход, когда возраст измерялся с точностью до минуты, исключает лиц, которые должны были иметь достаточные основания для получения гранта.

При кодировании Закона о налоговых льготах была предпринята попытка создать концептуальную модель, в которой отдельные концепции (например, «налогоплательщик») были бы взаимосвязаны с другими концепциями («ставка», «заявление»). Также была предложена модель принятия решений, которая рассматривает ключевые вопросы, а также «соображения», связанные с каждым вопросом — то есть все, что нужно знать для возможности формулирования правильного ответа, а модель блок-схемы позволила показать последовательность событий.

Анализируя данный опыт кодирования законодательства, мы приходим к выводу, что далеко не все нормы можно механизировать, зачастую возникает неопределенность в определении понятий и описании элементов правоотношений, а значит, для преобразования законодательства в код оно должно быть заранее сконструировано наиболее подходящим для кодирования способом с использованием подхода, где конечным потребителем станут машины. К аналогичному выводу приходит и Организация экономического сотрудничества и развития в исследовании, посвященном машиничитаемому праву, указывая, что концептуальный подход «Rules as code» заключается в изменении того, как, кем и для кого создаются правила и законы, и это выходит за рамки существующих процессов и требует более глубокого и тщательного изучения процесса нормотворчества³.

¹ Darabi A. New Zealand explores machine-readable laws to transform government: Legislation-as-code might be the key to kick-starting digital reform. URL: https://apolitical.co/en/solution_article/new-zealand-explores-machine-readable-laws-to-transform-government (дата обращения: 10.02.2024).

² Waddington, M. «Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective — human v artificial intelligence», The Loophole, no. 2, 2019 URL: www.calc.ngo/sites/default/files/loophole/Loophole%20-%20202019-02%20%282019-06-24%29.pdf#page26 (дата обращения: 10.02.2024).

³ Mohun, J. and A. Roberts (2020), «Cracking the code: Rulemaking for humans and machines», OECD Working Papers on Public Governance, No. 42, OECD Publishing, Paris, 2020, URL: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en> (дата обращения: 10.02.2024).

Рассуждая об использовании технологий машиночитаемого права в нормотворчестве, Надия Вебстер отмечает: «многие законодатели хотели бы видеть волшебный инструмент, который преобразует логику прямо в программный код»¹, и в качестве попытки создания такого инструмента можно рассмотреть австралийский проект Data61 на основе технологии превращения норм в модели данных Parse-IT. Платформа «переосмысливает» содержание правовых норм, преобразует их в «чистую математическую логику» и затем проверяется экспертами. В целях создания машиночитаемых норм разработчики в данном случае используют специальную логику Deasible Deontic Logic, а также реализацию этой логики SPINdle, в которой право представлено в виде дозволений, обязываний и запретов. Правовые нормы автоматически и полуавтоматически переводятся в цифровую логику и определенный набор правил. На этой основе формируется логическая база данных, которая может быть интегрирована с аналитическими инструментами и технологиями искусственного интеллекта, которые позволяют проводить анализ регуляторных мер государства. Прототип платформы не был представлен для широкой публики, однако согласно существующим исследованиям ни один из существующих инструментов не смог полностью и автоматически вывести машиннопотребляемые правила из правил естественного языка с точностью 1 к 1².

Примером решения, в основе которого лежат онтологии, является проект Blawx — платформа, в основе которой лежит декларативный язык программирования с полностью открытым исходным кодом Floga-2 и среда визуального программирования, разработанная в Массачусетском технологическом институте для эффективного ознакомления непрограммистов с программированием³.

Процесс программирования норм в Blawx состоит из нескольких этапов:

— определения онтологий, т. е. определение понятий, утверждений об этих понятиях, в част-

ности соотношения их между собой в контексте иерархии общее-частное, часть и целое и т. д.

— формулирование правил, т. е. описание вывода и условий, которые должны соблюдаться, чтобы заключение стало верным.

— приведение фактов и постановка вопросов относительно записанного в коде правила с целью проверки, что заключение является верным.

Один из основных барьеров в развитии машиночитаемого права — это изменчивость нормативно-правовых актов. В качестве эксперимента создатели Blawx закодировали правила прохождения тестирования на Covid-19 и дальнейшей изоляции с учетом того, что они очень часто менялись в течение пандемии. Так, в ходе эксперимента выделили несколько этапов «машинизации» норм.

Первый этап — определение онтологий, которые могли бы использоваться для описания категорий, атрибутов, объектов закодированных правил. В данном случае категориями будут «люди», «симптомы», «места заражения», «результаты анализов». «Положительный» и «отрицательный» станут объектами категории «результаты анализов», «кашель/озноб/насморк и др.» — объекты категории «симптомы».

Следующий этап — конструирование правил. При определении права человека на проведение тестирования на наличие вируса прописываются условия реализации этого права — наличие симптомов, контакта с зараженным человеком, пребывание в месте заражения, а также установление, какое условие имеет приоритет в случае конфликта. Аналогичным способом прописываются всевозможные условия для реализации права или обязанности — изоляция человека при контакте с больным человеком/по возвращению из другой местности, ограничение контактов с другими людьми при наличии одного или нескольких условий и др.

На третьем этапе происходит тестирование сценариев в целях проверки, насколько верно работает код. Например, «Боб живет с Джейн, Боб только что приехал из провинции, Джейн уха-

¹ Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world/ URL: <https://govinsider.asia/inclusive-gov/four-things-you-should-know-about-rules-as-code/> (дата обращения: 10.02.2024).

² Mohun, J. and A. Roberts «Cracking the code: Rulemaking for humans and machines», OECD Working Papers on Public Governance, No. 42, OECD Publishing, Paris, 2020, URL: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Morris, J. Blawx: Rules as Code Demonstration. MIT Computational Law Report, 2020. URL: <https://law.mit.edu/pub/blawxrulesascodedemonstration> (дата обращения: 10.02.2024).

живает за Тедом, у которого положительный результат теста, и у Джейн заложен нос (незначительный симптом, не требующий самоизоляции). Боб и Джейн живут с Остином. Что делать Бобу, Джейн и Остину?» Система на основе сконструированных правил выдает примерно следующий ответ: «Остин не имеет права на тестирование и не нуждается в изоляции. Боб не имеет права на тестирование, но, поскольку он вернулся из другой провинции, он должен изолироваться на 14 дней. Джейн имеет право на тестирование, поскольку она имела тесный контакт с человеком, у которого результат теста оказался положительным, и у нее самой были обнаружены симптомы. Ей также необходимо изолироваться на 10 дней, поскольку у нее есть симптомы (хотя сами по себе симптомы не требуют изоляции), и она имела тесный контакт с человеком, у которого результат теста оказался положительным. Тед не имеет права на тестирование, но он обязан изолироваться на 10 дней, поскольку его анализ оказался положительным».

Приведенный пример демонстрирует возможность применения декларативного логического программирования для оцифровывания правил и нормативных актов. Иногда логические языки называют языками, основанными на системе правил. В этом случае осуществляется проверка неко-

торого разрешающего высказывания (утверждения), и, если его значение истинно, выполняется соответствующее действие¹. Модель логического языка тождественна логической модели системы права, вычисления в таких языках описывают с помощью формальной логики². Поскольку данный язык программирования задает формальное определение предметной области, и его стиль очень схож с конструированием правил на естественном языке, на наш взгляд, он является наиболее подходящим для создания машиночитаемых и машиноисполняемых норм.

Таким образом, в результате анализа международного опыта мы приходим к выводу о том, что на текущем этапе технологического развития предпринимаются попытки к механизации права по всему миру, тестируются различные гипотезы, набирает популярность направление LegalTech, однако все это носит локальный и экспериментальный характер. Создание машиночитаемого и машиноисполняемого права требует не только пересмотра юридической техники при написании правовых актов и устранения технологических препятствий, но и преодоления политико-правовых ограничений, применения междисциплинарного подхода и активного международного сотрудничества в данной области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисова Н. С. Цифровые технологии в праве: LegalTech // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 4. С. 94–98.
2. Вашкевич А. М. Автоматизация права: право как электричество. — М.: Симплоер, 2019. — 256 с.
3. Орлов С. А. Теория и практика языков программирования: Учебник для вузов. Стандарт 3-го поколения. — СПб.: Питер, 2013. — 688 с.
4. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онтоинженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М.: Буки Веди, 2021. — С. 51.
5. Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world // GovInsider. 2020. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/four-things-you-should-know-about-rules-as-code> (дата обращения: 03.02.2024).
6. Darabi A. New Zealand explores machine-readable laws to transform government: Legislation-as-code might be the key to kick-starting digital reform. URL: https://apolitical.co/en/solution_article/new-zealand-explores-machine-readable-laws-to-transform-government (дата обращения: 10.02.2024).
7. Fraser H. What is Better Rules? // Digital.govt.nz, 7 дек. 2021. URL: <https://www.digital.govt.nz/blog/what-is-better-rules/> (дата обращения: 03.02.2024).
8. Global Trends in Government Innovation 2023, OECD Observatory of Public Sector Innovation (OPSI), 2013. URL: <https://oecd-opsi.org/publications/trends-2023/> (дата обращения: 03.02.2024).

¹ Орлов С. А. Теория и практика языков программирования: Учебник для вузов. Стандарт 3-го поколения. — СПб.: Питер, 2013. — 688 с.

² Вашкевич А. М. Автоматизация права: право как электричество. — М.: Симплоер, 2019. — 256 с.

9. GovCMS announces enterprise adoption of Rules as Code // Australian Government, official website, 22 нояб. 2023. URL: <https://www.govcms.gov.au/news-events/news/govcms-announces-enterprise-adoption-rules-code#:~:text=Rules%20as%20Code%20is%20the,better%20citizen%20or%20stakeholder%20experience> (дата обращения: 03.02.2024).

10. Mohun, J. and A. Roberts «Cracking the code: Rulemaking for humans and machines», OECD Working Papers on Public Governance, No. 42, OECD Publishing, Paris, 2020, URL: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en> (дата обращения: 10.02.2024).

11. Morris, J. Blawx: Rules as Code Demonstration. MIT Computational Law Report, 2020. URL: <https://law.mit.edu/pub/blawxrulesascodedemonstration> (дата обращения: 10.02.2024).

12. Waddington, M. «Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective — human v artificial intelligence», The Loophole, no. 2, 2019 URL: www.calc.ngo/sites/default/files/loophole/Loophole%20-%202019-02%20%282019-06-24%29.pdf#page26 (дата обращения: 10.02.2024).

13. Wong, M. W. «Rules as code — Seven levels of digitization», Research Collection School of Law, 2020. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/3093/ (дата обращения: 03.02.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Надежда Сергеевна

сотрудник Лаборатории цифрового права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: nadezhdaborisova.law@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Nadezhda S. Borisova

employee of the Digital Law Laboratory of the Ural State University named after V. F. Yakovlev (Russia, Yekaterinburg). E-mail: nadezhdaborisova.law@gmail.com.

УДК 342.382

Обычай курии как источник конституционного права в Риме эпохи республики

А. А. Кофанов¹

Аннотация: по определению классических юристов обычай — это неписанный закон, воля народа, действующая с его молчаливого согласия. По конституции императора Льва обычай считался и то, что было принято сенатом. В период республики обычай воспринимался римлянами как некий установленный практикой ритуал прежде всего в сакральной сфере, руководимой жрецами и сенатом. Сенат же, согласно Полибию (6. 16. 3), обладал властью лишь в силу обычая. Обычай играл ключевую роль и в организации всей деятельности сената: его созыве, внутренней иерархии, голосовании, порядке проведения заседаний и принятии решений. Именно на основе обычая сенат осуществлял общий контроль за религиозными обрядами. Одновременно обычаи курии распространялись и на руководимые сенатом международные отношения. Наконец, сенат осуществлял и судебные функции, по обычаям предков карая государственных и военных преступников, нарушивших сакральные основы римского государства. Вместе с тем контроль за деятельностью сената осуществляли избираемые народом плебейские трибуны и цензоры. Последние не только переизбирали сенат, но и осуществляли надзор за его обычаями (*cura morum*). В то же время обычай, как «наилучший толкователь закона» (D.1.3.37), позволял сенату вносить коррективы и изменения в принятые народом законы.

Ключевые слова: *Consuetudo, mores maiorum*, обычай, ритуал, *curia*, сенат, *cura morum*.

The Customs of the Curia as a source of Constitutional Law in Rome during the Republic Era

Leonid Lv. Kofanov²

Abstract: according to classical lawyers, custom is an unwritten law, the will of the people, acting with his tacit consent. According to the constitution of Emperor Leo, what was adopted by the Senate was also considered custom. During the republic, the custom was understood by the Romans as a kind of ritual established by practice, primarily in the sacred sphere, led by priests and the senate. The Senate, according to Polybius (6. 16.3), had power only by virtue of custom. Custom also played a key role in the organization of all activities of the Senate: its convocation, internal hierarchy, voting, the order of meetings and decision-making. It was on the basis of customs that the Senate exercised general control over religious rites. At the same time, the customs of the Curia extended to international relations led by the Senate. Finally, the Senate also exercised judicial functions, according to the customs of the ancestors, punishing state and war criminals who violated the sacred foundations of the Roman state. At the same time, control over the activities of the Senate was carried out by plebeian tribunes and censors elected by the people. The latter not only re-elected the Senate, but also supervised its customs (*cura morum*). At the same time, custom, as the “best interpreter of the law” (D.1.3.37), allowed the Senate to make adjustments and changes to laws adopted by the people.

Keywords: *Consuetudo, mores maiorum*, custom, ritual, *curia*, senat, *cura morum*.

Я уже писал о первенствующей роли законов, а особенно Законов XII Таблиц, в создании и совершенствовании римской конституции в V–II вв. до нашей эры³. Однако нельзя

полностью отрицать и роль «обычаев предков» (*mores maiorum*) и *consuetudines* в становлении римского государственного устройства.

¹ Для цитирования: Кофанов А. А. Обычаи курии как источник конституционного права в Риме эпохи республики // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 78–85.

² For referense: Kofanov L. L. The Customs of the Curia as a source of Constitutional Law in Rome during the Republic Era // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 78–85.

³ См.: Кофанов А. А. *Lex и ius: Возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э.* М.: Статут, 2006. С. 319–342.

Роль обычного права в Риме, хотя и достаточно освещена в научной литературе¹, однако, по словам известного итальянского романиста Филиппа Галло, обычай до сих пор остается «великим неизвестным»². Тем не менее, древние авторы II–I вв. до нашей эры — Полибий³ и Цицерон⁴, излагая основы и историю римской конституции, отмечают, что она основывалась на «обычаях и законах».

Чтобы понять, каковы эти обычаи и какую роль они сыграли в становлении римского государства и конституции, обратимся к древним источникам.

Классические римские юристы, используя для обозначения римского обычая латинские термины *mos* и *consuetudo*, понимают его как «все то, что одобрено долговременным обычаем и соблюдается в течение многих лет», как «молчаливое соглашение граждан»⁵, причем считается, что «обычай является наилучшим толкователем закона»⁶ и «должен иметь силу закона»⁷. Более того, согласно Юлиану, обычай — это «то, что народ одобрил, не записав... путем дел и действий», и сами «законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех путем неприменения»⁸.

Еще одно интересное определение можно найти в 52 титуле Кодекса Юстиниан, разбирающем,

«что есть долговременный обычай»⁹. В конституции империи Льва 469 г. нашей эры дается следующее определение:

«Одобренный и неукоснительно соблюдаемый древний обычай подобен законам, и он поддерживает их. И мы приказываем, чтобы все обычаи, соблюдавшиеся в управлениях, сенатах, гражданских общинах, на командных постах и в коллегиях, имели силу вечного закона»¹⁰.

Здесь обращает на себя внимание уточнение, согласно которому «древний обычай» складывался, в частности, «в сенатах» и «в гражданских общинах».

Весьма неожиданное определение обычая дается в более раннем источнике: в словаре Феста «О значении слов»:

«Обычай — это установление предков, то есть память былых поколений, относящаяся главным образом к религиозным обрядам и церемониям древних»¹¹.

Таким образом, обычаи предков Фест связывает, прежде всего, с религией и сакральными ритуалами, в связи с чем следует вспомнить и его определение слова «ритуал»:

«Ритуал — это обычай, одобренный в осуществлении жертвоприношений. Принятый обычай — это тот, который государство по доброй воле приняло от чужих»¹².

¹ Solazzi S. La desuetudine della legge // Archivio Giuridico. Vol. 102. Modena, 1929. pp. 3–27; Pitzorno B. Il diritto romano come diritto consuetudinario // «Per il XIV Centenario Cod. giustiniana», Studi pubblicati dalla Facoltà Di Giurisprudenza di Pavia 1934, pp. 743 ss.; Guarino A. La consuetudine e la legge alla luce dell'esperienza Romana // Diritto e Giurisprudenza. 71 1956. P. 413–427; Gioffredi C. Mores // Novissimo Digesto Italiano, XI, Torino 1965, pp. 919 ss.; De Francisci P. Appunti intorno ai 'mores maiorum' e alla storia della proprietà romana // Studi A. Segni, Milano, 1967, 623–634; Gallo F., Lantella F. Interpretazione e formazione consuetudinaria del diritto, Torino, 1971, 47–48, 153 ss.; Idem. La consuetudine nel diritto romano // Atti del colloquio romanistico-canonistico, Roma, 1979, 103 ss.; Casado Candelas M. J. Recte et rictae. Reflexiones sobre el derecho consuetudinario romano // Anuario da Faculdade de Dereito da Universidade da Coruca 2006; Bobbio N. La consuetudine come fatto normativo, Torino 2010. Bove L. La consuetudine in diritto romano. I. Dalla repubblica all'eta dei Severi. Napoli, 1971.

² Gallo F. La consuetudine grande sconosciute // Rivista di diritto Romano. XIII. 2013. P. 1–16.

³ Polyb. 6. 47: «Я полагаю, что каждому государственному устройству присущи два начала... Начала эти — обычаи и законы (ἔθη καὶ νόμοι)».

⁴ Cic. De rep. II. 64: Laudavisse mihi videris nostram rem publicam... Nec tamen didici ex oratione tua, istam ipsam rem publicam, quam laudas, qua disciplina, quibus moribus aut legibus constituere vel conservare possimus. «Ты похвалил, кажется мне, наше государство... Но я все же не узнал из твоих слов, какими порядками, какими обычаями или законами можем мы установить или сохранить то самое государство, которое ты превозносишь».

⁵ D.1.3.35 (Herm.): ea, quae longa consuetudine comprobata sunt ac per annos plurimos observata, uelut tacita civium conventio... servantur.

⁶ D.1.3.37 (Herm.): ...optima enim est legum interpretatio consuetudo.

⁷ D.1.3.38 (Call.): ...consuetudinem... uim legis optinere debere. Cp.: Isid. Orig. V. 3. 2: Mos est vetustate probata consuetudo sive lex non scripta. «Обычай — это одобренное древностью обыкновение или неписанный закон».

⁸ D.1.3.32.1 (Iul.): ... ea, quae sine ullo scripto populus probavit... rebus ipsis et factis... leges non solum suffragio legis latoris, sed etiam tacito consensu omnium per desuetudinem abrogantur.

⁹ C.8.52. Quae sit longa consuetudo.

¹⁰ C.8.52.3: Leges quoque ipsas antiquitus probata et servata tenaciter **consuetudo** imitatur et retinet: **et quod officiiis curiis** civitatibus principibus vel collegiis praestitum fuisse cognoscitur, perpetuae legis vicem obtinere statuimus.

¹¹ Fest. 146L: Mos est <institutum pa>trium; id est memoria veterum pertinens maxime ad religiones <caerim>oniasque antiquorum.

¹² Fest. 364L: Ritus est mos conprobatus in administrandis sacrificiis. Receptus mos est, quem sua sponte civitas alienum adscivit. О ритуале в архаическом Риме см.: Piantelli M. Una ricerca su 'ritus' in epoca arcaica // Studi G. Grosso, VI, Torino, 1974, spec. te p. 289–293.

Наконец, Фест перечисляет принятые у римлян обычаи по религиозному оформлению создания городов, алтарей, храмов, важнейших государственных структур: триб, курий и центурий, и т. п., содержащиеся в особых «Ритуальных книгах» этрусков¹.

Немецкий романист Г. Петер справедливо отмечает особенность ритуальной и «церемониальной» составляющей, обеспечиваемой в Древнем Риме юристами-понтификами, хранителями обычаев². Действительно, задача хранения, соблюдения и интерпретации сакральных обычаев была со времен Нумы Помпилия возложена на коллегии понтификов³. Помпоний рассказывает, что со времени издания Законов XII Таблиц и в течение около 100 лет по обычаю именно понтифики давали толкование этим законам и ведали судопроизводством по частным делам⁴. В области международного права хранителями обычаев и ритуалов объявления войны была жреческая коллегия фециалов⁵.

Однако важнейшее значение имели обычаи, которые регулировали функции такого важнейшего конституционного органа, как римский сенат. Ведь, как отмечает в своем рассказе о римской конституции греческий историк II в. до нашей эры Полибий, сама «власть сената» принадлежала ему лишь «в силу обычая»⁶. Так, Тит Ливий пишет об «обычае царей обо всем совещаться с сенатом», который был уничтожен царем Тарквинием Гордым⁷. Возобновленный после изгнания царей, этот обычай вновь был ненадолго отменен узурпировавшими власть децемвирами в середине V в. до нашей эры⁸. Ведь сенат не мог самостоятельно, без приглашения магистрата провести свое заседание и, опять же по обычаю, собирался на форуме перед зданием Курии, в месте, называемом *senaculum*⁹, ожидая приглашения магистрата. Консул, вступив в должность, в тот же день, опять же по обычаю, созывал сенат¹⁰. Также возвращаясь из военного похода, магистрат по обычаю давал отчет в сенате¹¹.

¹ Fest. 358L: *Rituales nominantur Etruscorum libri, in quibus perscriptum est, quo ritu condantur urbes, arae, aedes sacrentur, qua sanctitate muri, quo iure portae, quomodo tribus, curiae, centuriae distribuuntur, exercitus constituentur, ordinentur, ceteraque eiusmodi ad bellum ac pacem pertinentia.* «Ритуальными называются книги этрусков, в которых описано по какому ритуалу основываются города, освящаются алтари и храмы, какой неприкосновенностью — городские стены, каким правом — ворота, каким образом разделяются трибы, курии, центурии, как должны формироваться и управляться войска, и прочие такого рода вещи, относящиеся к войне и миру».

² Peter H. *Römisches Recht und englisches Recht.* Wiesbaden, 1969. S. 81.

³ См.: Latte K. *Römische religionsgeschichte.* Мюнхен 1960, p. 195 ss.; Кофанов Л. Л. *Lex et ius...* С. 218–227; Он же. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. М., 2020. С. 407–428; Mastino F. *Natura, Interpretatio, Praescriptio. Tra diritto naturale Romano e diritto penale moderno. Un'ipotesi di comparazione. Tesi di dottorato...* Sassari 2011–2012 P. 38; Franchini L. *Il diritto casistico: esperienza romana arcaica e 'common law'* // *Diritto&Storia* n 10. 2011–2012 <https://dirittoestoria.it/10/Tradizione-Romana/Franchini-Esperienza-romana-arcaica-common-law.htm>.

⁴ D.1.2.2.6 (Pomp.): *omnium tamen harum et interpretandi scientia et actiones apud collegium pontificum erant, ex quibus constituebatur, quis quoquo anno praeesset priuatis. et fere populus annis prope centum hac consuetudine usus est.* «Знание всех этих прав, и умение толковать, и иски были в руках коллегии понтификов, и устанавливалось в каждом году, кто из среды понтификов будет вести частными делами; и почти 100 лет народ придерживался этого обычая».

⁵ Кофанов Л.Л. *Lex et ius...* С. 227–230; Он же. Система... С. 428–430.

⁶ Polyb. 6. 16. 3: *τῆς ἐξουσίας ... τῆς ὑπαρχούσης τῆ συγκλήτῳ κατὰ τοὺς ἐθισμοὺς.*

⁷ Liv. I. 47. 7: *hic enim regum primus traditum a prioribus morem de omnibus senatum consulendi soluit.* «Он первым из царей уничтожил унаследованный от предшественников обычай обо всем совещаться с сенатом...».

⁸ Liv. III. 38. 8: *postquam audita uox in foro est praeconis patres in curiam ad decemuiros uocantis, uelut noua res, quia intermiserant iam diu morem consulendi senatus, mirabundam plebem conuertit quidam incidisset cur ex tanto interuallo rem desuetam usurparent...* «После того как на форуме прозвучал голос глашатая, призывающий сенаторов в курию к децемвирам, пораженные этой удивительной переменной плебей — ведь обычаю совещаться с сенатом не следовали уже давно — стали спрашивать, что произошло, отчего после такого перерыва вдруг прибегли к забытому средству».

⁹ См.: Fest. *Senacula tria 470L: Senacula tria fuisse Romae, in quibus senatus haberi solitus sit...* Unum, ubi nunc est aedis Concordiae inter Capitolium et Forum, in quo solebant magistratus dumtaxat cum senioribus deliberare. «В Риме было три сенакулы, в которых обычно проводился сенат... Первая, где ныне находится храм Конкордии между Капитолием и форумом, где магистраты имели обыкновение совещаться только с сенаторами». Ср.: Liv. XLI. 27. 7.

¹⁰ Liv. 26. 26. 5: *M. Marcellus cum idibus Martiis consulatum inisset, senatum eo die moris modo causa habuit professus...* «Марк Марцелл, в мартовские иды вступив в должность консула, в тот же день по обычаю созвал сенат...».

¹¹ Liv. 28. 9. 7: *in senatu cum more omnium imperatorum expositis rebus ab se gestis postulassent ut pro re publica fortiter feliciterque administrata et dis immortalibus haberetur honos et ipsis triumphantibus urbem inire liceret...* «В сенате, по обычаю всех командующих, они доложили о своих действиях и предложили за решительное и счастливое ведение дел воздать почести бессмертным богам, а для себя попросили разрешения войти в Город с триумфом».

Далее, по обычаю предков составлялся и список магистратов, имевших право созывать сенат и после проведения заседания издавать принятый сенатусконсулт¹.

Не менее важен и «обычай предков» выбирать принцепса сената, которым должен был стать старейший из сенаторов, уже бывший цензором². Далее, обычай запрещал принимать сенатусконсулты в месте, не освященном авгурами³, или принимать их в ночное время⁴. Очень интересное описание обычаев по порядку проведения заседаний сената дает Варрон:

«Вслед за этим в том же месте Варрон дает множество указаний: о том, в какие дни неправомерно созывать сенат; о том, что желающий собрать сенат должен сперва принести жертвы и провести ауспиции; о том, что, обращаясь к сенату, следует доложить прежде всего о делах божественных, а потом о человеческих; что далее необходимо докладывать либо о государственных делах в целом, либо о каждом отдельном деле конкретно; о том, что сенатусконсулт принимается двумя способами: или дисцессией, если [между сенаторами] есть согласие, или, если [рассматри-

ваемое] дело сомнительно, путем выяснения мнения каждого; спрашивать же каждого следовало согласно его положению и начинать нужно было с [лиц] консульского ранга. Раньше обыкновенно

Среди обычаев сената особое место занимали функции принятия иностранных посольств

первым спрашивали того, кто был избран принцепсом сената. Однако когда [Варрон] это писал, возник, по его словам, новый обычай, основывавшийся на угодничестве и личной приязни, когда председательствующий в сенате первым спрашивает того, кого хочет спросить, лишь бы он был консульского ранга»⁵.

Тот же Варрон сообщает об обычае ареста имущества или штрафа сенатора, не явившегося на заседание⁶.

Среди обычаев сената особое место занимали функции принятия иностранных посольств. Так, сенат по обычаю выделял послам казенную квартиру и питание⁷, вручал дары и другие почести⁸.

¹ Gell. XIV. 7. 4: Primum ibi ponit, qui fuerint, per quos more maiorum senatus haberi soleret, eosque nominat: dictatorem, consules, praetores, tribunos plebi, interregem, praefectum urbi; neque alii praeter hos ius fuisse dixit facere senatusconsultum, quotiensque usus uenisset, ut omnes isti magistratus eodem tempore Romae essent, tum quo supra ordine scripti essent, qui eorum prior aliis esset, ei potissimum senatus consulendi ius fuisse ait... «Прежде всего (Варрон) указывает тех, кто, согласно обычаю предков, традиционно созывал сенат, и называет их: диктатор, консул, преторы, плебейские трибуны, интеррекс, префект города. По его словам, никто, кроме них, не имел права издавать сенатусконсулт, и всякий раз, когда возникала необходимость, чтобы все эти магистраты были в Риме в одно и то же время, тогда, в соответствии с указанным списком, тот, кто стоял в нем раньше прочих, имел преимущественное право проводить заседание сената».

² Liv. 27. 11. 10: Cornelius morem traditum a patribus sequendum aiebat ut qui primus censor ex iis qui uiuerent fuisset, eum principem legerent. «Корнелий утверждал, что надо держаться обычая предков и первым в сенате ставить того, кто первый из ныне живущих сенаторов был в свое время цензором».

³ Gell. XIV. 7. 7: Tum adscriptis de locis, in quibus senatusconsultum fieri iure posset, docuitque confirmauitque, nisi in loco per augures constituto, quod 'templum' appellaretur, senatusconsultum factum esset, iustum id non fuisse. «Далее он [Варрон] написал относительно мест, где, согласно праву, могло быть принято постановление сената, а также разъяснил и удостоверил, что сенатусконсулт не считался правомочным, если не был принят в месте, определенном авгурами и именуемом templum (освященное место)».

⁴ Gell. XIV. 7. 8: Post haec deinceps dicit senatusconsultum ante exortum aut post occasum solem factum ratum non fuisse; opus etiam censorum fecisse existimatos, per quos eo tempore senatusconsultum factum esset. «Затем он говорит, что сенатусконсулт, принятый до восхода или после заката солнца, не имеет должной силы; считалось, что те, чьими стараниями сенатусконсулт был принят в такое время, совершили проступок, подлежащий цензорскому суду».

⁵ Gell. XIV. 7. 9-10: Docet deinde inibi multa: quibus diebus haberi senatum ius non sit; immolareque hostiam prius auspicarique debere, qui senatum habiturus esset, de rebusque diuinis prius quam humanis ad senatum referendum esse; tum porro referri oportere aut infinite de republica aut de singulis rebus finite; senatusque consultum fieri duobus modis, aut per discessionem, si consentiretur, aut, si res dubia esset, per singulorum sententias exquisitas; singulos autem debere consuli gradatim incipique a consulari gradu. Ex quo gradu semper quidem antea primum rogari solitum, qui princeps in senatum lectus esset; tum autem, cum haec scriberet, nouum morem institutum refert per ambitionem gratiamque, ut is primus rogaretur, quem rogare uellet, qui haberet senatum, dum is tamen ex gradu consulari esset.

⁶ Gell. XIV. 7. 10: 10. Praeter haec de pignore quoque capiendi disserit deque multa dicenda senatori, qui, cum in senatum uenire deberet, non adesset. «Кроме того, (Варрон) рассуждал также о взимании залога и о назначении штрафа сенатору, который должен явиться в сенат, но не пришел».

⁷ Liv. 42. 26. 5: Plurii uocati in senatum... quaesitum est, quid ita non adissent magistratum, ut ex instituto loca, lautia acciperent, ...? haesitantibus in responso, ut curia excederent, dictum. «Иллирийцы были вызваны в сенат... Там спросили: почему в таком случае они не явились к магистрату, чтобы получить по установившемуся обычаю стол и квартиру от государства...? Те затруднились с объяснением и получили приказ покинуть курию».

⁸ Liv. 42. 24. 10: ita regulus Carthaginensesque dimissi. munera ex instituto data utrisque aliaque hospitalia comiter conseruata. «С таким ответом (сената) князь и карфагеняне были отпущены, получив по обычаю дары и другие подобающие гостям почести».

Также «по обычаю» магистрат предлагал сенаторам расспросить прибывших послов¹. В случае необходимости сенат «по обычаю предков» выбирал из своего числа и послов в другие страны².

Обычаем считалось и право сената своими постановлениями продлевать магистратскую власть, например власть цензоров³. Сами сенатусконсулты воспринимались древними не как законы, а как нормы, создающие обычай⁴, который становится законом лишь после утверждения его народом (Dionys. VII. 38. 4). Даже во II в. нашей эры у римских юристов было сомнение в том, имеет ли постановление сената силу закона⁵, хотя, как обычай, оно и признавалось правом⁶.

В республиканском Риме первой половины V в. до нашей эры сенат и патрицианские магистраты вершили суд, опираясь именно на обычай⁷, отказываясь подчиняться установленным

народом законам и стремясь жить «по обычаям предков»⁸. Поэтому важнейшей функцией сената был контроль за исполнением самых разнообразных «обычаев предков». Особенно тщательно сенат следил за исполнением отеческих религиозных обычаев и ритуалов. Особое право у отцов сенаторов на основании обычая предков относилось к контролю за авспициями, так как «кто же по обычаям предков вершит птицегадания? Конечно, отцы-сенаторы»⁹. Это касалось и многих других основанных на обычаях ритуалов. Так, в 311 г. до нашей эры сенат постановил восстановить древний обычай флейтчиков обедать в храме Юпитера¹⁰. В 304 г. до нашей эры сенат заступился за обычай предков освящать алтари и храмы только консулам и имеющим империй¹¹. В 213 г. сенат озаботился защитой римских ритуалов от иноземных суеверий¹², а в 186 г. до нашей эры «было принято постановление сената, впредь

¹ Liv. 30. 22. 5: cum more tradito [a] patribus potestatem interrogandi, si quis quid uellet, legatos praetor fecisset, senioresque qui foederibus interfuerant alia alii interrogarent... «Когда же претор по обычаю предложил сенаторам расспросить послов, о чем им будет угодно, и старики, участвовавшие в заключении прежнего договора, стали задавать им вопросы ...».

² Liv. 33. 24: et ad aedem Bellonae senatus datus. ibi haud multa uerba facta, cum Macedones quodcumque senatus censuisset id regem facturum esse dicerent. decem legati more maiorum... «Сенат принял их в храме Беллоны; (6) обсуждение было немногословным, поскольку македоняне заявили, что царь согласится с любым мнением сената. (7) По обычаю предков было выбрано десять послов...»; Liv. 37. 55. 4: audita deinde et aliae legationes ex Asia sunt. quibus omnibus datum responsum decem legatos more maiorum senatum missurum ad res Asiae disceptandas componendasque. «Потом были выслушаны и другие посольства из Азии. Всем им было сказано, что сенат по обычаю предков отправит десять легатов, дабы рассмотреть и решить все азиатские дела».

³ Liv. 45. 15. 9: petentibus, ut ex instituto ... probanda anni et sex mensum tempus prorogaretur, Cn. Tremellius tribunus, quia lectus non erat in senatum intercessit. Однако когда они по обычаю попросили (сенаторов) продлить себе срок на полтора года... трибун Гней Треллий, исключенный цензорами из сената, наложил на это запрет. О сенатском праве на prorogatio imperii подробнее см.: Buti I. Appunti in tema di «prorogatio imperii» III // Annali della Facolta Giuridica dell'Universita di Camerino. N.3. 2014, 1-41; Ткаченко Д. Н. Военная власть римских проконсулов IV-III вв. до н. э. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. № 2 (36). 2016, 59-62; Кофанов Л.Л. Система... С. 97.

⁴ Dionys. VII. 38. 3: «...начало должен положить сенат, приняв предварительное постановление: таков у нас обычай, унаследованный от отцов»; Dionys. VIII. 80. 1: «Но, хотя некоторые замыслили казнить и сыновей Кассия, сенат счел данную меру ужасной и вредной и, собравшись, постановил, чтобы отроки были освобождены от кары и жили в полной безопасности, не будучи наказаны ни изгнанием, ни лишением гражданских прав, ни другим образом. И с тех пор этот обычай укоренился у римлян, соблюдаясь вплоть до нашего времени...».

⁵ Gai. Inst. I. 4: Senatusconsultum est, quod senatus iubet atque constituit, idque legis uicem optinet, quamuis fuerit quaesitum. «Сенатское постановление есть то, что сенат повелевает и устанавливает; оно имеет силу закона, хотя это было спорно».

⁶ D.1,3,9 (Ulp): No<n> ambigitur senatum ius facere posse. «Нет сомнения, что сенат может творить право».

⁷ Dionys. X. 1. 4: Бульшая часть (судебных) решений консулов соответствовала обычаям властей, избираемых на свои должности исходя из знатности происхождения.

⁸ Dionys. X. 55. 3: Много прозвучало (в сенате) речей с обеих сторон, причем одни ратовали за то, чтобы государство управлялось по законам, а другие требовали сохранения обычаев предков.

⁹ Liv. 6. 41. 5: penes quos igitur sunt auspicia more maiorum? nempe penes patres. Ср.: Liv. 10. 8. 9.

¹⁰ Liv. 9. 30. 5-6: ...ad religionem uisa esset pertinere. tibicines, quia prohibiti a proximis censoribus erant in aede Iouis uesci quod traditum antiquitus erat, aegre passi Tibur uno agmine abierunt, adeo ut nemo in urbe esset qui sacrificiis praecineret. eius rei religio tenuit senatum legatosque Tibur miserunt: [ut] darent operam ut ii homines Romanis restituerentur. «Это относится к религии. Осердясь на запрет последних цензоров пировать по древнему обычаю в храме Юпитера, флейтчики всей гурьбой ушли в Тибур, и в Городе некому стало играть даже при жертвоприношениях. (6) Сенат, беспокоясь о соблюдении обрядов, отправил в Тибур послов сделать все возможное для возвращения этих людей римлянам».

¹¹ Liv. 9. 46. 6-7: more maiorum negaret nisi consulem aut imperatorem posse templum dedicare. itaque ex auctoritate senatus latum ad populum est ne quis templum aramue iniussu senatus aut tribunorum plebei partis maioris dedicaret. «...обычай предков запрещал освящать храмы всем, кроме консулов и полководцев. (7) И только тогда по воле сената народу был предложен на утверждение закон, запрещавший освящать храм без приказа сената или большинства трибунов».

¹² Liv. 25. 1. 7-11: nec iam in secreto modo atque intra parietes abolebantur Romani ritus, sed in publico etiam ac foro Capitolioque mulierum turba erat nec sacrificantium nec precantium deos patrio more... 11. M. Aemilio praetori [urb.] negotium ab senatu datum est ut eis religionibus populum liberaret. «От римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично: даже на форуме и в Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю... (11) Сенат поручил Марку Эмилию, городскому претору, избавить народ от этих суеверий».

запрещающее вакханалии в Риме и Италии»¹ как «жертвоприношения, не соответствующие римским обычаям»².

Особыми полномочиями обладал сенат и в случае внутривластных угроз римской республике. Речь идет о функциях сената как органа судебной власти, решения которого далеко не всегда утверждались народным собранием³. Так, в 133 г. до нашей эры плебейский трибун Тиберий Гракх, «объявленный (сенатом) врагом отечества, был наказан смертной казнью»⁴, причем сенаторы сами без всякого суда учинили расправу над ним (Plut. Tib. Gracch. 19) и его сторонниками, руководствуясь обычаями предков⁵.

Контролировал сенат и воинские обычаи⁶. Так, в 279 г. до нашей эры сенат своим постановлением разжаловал все побежденное Пирром войско (Val. Max. II. 7. 15b), в 216 г. до нашей эры сенат наказал изгнанием побежденное при Каннах войско (Val. Max. II. 7. 15c), в 212 г. до нашей эры он лишил войско годового жалования за утрату полководца (Val. Max. II. 7. 15d). Наконец, в 270 г. до нашей эры за нарушение присяги по приговору сената было обезглавлено по 50 воинов в день⁷, а всего 4000 человек (Liv. 28. 28. 3).

Такое всевластие сената, основанное на не всегда ясных народу сакральных обычаях, не мог-

ло оставаться безконтрольным, и еще в 494 г. до нашей эры был принят закон о плебейских трибунах, имевших право вето на любое решение сената и патрицианских магистратов⁸. Но особую

Особыми полномочиями обладал сенат и в случае внутривластных угроз римской республике

роль в контроле над обычаями сената сыграла должность цензоров⁹, созданная в 443 г. до нашей эры самими сенаторами с согласия плебейских трибунов (Liv. IV. 8. 5). Помимо проведения ценза их обязанностью стала так называемая *cura morum*, то есть «забота об обычаях» римского народа вообще, и сенаторов в особенности¹⁰. Кроме того, в их обязанности вошло и пополнение сената (*lectio senatus*), дававшее им право исключать из курии недостойных сенаторов, что, согласно Ливию, впервые случилось уже в 434 г. до нашей эры (IV. 24. 8). Особенно известна цензура 312 г. до нашей эры, когда «цензор Аппий Клавдий ... выбрал в сенат детей вольноотпущенников»¹¹, исключив из него лучших сенаторов (Liv. IX. 30. 1–2). В 275 г. из сената был исключен Корнелий Руфин «за дурной пример роскоши» (Val. Max.

¹ Liv. 39. 18. 8: *senatus consulto cautum est, ne qua Bacchanalia Romae neve in Italia essent.*

² Liv. 39. 16. 8: *quotiens hoc patrum auorumque aetate negotium est magistratibus datum, uti sacra externa fieri uetarent, sacrificulos uatesque foro circo urbe prohiberent, uaticinos libros conquirerent comburerentque, omnem disciplinam sacrificandi praeterquam more Romano abolerent. iudicabant enim prudentissimi uiri omnis diuini humanique iuris nihil aeque dissoluendae religionis esse, quam ubi non patrio sed externo ritu sacrificaretur.* «Сколько уже раз во времена ваших отцов и дедов (сенат) поручал магистратам запретить иноземные ритуалы, изгнать с Форума, Цирка и вообще из столицы бродячих жрецов и гадалек, разыскать и сжечь книги мнимых пророчеств, отменить все жертвоприношения, не соответствующие римским обычаям. (9) Ведь они (сенаторы), хорошо разбираясь в праве божественном и людском, полагали, что нет ничего пагубнее для благочестия, чем совершать обряды не по обычаю предков, а на манер иноземцев».

³ См.: Кофанов Л. Л. Эволюция Римского республиканского сената: состав, избрание и судебные функции (часть 2) // Российское правосудие № 12. 2021. С. 42–66.

⁴ Val. Max. IV. 7. 1: *Ti. Gracchus ... hostis iudicatus, ultimo supplicio adfectus...*

⁵ Val. Max. IV. 7. 1: *nam cum senatus Rupilio et Laenati consulibus mandasset ut in eos, qui cum Graccho consenserant, <more> maiorum animaduerte<re>nt...* «Сенат назначил консулов Рупилия и Лената ответственными за наказание сторонников Тиберия по обычаю предков».

⁶ Val. Max. II. 7. 15a: *Sed tempus est eorum quoque mentionem fieri, quae iam non a singulis, uerum ab uniuerso senatu pro militari more obtinendo defendendoque administrata sunt.* «Теперь самое время рассказать о мерах, которые принимали не отдельные лица, но сенат в целом для поддержки и защиты воинских обычаев».

⁷ Val. Max. II. 7. 15f: *ac M. Fuluius Flacco tribuno plebi denuntiante ne in ciues Romanos aduersus morem maiorum animaduerneret, nihil minus propositum executus est... quinquagenos per singulos dies uirgis caesos securi percuti iussit...* «Несмотря на требование плебейского трибуна Марка Фурия Флакка не наказывать римских граждан вопреки обычаю предков, сенат все же осуществил свое намерение... он приказал обезглавливать топором по 50 человек в день...».

⁸ См.: Кофанов Л. Л. *Lex et ius...* С. 296–312.

⁹ Liv. IV. 8. 2: *idem hic annus censurae initium fuit, rei a parua origine ortae, quae deinde tanto incremento aucta est, ut morum disciplinaeque Romanae penes eam regimen, senatui equitumque centuriis decoris dedecorisque discrimen...* «Этот же год дал начало должности цензоров, сначала малозначительной, а потом так возвысившейся, что цензорам подчинялись римские обычаи и образ жизни, что в сенате и во всаднических центуриях им сделалось подвластно вынесение приговоров о достойном и недостойном...».

¹⁰ См.: Clemente G. *I censori e il senato. I mores e la legge* // Athenaeum. Studi Periodici di Letteratura e Storia dell'Antichita . 104/2. 2016. 446–500.

¹¹ Liv. Periocl. 9: *Appius Claudius censor ... libertinorum filios in senatum legit.*

II. 9. 4). В 307 г. до нашей эры из курии был изгнан из Луций Анний за то, что развелся с женой, не посоветовавшись с друзьями (Val. Max. 2.9.2.). В 252 г. до нашей эры из сената были изгнаны 16 сенаторов (Liv. Perioch. 18), а в 115 г. до нашей эры цензорами было исключено уже 32 сенатора (Liv. Perioch. 62). В 96 г. до нашей эры был исключен из сената плебейский трибун Дуроний за «принятый им закон об ограничении расходов на пиры» (Val. Max. II. 9. 5). Список исключений из сената можно продолжить¹, но важно отметить, что причины удаления могли быть самыми разнообразными по содержанию, хотя по форме ими были именно «плохие обычаи» (*mala consuetudines*) исключенных.

Подводя итоги, следует отметить, что обычай воспринимался римлянами как некий установленный практикой ритуал, прежде всего, в сакральной сфере, руководимой сенатом. Именно сенат осуществлял общий контроль за религиозными обрядами. Одновременно обычай курии распространялся и на руководимые сенатом международные отношения. Наконец, сенат осуществлял и судебные функции, по обычаям предков карая государственных и военных преступников, нарушивших сакральные основы римского государства. Обычай, как «наилучший толкователь закона» (D.1.3.37), позволял сенату вносить изменения и в принятые народом законы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кофанов Л. Л. *Lex et ius: Возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э.* М.: Статут, 2006. — 576 с.
2. Кофанов Л. Л. *Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата.* М.: Индрик, 2020. — 600 с.
3. Кофанов Л. Л. Эволюция Римского республиканского сената: состав, избрание и судебные функции (часть 2) // *Российское правосудие.* 2021. № 12. С. 42–66.
4. Ткаченко Д. Н. Военная власть римских проконсулов IV–III вв. до н. э. // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки.* 2016. № 2 (36). С. 59–62.
5. Astin A. E. *Regimen morum* // *The Journal of Roman Studies.* Volume 78. November 1988, pp. 14–34.
6. Bobbio N. *La consuetudine come fatto normative.* Torino, G. Giappichelli, 2010. P. 100.
7. Bove L. *La consuetudine in diritto romano. I. Dalla repubblica all'eta dei Severi.* Napoli, Jovene, 1971. 198 p.
8. Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii» III* // *Annali della Facolta Giuridica dell'Universita di Camerino.* 2014, N 3, p. 1–41.
9. Gallo F., Lantella F. *Interpretazione e formazione consuetudinaria del diritto,* Torino, G. Giappichelli, 1971. 225 p.
10. Gallo F. *La consuetudine nel diritto romano* // *Atti del colloquio romanistico-canonistico,* Roma, 1979, pp. 98–112; Casado Candelas M.J. *Recte et richte. Reflexiones sobre el derecho consuetudinario romano* // *Anuario da Faculdade de Direito da Universidade da Corua,* №10, 2006, pp. 171–216.
11. Gallo F. *La consuetudine grande sconosciute* // *Rivista di diritto Romano.* XIII. 2013, pp. 1–16.
12. Guarino A. *La consuetudine e la legge alla luce dell'esperienza Romana* // *Diritto e Giurisprudenza.* 71 (1956), pp. 413–427.
13. Gioffredi C. *Mores* // *Novissimo Digesto Italiano,* XI, Torino 1965, pp. 919 ss.
14. De Francisci P. *Appunti intorno ai 'mores maiorum' e alla storia della proprieta romana* // *Studi A. Segni,* Milano, vol. I, 1967, p. 615 ss.
15. Franchini L. *Il diritto casistico: esperienza romana arcaica e 'common law'* // *Diritto&Storia* n 10. 2011–2012 // <https://dirittoestoria.it/10/Tradizione-Romana/Franchini-Esperienza-romana-arcaica-common-law.htm> (дата обращения: 30.05.2024).
16. Latte K. *Rumische religionsgeschichte.* Мюнхен: Beck, 1960. 445 p.
17. Mastino F. *Natura, Interpretatio, Praescriptio. Tra diritto naturale Romano e diritto penale moderno. Un'ipotesi di comparazione. Tesi di dottorato...* Sassari 2011–2012. 179 p.
18. Peter H. *Rumisches Recht und englisches Recht.* Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1969. 50 p.
19. Piantelli M. *Una ricerca su 'ritus' in epoca arcaica* // *Studi G. Grosso,* VI, Torino, 1974, spec.te p. 289–293.
20. Pitzorno B. *Il diritto romano come diritto consuetudinario* // «Per il XIV Centenario Cod. giustiniana», *Studi pubblicati dalla Facolta Di Giurisprudenza di Pavia* 1934, pp. 743 ss.

¹ Список изгнанных сенаторов в отдельные цензуры см.: *Willems P.* *Le Senat de la Republique Romaine.* I. Louvain-Paris 1878. pp. 265–580; *Astin A.E.* *Regimen morum* // *Journal of Roman Studies.* 78. 1988. P. 28.

21. Solazzi S. La desuetudine della legge // Archivio Giuridico. Vol. 102. Modena, 1929. pp. 3–27.
22. Willems P. Le Senat de la Republique Romaine. I. Louvain-Paris, 1878. 1422 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кофанов Леонид Львович

профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва), доцент. E-mail: leokofanov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0692-0188.

AUTHOR'S DETAILS

Leonid Lv. Kofanov

Professor of the Department of International Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Leading Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Associate Professor. E-mail: leokofanov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0692-0188.

УДК 346.1

Холдинг в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли реального сектора экономики

Е. О. Пашинина¹

Аннотация: в статье холдинг рассматривается как правовое средство — совокупность правовых норм в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности. В рамках указанного подхода автор поднимает вопрос об эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли, сохраняющей ключевое значение для социально-экономического развития страны. Категория эффективности правовых средств рассматривается автором с учетом целей и задач регулятора в части обеспечения экономической безопасности страны и модернизации нефтегазового комплекса. В статье анализируются особенности общественных отношений в нефтегазовой отрасли экономики, выделяется цель правового регулирования предпринимательской деятельности в указанной отрасли, определяются критерии эффективности правовых средств: соответствие правовых средств ценностно-целевой детерминации, применимость и соблюдение юридической техники. На основе анализа специальной литературы автор приходит к выводу о том, что нефтегазовый холдинг представляет собой эффективное правовое средство обеспечения баланса публично-правовых и частноправовых интересов на всех стадиях жизненного цикла нефтегазовой продукции.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, правовое средство, холдинг, нефтегазовый холдинг, реальный сектор экономики, эффективность права

Holding company in the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in the oil and gas industry of the real sector of the economy

Elena O. Pashinina²

Abstract: in this article, the holding company is considered not from the point of view of its institutional form, but as an artificial formation — a set of legal norms in the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity. This approach allows the author to assess the effectiveness of legal regulation of entrepreneurial activity in the oil and gas industry, which remains of key importance for the socio-economic development of the country. The article analyzes the features of public relations in the oil and gas sector of the economy, highlights the purpose of legal regulation of entrepreneurial activity in this industry, and defines criteria for the effectiveness of legal means: compliance of legal means with value-target determination, applicability and compliance with legal techniques. Based on the analysis of the special literature, the author comes to the conclusion that the oil and gas holding company represents an effective legal means of ensuring a balance of public and private legal interests at all stages of the life cycle of oil and gas products.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal means, holding company, oil and gas holding company, real sector of economy, effectiveness of law

Реальный сектор российской экономики сохраняет важнейшую роль для устойчивого развития страны.

В структуре реального сектора экономики России преобладают сырьевые отрасли, производство и реализация энергии, что обусловлено

¹ Для цитирования: Пашинина Е. О. Холдинг в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли реального сектора экономики // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 86–90.

² For referense: Pashinina E. O. Holding company in the mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity in the oil and gas industry of the real sector of the economy // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 86–90.

значительным природно-ресурсным потенциалом страны и высоким спросом внешнего рынка на сырье и топливо.

Топливо-энергетический комплекс в научной литературе определяется как совокупность отраслей промышленности, осуществляющих добычу и переработку разных видов первичных топливных и энергетических ресурсов (угольных, нефтяных, газовых, гидравлических, ядерных, геотермальных, биологических и др.), а также преобразующих эти энергоресурсы в тепловую и электрическую энергию или в моторное топливо¹.

В составе ТЭКа отдельно выделяют нефтяную и газовую отрасли промышленности, которые включают в себя экономические отношения в сфере поиска, разведки, добычи, транспортировки, переработки, реализации нефти и газа². Нефтегазовая отрасль в долгосрочной перспективе сохраняет ключевую роль как основа формирования доходов бюджетной системы Российской Федерации, в связи с чем эффективность предпринимательской деятельности в указанной отрасли имеет непосредственное влияние на экономическое и социальное развитие страны.

Одна из ключевых особенностей экономических отношений в нефтегазовой отрасли заключается в преобладании в этой отрасли крупных холдингов. По состоянию на 01.01.2021 добычу нефти и газового конденсата на территории России осуществляли 285 организаций, в том числе 98 организаций, входящих в структуру 11 вертикально интегрированных компаний, на долю которых, по итогам года, суммарно пришлось 84,1% всей национальной нефтедобычи³.

Как отмечается в документах стратегического характера, развитие реального сектора экономики, создание высокотехнологичных производств и новых отраслей экономики на основе перспективных высоких технологий обеспечивают достижение экономической безопасности.

В настоящее время следует констатировать серьезные изменения экономических отношений. Технологическая зависимость (в первую очередь, в части программного обеспечения) от зарубежного рынка актуализирует вопрос обеспечения национального экономического суверенитета и опреде-

ляет необходимость развития собственных производств на территории России.

В этой связи Президентом Российской Федерации поставлена задача обеспечить к 2030 году снижение доли импорта товаров и услуг в структуре валового внутреннего продукта до 17 процентов.

Реальный сектор экономики охватывает обширные группы общественных отношений, которые выступают предметом правового регулирования различных правовых норм

Кроме того, в условиях цифровой трансформации экономики и динамично меняющегося законодательства возникают ряд практических и теоретических проблем: конфликты между мажоритариями и миноритариями, менеджерами и акционерами, контролирующими акционерами и государством, последствия концентрации собственности, специфика государства как акционера с особыми целевыми установками влекут повышенное внимание к вопросам поиска эффективных механизмов корпоративного управления в реальном секторе экономики.

В сложившейся ситуации неизбежно изменится и правовая основа развития экономики, что создает предпосылки для оценки эффективности правовых средств, составляющих в своем системном единстве механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики.

Итак, для рассмотрения вопроса об эффективности правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли реального сектора экономики, прежде всего, определим понятийно-категориальный аппарат.

Не затрагивая научную дискуссию об определении понятия «реальный сектор экономики», отметим, что, на наш взгляд, указанный термин следует рассматривать как часть экономической системы, объединяющую отрасли в сфере материального производства, включая информацион-

¹ Львов Д. С. Экономика развития / Д. С. Львов. М.: «Экзамен», 2002. С.51.

² Правовое регулирование хозяйственных (предпринимательских) отношений в топливно-энергетическом комплексе: Учебное пособие / Салиева Р. Н., Чижиков Ю. Н., Фаткудинов З. М. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. С. 13.

³ Сайт Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/oil/main-characteristics> (дата обращения: 19.05.2024).

но-технологическую, социально-культурную подсистемы.

Реальный сектор экономики охватывает обширные группы общественных отношений, которые выступают предметом правового регулирования различных правовых норм.

Общественным отношениям, складывающимся в нефтегазовой отрасли экономики, присущи осо-

Эффективность деятельности нефтегазовых холдингов, их финансовая, правовая, информационная, экологическая безопасность продолжают обеспечивать фундамент долгосрочного развития российской экономики

бенности, определяющие специфику их правового регулирования.

Во-первых, предпринимательская деятельность в нефтегазовой промышленности осуществляется хозяйствующими субъектами разных отраслей, обеспечивая единый жизненный цикл продукции из углеводородного сырья.

В нефтегазовом комплексе действует лицензионная система, направленная на обеспечение публичных интересов, а также на предоставление равных прав на получение права пользования недрами. Лицензия, с одной стороны, оформляет право недропользования конкретного лица, а с другой стороны, выступает правовым условием реализации указанного права.

Во-вторых, объектом отношений в нефтегазовом комплексе выступают энергоресурсы (нефть и газ), а также ряд специфических объектов, таких как имущественные комплексы, сооружения, геологическая информация, программные средства информационной системы ТЭКа, др. Топливо-энергетические ресурсы социально значимы и не возобновляемы.

Государство за счет использования нефтегазовой продукции увеличивает показатель внутреннего валового продукта и пополняет бюджеты. Около 40 % всех доходов федерального бюджета составляют нефтегазовые доходы. Бюджетные средства обеспечивают выполнение задач и функ-

ций государства, в том числе в сфере повышения уровня жизни населения.

В-третьих, к особенностям экономических отношений в нефтегазовой отрасли промышленности следует отнести повышенные предпринимательские риски. Помимо исчерпаемости запасов, рисков открытия месторождений и их коммерческой рентабельности, постоянного изменения цен, налогов и тарифов, Правительство РФ также обозначает:

- высокую ценовую конкуренцию на рынке со стороны иностранной продукции;
- отсутствие долгосрочного спроса на продукцию;
- нехватку инвестиций, высокую закредитованность;
- отсутствие российских инжиниринговых компаний.

В-четвертых, как было отмечено ранее, в данном отраслевом комплексе доминируют крупные вертикально интегрированные объединения.

Эффективность деятельности нефтегазовых холдингов, их финансовая, правовая, информационная, экологическая безопасность продолжают обеспечивать фундамент долгосрочного развития российской экономики.

Холдинг как экономико-правовая категория анализируется авторами на протяжении ни одного десятилетия. Несмотря на активное участие холдингов в имущественных отношениях и существующие доктринальные разработки в данной области, остается актуальной проблема эффективности правового регулирования холдинговых отношений. По мнению автора, обновлению юридического дискурса в данной проблеме будет способствовать рассмотрение холдинга не как субъекта, а как искусственного образования — правового средства в механизме правового регулирования.

Механизм правового регулирования — это ключевой теоретический и методологический инструмент юридической науки¹.

Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли экономики мы рассматриваем как взаимосвязанную систему публично-правовых и частноправовых средств, посредством которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения в указанной отрасли.

¹ Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 91.

Интегрирующим началом для элементов механизма правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли промышленности является правовая цель. Безусловно, корректнее говорить о системе правовых целей: от целей общего порядка (закрепленных в Конституции РФ) до конкретных целей хозяйствующих субъектов и контролирующих лиц.

На наш взгляд, целью правового регулирования предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли является создание правовых основ высокотехнологичной, конкурентоспособной нефтегазовой промышленности, обеспечивающей сохранение и поддержание благоприятной окружающей среды, повышение уровня жизни населения страны.

Систему частноправовых средств, обеспечивающих правовое регулирование предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли, в том числе образуют нормы о договорах и гражданско-правовой ответственности.

Среди договорных инструментов обеспечения эффективности правового регулирования в нефтегазовой отрасли следует отметить соглашения о разделе продукции, концессионные соглашения, договоры купли-продажи сырой нефти и газа, соглашения о совместной деятельности, лицензионные договоры.

К мерам гражданско-правовой ответственности, в частности, можно отнести возмещение вреда, причиненного недрам (ст. 51 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»).

Как справедливо отметил С. С. Алексеев, правовые средства — это весь спектр правовых явлений разных уровней с учетом их функционального предназначения и тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования¹. В этой связи при определении исследуемой категории, на наш взгляд, следует придерживаться широкого подхода, не ограничивая ее содержанием перечислением отдельных элементов правовой действительности.

Вышеизложенное позволяет рассмотреть холдинг как элемент механизма правового регулирования — системы правовых норм, в первую очередь, о корпоративном управлении, корпоративных правах, ответственности контролирующего лица.

В рамках данного концепта холдинг представляет собой эффективное правовое средство обеспечения баланса публично правовых и частноправовых интересов, позволяет формально самостоятельным субъектам права согласованно участвовать в имущественном обороте за счет обеспеченной правовыми нормами возможности холдинговой компании определять решения, принимаемые другими участниками холдинга.

Нефтегазовый холдинг, на наш взгляд, можно определить как многосоставное правовое средство в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности на всех стадиях жизненного цикла нефтегазовой продукции

Нефтегазовый холдинг, на наш взгляд, можно определить как многосоставное правовое средство в механизме правового регулирования предпринимательской деятельности на всех стадиях жизненного цикла нефтегазовой продукции.

Вопрос об оценке эффективности правовых средств, обеспечивающих модернизацию энерго-сырьевого комплекса и долгосрочное развитие экономики страны в рамках национальных целей, является емким, сложным, многоаспектным. Данный вопрос осложняется отсутствием единого понимания самой категории эффективности, поскольку она имеет разные междисциплинарные аспекты, а в правовой доктрине существует различные типы правопонимания, представления о функциях права. Соответственно, отличаются позиции авторов относительно критериев и показателей, с помощью которых определяется эффективность как степень соответствия результата и усилий.

Кроме того, оценка эффективности правового регулирования предполагает комплексное исследование объекта воздействия права, предмета законодательного регулирования, участников экономических отношений, результатов правоприменения и правореализации.

Не освещая все проанализированное нами многообразие сложившихся в доктрине точек зре-

¹ Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 347.

ния по указанным выше вопросам, отметим следующее.

Эффективность правовых средств, определяемая через соотношение достигнутого результата и использования минимально возможных затрат, на наш взгляд, следует оценивать по следующим критериям: соответствие правовых средств ценностно-целевой детерминации, применимость и соблюдение юридической техники.

Указанные критерии являются универсальными, но применительно к предпринимательской деятельности в нефтегазовой отрасли содержательно раскрываются через специфику соответствующих правоотношений.

Так, соответствие правовых средств ценностно-целевой детерминации предполагает соблюдение баланса коммерческих и некоммерческих (социально-значимых) целей и интересов. Однако, если учесть особенности предмета правового регулирования, смещение в сторону публичного интереса (обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды, соблюдение интересов нынешнего и будущего поколений), на наш взгляд, коррелирует с целями правовой регламентации в нефтегазовой отрасли.

Применимость как критерий эффективности правовых средств предполагает реальную возможность реализации закрепленных в правовых нормах установлений с учетом факторов внешней среды, правовой перспективы, формы правового воздействия.

Соблюдение юридической техники представляется особенно актуальным с учетом разрозненности массива нефтегазового законодательства. В этой связи принципиально важно обеспечить:

— понятийное и терминологическое единообразие, соблюдение требований формальной логики. Основные термины должны способствовать универсальному применению соответствующих правовых норм;

— системную связь нормы с существующими правовыми нормами.

Российская нефтегазовая отрасль — часть мировой системы энергообеспечения. Принимая во внимание евразийскую экономическую интеграцию, при оценке эффективности правовых средств следует учитывать правовые условия формирования и функционирования общего электроэнергетического рынка, запуск которого запланирован до 1 мая 2025 г.

С учетом изложенного полагаем, что теоретически обоснованная юридическая конструкция холдинга как совокупности правовых норм, соответствующих критериям ценностно-целевой детерминации, применимости и соответствия юридической технике, может послужить основанием для формирования соответствующей конструкции в законодательстве и станет отправной точкой для решения социально-экономических задач и актуальных проблем правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
2. Львов Д. С. Экономика развития / Д. С. Львов. М.: «Экзамен», 2002. 511 с.
3. Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 90–115.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашинина Елена Олеговна

соискатель кафедры предпринимательского права УрГУЮ имени В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: pashininaelena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1924-8044.

AUTHOR'S DETAILS

Elena O. Pashinina

applicant of the Department of Business Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia, Ekaterinburg). E-mail: pashininaelena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1924-8044.

УДК. 346.21, 347

Направления развития машиноисполняемых сделок в условиях цифровизации права¹

С. А. Эбергарт²

Аннотация: статья посвящена анализу первоочередных направлений развития машиноисполняемых сделок в условиях цифровизации права. Рассматриваются ключевые аспекты машиноисполняемых сделок, включая их понятие, сущность, преимущества и потенциальные риски. Уделяется внимание таким направлениям развития, как совершенствование нормативно-правовой базы, разработка технических стандартов, обеспечение информационной безопасности, создание единой терминологии и классификации, а также интеграция машиноисполняемых сделок с существующими правовыми механизмами. Подчеркивается необходимость выработки механизмов правового регулирования и защиты прав участников машиноисполняемых сделок. Анализируется зарубежный опыт регулирования машиноисполняемых сделок. Делается вывод о важности комплексного подхода к развитию машиноисполняемых сделок, учитывающего интересы всех заинтересованных сторон и обеспечивающего баланс между технологическими инновациями и правовыми гарантиями. Статья предназначена для специалистов в области права, информационных технологий, а также всех интересующихся вопросами цифровизации правовых отношений.

Ключевые слова: машиноисполняемые сделки, цифровизация права, блокчейн, информационная безопасность, правовое регулирование, зарубежный опыт.

Directions for development of machine executed transactions in the conditions of digitization of law

Semyon A. Ebergardt³

Abstract: the article is devoted to the analysis of priority directions for the development of machine-executable transactions in the context of digitalization of law. The key aspects of machine-executed transactions are considered, including their concept, essence, advantages and potential risks. Attention is paid to such areas of development as improving the regulatory framework, developing technical standards, ensuring information security, creating a unified terminology and classification, as well as integrating machine-executable transactions with existing legal mechanisms. The need to develop mechanisms for legal regulation and protection of the rights of participants in machine-executed transactions is emphasized. Foreign experience in regulating machine-executed transactions is analyzed. The conclusion is drawn about the importance of an integrated approach to the development of machine-executable transactions, taking into account the interests of all stakeholders and ensuring a balance between technological innovation and legal guarantees. The article is intended for specialists in the field of law, information technology, as well as anyone interested in the issues of digitalization of legal relations.

Keywords: machine-executable transactions, digitalization of law, blockchain, information security, legal regulation, foreign experience.

Одним из наиболее перспективных направлений цифровизации права считается внедрение в правовую систему машиноисполняемых сделок. Под машиноисполняемыми сделками в данном контексте понимаются такие сделки, условия

которых не только записаны в машиночитаемом формате (как в случае машиночитаемых сделок), но и могут быть исполнены компьютером с минимальным участием человека или без его участия в принципе. Машиноисполняемые сделки обла-

¹ Работа выполнена при поддержке ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» в рамках реализации научного проекта «Концепция машиночитаемого права в сфере правового регулирования экономики и бизнеса: перспективы и риски».

² Для цитирования: Эбергарт С. А. Направления развития машиноисполняемых сделок в условиях цифровизации права // Бизнес, менеджмент и право. 2024. №2. С. 91–95.

³ For reference: Ebergardt S. A. Directions for development of machine executed transactions in the conditions of digitization of law // Business, Management and Law. 2024. №2. P. 91–95.

дают рядом специфических признаков, среди которых автоматизированный характер исполнения условий, выражение условий в виде программного кода, высокая степень формализации и стандартизации условий¹. Машиноисполняемыми могут являться как односторонние сделки, так и договоры. Приведем примеры.

Пример односторонней машиноисполняемой сделки — машиноисполняемое завещание. Усло-

Машиноисполняемые договоры принято называть смарт-контрактами

вия машиноисполняемого завещания записываются в виде программного кода, понятного для компьютерной обработки. Этот код содержит детальные инструкции по распределению имущества завещателя после его смерти. Например, указание о передаче определенного имущества конкретным наследникам, порядок и сроки исполнения завещания, условия, при которых те или иные положения вступают в силу. После смерти завещателя компьютерная программа автоматически анализирует условия завещания, верифицирует факт смерти и иницирует процесс передачи имущества наследникам. Все необходимые операции, например перевод денежных средств или оформление права собственности, выполняются компьютером автоматически. Так, машиноисполняемое завещание позволяет полностью автоматизировать процесс распределения наследства в соответствии с волей завещателя. Это повышает скорость, точность и прозрачность исполнения завещания.

Машиноисполняемые договоры принято называть смарт-контрактами. Рассмотрим принцип работы смарт-контракта на аренду автомобиля. В программном коде будут детально прописаны все параметры сделки, информация об арендодателе и арендаторе, характеристики арендуемого автомобиля, срок аренды, стоимость и порядок оплаты, правила использования автомобиля, ответственность сторон и тому подобное. Когда арендатор захочет воспользоваться автомобилем, ему достаточно будет

совершить некое простое действие, например перечислить деньги на счет арендодателя. Как только платеж будет подтвержден, компьютерная программа автоматически разблокирует доступ к автомобилю. По окончании срока аренды программа также автоматически заблокирует доступ к автомобилю, зафиксирует его возврат. Таким образом, весь процесс аренды происходит без участия человека, полностью в автоматическом режиме.

Правовая природа машиноисполняемых сделок остается дискуссионной. Некоторые исследователи рассматривают их как особую разновидность сделок, другие — как новый вид обязательств, возникающих из автоматизированных действий². Мы придерживаемся иной точки зрения: машиноисполняемые сделки представляют собой не новую правовую конструкцию, а лишь способ выражения и исполнения условий традиционных сделок (по крайней мере в российском праве). В ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено следующее положение: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». Из чего мы делаем вывод, что законодатель лишь добавляет к существующим конструкциям новый механизм реализации.

Использование машиноисполняемых сделок открывает широкие возможности для повышения эффективности, прозрачности и безопасности гражданских правоотношений. Автоматизация исполнения условий сделки позволяет минимизировать издержки, ускорить транзакции и исключить человеческий фактор³.

Вместе с тем отсутствие единого понимания правовой природы машиноисполняемых сделок, а также недостаточная разработанность механизмов их регулирования и защиты прав участников создают препятствия для их широкого внедрения. Кроме того, совершение машиноисполняемых сделок требует от субъектов высокого уровня тех-

¹ *Гришь О. С., Гришь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8. С. 55.

² *Колодин Д. А.* Смарт-контракты в системе электронного документооборота // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 207.

³ *Макаров Т. Г.* Применение технологии блокчейн при заключении и исполнении смарт-контрактов // Lex Russica. 2019. № 7. С. 78.

нической грамотности и соблюдение требований по обеспечению информационной безопасности, что может ограничивать их доступность для отдельных категорий граждан и организаций.

В этих условиях особую актуальность приобретает выработка первоочередных направлений развития машиноисполняемых сделок, которые позволят создать необходимые правовые и технические условия для их эффективного функционирования.

Одним из первоочередных направлений развития машиноисполняемых сделок является **совершенствование нормативно-правовой базы**, регулирующей их заключение и исполнение. В настоящее время в российском законодательстве практически отсутствуют специальные нормы, посвященные машиноисполняемым сделкам, что создает правовую неопределенность и препятствует их широкому внедрению.

Для решения данной проблемы необходимо внести изменения в Гражданский кодекс РФ и другие нормативные акты, направленные на легализацию машиноисполняемых сделок и определение их правового статуса. В частности, требуется:

- 1) закрепить понятие машиноисполняемых сделок и их основные признаки;
- 2) определить требования к форме и содержанию машиноисполняемых сделок;
- 3) установить правила заключения, изменения и расторжения машиноисполняемых сделок.

Важной задачей является гармонизация правового регулирования машиноисполняемых сделок на национальном и международном уровнях. Трансграничный характер многих сделок, в основном заключаемых с использованием технологий блокчейн, приводит к необходимости выработки единых подходов и стандартов в данной сфере. Это позволит обеспечить правовую определенность и снизить риски при заключении машиноисполняемых сделок с иностранными контрагентами.

Не менее важным направлением развития машиноисполняемых сделок является **разработка технических стандартов и протоколов**, обеспечивающих их совместимость и безопасность. В настоящее время отсутствуют единые требования к форматам данных, языкам программирования и другим техническим аспектам создания и исполнения машиноисполняемых сделок, что затрудняет их интеграцию и масштабирование.

Для решения данной проблемы необходима разработка общепринятых стандартов и протоко-

лов, которые будут регламентировать основные технические параметры машиноисполняемых сделок. В частности, требуется стандартизация:

- 1) форматов данных и метаданных, используемых в машиноисполняемых сделках;
- 2) языков программирования и программных интерфейсов (API) для создания смарт-контрактов;
- 3) протоколов взаимодействия между различ-

Внедрение единых технических стандартов позволит существенно повысить эффективность и безопасность машиноисполняемых сделок, а также расширить возможности для их применения в различных сферах экономики

ными блокчейн-платформами;

- 4) требований к безопасности и конфиденциальности данных в машиноисполняемых сделках.

Разработка технических стандартов должна осуществляться на основе консенсуса всех заинтересованных сторон, включая представителей бизнеса, государственных органов, научного и экспертного сообщества. При этом важно обеспечить открытость и прозрачность процесса стандартизации, а также возможность его корректировки с учетом развития технологий и потребностей рынка.

Внедрение единых технических стандартов позволит существенно повысить эффективность и безопасность машиноисполняемых сделок, а также расширить возможности для их применения в различных сферах экономики.

Обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных — серьезная сложность, с которой мы столкнемся при внедрении машиноисполняемых сделок. Автоматизация процессов исполнения условий сделки повышает риски несанкционированного доступа, изменения или уничтожения данных, а также утечки конфиденциальной информации.

Для минимизации указанных рисков необходимо разработать комплекс мер по обеспечению информационной безопасности машиноисполняемых сделок. В частности, требуется:

- 1) внедрение надежных механизмов аутентификации и авторизации участников сделок;

2) использование современных криптографических алгоритмов для защиты данных от несанкционированного доступа;

3) обеспечение резервного копирования и восстановления данных в случае сбоя или атак;

4) проведение регулярных аудитов безопасности и тестирования на проникновение;

5) обучение пользователей основам кибербезопасности и правилам работы с машиноисполняемыми сделками.

Важной задачей является также обеспечение конфиденциальности персональных данных, используемых в машиноисполняемых сделках. Для этого необходимо внедрить механизмы анонимизации и псевдонимизации данных, а также обеспечить соблюдение требований законодательства о персональных данных, включая получение согласия субъектов на обработку их данных и предоставление возможности их удаления или изменения.

Кроме того, для обеспечения информационной безопасности машиноисполняемых сделок необходимо развивать сотрудничество между различными участниками рынка, включая разработчиков блокчейн-платформ, провайдеров облачных услуг, страховые компании и правоохранительные органы. Это позволит своевременно выявлять и предотвращать угрозы, а также минимизировать ущерб в случае их реализации.

Очередным условием эффективного развития машиноисполняемых сделок является **создание базы единой терминологии и классификации**, которая будет использоваться всеми участниками. В настоящее время отсутствует общепринятое понимание многих ключевых понятий, связанных с машиноисполняемыми сделками, таких как «смарт-контракт», «токен», «оракул» и др., что создает путаницу и затрудняет коммуникацию между различными субъектами.

Для решения данной проблемы необходимо разработать и закрепить единый глоссарий терминов, используемых в сфере машиноисполняемых сделок. При этом важно обеспечить согласованность терминологии с существующими правовыми и техническими стандартами.

Также необходимо обеспечить **интеграцию машиноисполняемых сделок с существующими ин-**

струментами, такими как электронный документооборот, электронная подпись, онлайн-разрешение споров и др., это позволит создать целостную и непротиворечивую систему регулирования цифровых правоотношений, а также расширить возможности для использования машиноисполняемых сделок в различных сферах, и интеграцию машиноисполняемых сделок с системами онлайн-разрешения споров (ODR), которые позволяют урегулировать конфликты между сторонами в удаленном режиме. Использование ODR может существенно ускорить и удешевить процесс разрешения споров, вытекающих из машиноисполняемых сделок, а также повысить доверие к ним со стороны пользователей.

При разработке подходов к регулированию машиноисполняемых сделок в России важно учитывать зарубежный опыт и лучшие практики в данной сфере. В настоящее время существует не так много стран, которые активно развивают нормативную базу для машиноисполняемых сделок. Приведем несколько примеров.

В США на уровне отдельных штатов приняты законы, признающие юридическую силу смарт-контрактов и определяющие требования к их заключению и исполнению. Так, в штате Аризона смарт-контракты определяются как «управляемая событиями программа с состоянием, которая работает в распределенной, децентрализованной, общей и реплицируемой бухгалтерской книге и которая может осуществлять хранение и передачу активов в этой бухгалтерской книге»¹. Согласно законодательству Аризоны, записи или контракты, защищенные с помощью технологии блокчейн, считаются электронными и имеют юридическую силу. Штаты Невада и Вермонт также признают юридическую значимость данных, хранящихся в блокчейне, что может применяться и к смарт-контрактам²³.

На федеральном уровне в США не принято каких-то специальных законов, направленных на регулирование машиноисполняемых сделок, однако, как отмечает А. С. Скиперский, «Акт об электронных подписях в глобальной и национальной торговле 2000 года может обеспечить определенный юридический вес для применения смарт-контрактов в соответствии с действующим законодательством»⁴.

¹ Arizona 2017 HB2417 Introduced // URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1497439/Arizona-2017-HB2417Introduced.html>.

² Nevada Senate Bill 398 // URL: <https://legiscan.com/NV/text/SB398/2017>.

³ Vermont (H868 Sec I.1. 12 V.S.A. § 1913 / URL: <https://legislature.vermont.gov/statutes/section/12/081/01913>.

⁴ Скиперский А. С. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах // Юридическая наука. № 2. 2022. С. 92.

В Европейском союзе также наблюдается активное развитие нормативной базы для регулирования машиноисполняемых сделок. Так, в 2022 году Европейская комиссия представила проект Регламента о рынках криптоактивов (MiCA), который содержит положения, касающиеся смарт-контрактов¹. Согласно проекту, смарт-контракты определяются как «компьютерная программа, работающая на основе распределенного реестра, которая может автоматически выполнять условия договора». Регламент устанавливает требования к раскрытию информации, прозрачности и управлению рисками для провайдеров услуг, связанных со смарт-контрактами.

Кроме того, Европейский парламент в 2020 году принял резолюцию с рекомендациями Комиссии по Акту о цифровых услугах, в которой содержится призыв к уточнению статуса смарт-контрактов в контексте Директивы о правах потребителей². Это свидетельствует о растущем внимании европейских институтов к вопросам правового регулирования машиноисполняемых сделок.

В целом, можно отметить, что как в США, так и в Европе наблюдается тенденция к признанию юридической силы смарт-контрактов и разработке специальных норм, направленных на их регулирование. При этом особое внимание уделяется

защите прав потребителей в условиях применения новых технологий. Данный опыт может быть полезен при формировании российского подхода к регулированию машиноисполняемых сделок.

Итак, первоочередными направлениями развития машиноисполняемых сделок в России являются совершенствование нормативно-правовой базы, разработка технических стандартов и протоколов, обеспечение информационной безопасности, создание единой терминологии и классификации, а также интеграция с существующими правовыми институтами. Важным условием эффективного развития машиноисполняемых сделок является также активное участие профессионального сообщества в обсуждении и решении возникающих проблем. Необходимо объединение усилий юристов, IT-специалистов, представителей бизнеса и государственных органов для выработки оптимальных подходов к регулированию и использованию машиноисполняемых сделок. При этом важно учитывать зарубежный опыт и лучшие практики в данной сфере, адаптируя их к российским реалиям. Необходимо также развивать международное сотрудничество в области регулирования машиноисполняемых сделок, стремясь к гармонизации национальных законодательств и выработке единых стандартов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex Russica*. 2019. № 8. С. 51–62.
2. *Колодин Д. А.* Смарт-контракты в системе электронного документооборота // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 2. С. 206–212.
3. *Макаров Т. Г.* Применение технологии блокчейн при заключении и исполнении смарт-контрактов // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 74–82.
4. *Скитерский А. С.* Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах // *Юридическая наука*. № 2. 2022. С. 92–95.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эбергарт Семен Александрович
сотрудник Лаборатории цифрового права при кафедре предпринимательского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева (Россия, Екатеринбург). E-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

AUTHOR'S DETAILS

Semyon Al. Ebergardt
employee of the Laboratory of Digital Law at the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovleva (Russia, Yekaterinburg). e-mail: semen_nkz77@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0714-5400.

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937, COM/2020/593 final.

² European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a Digital Services Act: adapting commercial and civil law rules for commercial entities operating online (2020/2019(INL)).

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
И научно-практический экономико-правовой журнал
ПРАВО

Выпускающие редакторы: *О. В. Вагина, Е. Ю. Гаевская.*
Редактор: *Л. А. Гафарова.* Верстка: *М. А. Улыбышева.* Переводчик: *Н. В. Садькова*

Адрес редакции и издателя журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303,
тел./факс: +7 (343) 367-43-01, web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 25.06.2024 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,73.
Уч.-изд. л. 8,83. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 30/06-24. Дата выхода в свет: 30.06.2024 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» — «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ